

РОМАН БАДАЛОВ

**ВСТРЕТИМСЯ
В ИЕРУСАЛИМЕ**

**Тель-Авив
2011**

РОМАН БАДАЛОВ

**ВСТРЕТИМСЯ
В ИЕРУСАЛИМЕ**

**Тель-Авив
2011**

Роман Бадалов

ВСТРЕТИМСЯ В ИЕРУСАЛИМЕ

© Все права принадлежат автору
Роману Бадалову

050-7556059

Книга повествует о замечательных людях из кавказской и бухарской общины, которые своими добрыми делами и светлыми помыслами, оставили неизгладимый след в памяти соотечественников. Они разные — и по своему возрасту, и делом, которому посвятили жизнь. Многих из них уже нет в живых. Но Память о них жива в сердцах сотен и тысяч земляков, они остаются для них дорогими и близкими людьми.

Ведь Память и есть самая большая награда Человеку. Пусть же благославенна будет их Память. А здравствующим — долголетия и, как говорится, до 120!

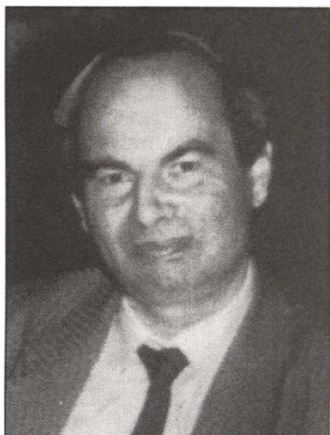
Тель-Авив

2011

РОМАН БАДАЛОВ

(автобиографическая справка)

Роман Баданов, или, как его еще называют, доктор Бадалов, — известный поэт, прозаик и журналист. Его творчество давно известно и российскому, и израильскому читателю. Он — автор ряда интересных книг прозы и поэзии, среди которых наиболее известны: «Иду на огонь», «Живу на войне», «Кавказские тосты», «Похищение Семендера», «Анджи-наме».

В свое время две книги писателя были представлены на соискание государственных премий. Здесь, в Израиле, это «Живу на войне», а на родине исхода, это «Иду на огонь». На литературном поприще Роман Бадалов дебютировал, как поэт. Он был самым юным делегатом на Первом съезде молодых писателей Дагестана.

До приезда в Израиль, Роман Бадалов работал собственным корреспондентом ряда центральных газет по региону Северного Кавказа, параллельно активно сотрудничая с центральными художественными и общественно — политическими журналами: «Москва», «Нева» «Знамя», «Звезда», «Молодая гвардия» и «Звезда Востока», в которых печатались такие поэты, как Назым Хикмет и Зульфия. Печатался Роман Бадалов и в

международном журнале «Форум». Кроме того, как публицист, печатался в «Литературной газете», «Известиях», «Сельской жизни», «Комсомольской правде». С 1995 года живет в Израиле, активно работая и как писатель, и как журналист. Регулярно печатается на страницах «Новости недели», «Вести», «Секрет», «Менора». Роман Бадалов — интернационалист по духу и своему мировоззрению. Но кавказская тема, остается для него главной. И вот новые книги писателя — «Аи лазат!» и «Папа выходит замуж». Роман Бадалов предстает в них в новом амплуа — в жанре юмористических рассказов, лишний раз подтверждая аксиому о том, что над собой могут смеяться только сильные и очень серьезные люди.

Его имя занесено в Краткую еврейскую Энциклопедию.

«Встретимся в Иерусалиме» — последняя работа писателя.

ЕВРЕЙСКИЕ ПРАЗДНИКИ

Праздники Господни, которые вы должны называть священными собраниями, — это Мои праздники.

(Ваикра, 23)

Тора называет праздник словами *хаг* («праздник») и *моэд* («собрание» — то есть день священного собрания), чтобы воссоздать для нас то событие, которое легло в основу праздника, и дать нам возможность пережить его вновь.

Словом *хаг* Тора называет только три праздника: Песах, Шавуот и Сукот, которые отличаются тем, что работать в эти дни запрещено. В те времена, когда существовал Храм, в нем в каждый из этих дней приносили определенные жертвоприношения, они были «священными собраниями» в буквальном смысле слова — днями молитв, чтения Торы и общих трапез, на которые приглашали прозелитов, сирот, одиноких людей, вдов и бедняков. Женщинам дарили подарки, детям раздавали сладости — все радовались и веселились. Поскольку все эти праздники имеют также и сельскохозяйственное значение, они выражали единство духовной и материальной жизни еврейского народа.

Другой вид праздников — это определенные даты, связанные с отсчетом времени согласно еврейскому календарю и повторяющиеся регулярно: например, суббота (см. выше), *рош-ходеш*, Рош-Гашана, Йом-Кипур. Кроме того, есть ряд праздников, возникших в более позднее время в память об определенных событиях: Ханука, Пурим, Лаг-Баомер, Пятнадцатое ава, а также дни всеобщих постов.

«Вот праздники Г-спода...» «Предание говорит, что как только были названы пять праздников, перечисленных в Торе, каждый из них стал претендовать на то, что он — более важный.

Песах, отмечаемый в месяце нисан, первом месяце года согласно Торе, утверждал, что поскольку он — праздник свободы, без него все прочие праздники не имеют никакого смысла.

Шавуот возражал, что он праздник дарования Торы, а без Торы и ее заповедей свобода превращается в анархию, а человеческое общество — в джунгли.

Рош-Гашана подчеркивал, что он — день Суда, в который определяется судьба всех созданий на будущий год, — поэтому кто же может с ним сравниться?

Йом-Кипур тоже не остался в долгу: ведь это он дает возможность каждому человеку открыть новую страницу в жизни, возвратиться на путь истины и справедливости!

А Сукот говорил о значении, которое имеют «сука» и «арба миним», о том, что он — праздник, объединяющий весь народ Израиля, что он — выражение мира и человеколюбия...

Кто был прав? Нет сомнения, что аргументы каждого из праздников были верны. Все пять праздников — звенья единой цепи. Ценности, заключенные в каждом из них, — это неотъемлемые части единой системы 613 заповедей иудаизма.

ХАНУКА

Какова история праздника

В 168 г. до н. э. сирийский царь из династии Селевкидов Антиох IV вторгся в Землю Израиля и разграбил Иерусалимский Храм. Не удовлетворившись физическим разрушением страны, Антиох, Прозванный Епифаном (по-гречески — Славным) начал запрещать евреям следовать их тысячелетним традициям: были запрещены соблюдение праздников и Субботы, обрезание и освящение нового месяца. Евреи насильственно привлекались к участию в жертвоприношениях языческим божествам. Сирийцы простерли руку на имущество и дочерей народа Израиля. Ворота Храма были замурованы, а стены проломлены.

Многие евреи отчаялись и «предпочли умереть, нежели оскверниться» (*1 книга Маккавеев, 1:63*). Однако другие стали сопротивляться и таким образом показали первый в истории пример вооруженного восстания против духовного гнета.

Лидером восстания был не военный и не политик, а первосвященник оскверненного Храма Матитяю. Он жил в Модиине, городе, который в наши дни располага-

ется в центре Израиля. Он и его пятеро сыновей сражались с гораздо более многочисленным противником. Через 20 лет тяжелых боев они добились как религиозной, так и политической свободы. А Храм был освобожден и освящен заново уже в 164 г. до н. э.

Царство Маккавеев, названное по прозвищу семьи первосвященника Матитьяу («маккаби» по-арамейски «топор») существовало около ста лет. Внутренние раздоры и вторжение римлян под предводительством Помпея положили конец независимости Иудеи в 63 г. до н. э. Тем не менее, примеру решимости защищаться и готовности к самопожертвованию, характеризовавшим восстание Маккавеев, предстояло вдохновлять и поддерживать еврейский народ в течение двух тысяч лет изгнания и притеснений.

Когда Израиль победил и уничтожил своих врагов, был 25-й день месяца Кислев. Вступившие в Храм нашли только один кувшин чистого масла для светильника, которого могло хватить только на один день. Но оно горело в храмовых светильниках восемь дней, пока не было Приготовлено новое чистое масло. (*Рамбам, «Законы Хануки», 3*)

Порядок зажигания ханукальных свечей

Сколько свечей зажигают в Хануку

В первый ханукальный вечер зажигаем одну свечу, во второй — две, и так далее, пока в восьмой вечер горят восемь свечей. Каждый вечер зажигаем вначале новую свечу (слева).

Для зажигания огней мы используем специальный светильник, *ханукию*, в котором есть восемь чашечек или восемь гнезд для свечей. Те, кто стремятся выполнить заповедь особо великолепно, берут по ханукие для каждого члена семьи.

Время зажигания ханукальных свечей — начало ночи, сразу после молитвы Маарив. Поэтому перед

тем, как зажечь их, запрещено приниматься за какое-либо другое дело. Многие не дожидаются начала ночи, а зажигают ханукальные огоньки после захода солнца, едва наступают сумерки. Каждый из этих огней должен гореть не менее получаса. **Ханукию** ставят на такое место, где ее всякий может увидеть, потому что главный смысл заповеди — распространение знания о чуде, которое совершил нам Всевышний. Нельзя пользоваться светом ханукальных огней для какой-либо другой цели.

Благословение перед зажиганием ханукальных свечей

1. БАРУХ АТА. АДОНАЙ. ЭЛОЭЙНУ, МЕЛЕХ АОЛАМ.
АШЕР КИДШАНУ БЕЙЦВОТАВ БЕЦЙВАНУ ЛЕАДЛИК НЕР
ХАНУКА!

*Что означает: Благословен Ты. Б-г всеильный наш.
Властелин вселенной, освятивший нас Своими запо-
ведями и повелевший нам зажигать ханукальный све-
тильник!*

2. БАРУХ АТА, АДОНАЙ, ЭЛОЭЙНУ, МЕЛЕХ АОЛАМ, ШЕАСА НИСИМ ЛААВОТЕЙНУ БАЯМИМ АЭМ БАЗМАН АЗЕ!

Что означает: Благословен Ты, Б-г Всесильный наш. Властелин вселенной, явивший чудеса отцам нашим в те времена в эти же дни года.

3. Это благословение ханукальных свечей произносится только в первый день, либо когда зажигающий впервые в этом году зажигает ханукальные свечи:

БАРУХ АТА, АДОНАЙ, ЭЛОЭЙНУ, МЕЛЕХ АОЛАМ, ШЕЭХЕЯНУ ВЕКИЕМАНУ ВЕЙГИЯНУ ЛАЗМАН АЗЕ!

Что означает: Благословен Ты, Б-г Всесильный наш. Властелин вселенной, который даровал нам жизнь и поддерживал ее в нас и дал нам дожить до этого времени!

Затем, глядя на горящие свечи, произносят:

АНЕРОТ АЛАЛУ АНАХНУ МАДЛИКИН АЛЬ АНИСИМ, ВЭАЛЬ АТЭШУОТ, ВЭАЛЬ АНИФЛАОТ, ШЭАСИТА ЛААВОТЕЙНУ АЛЬ ЕДЭЙ КОХАНЭХА АКЭДОШИМ ВЭХОЛЬ ШМОНАТ ЕМЭЙ ХАНУКА АНЕРОТ АЛАЛУ КОДЭШ, ВЕЭН ЛАНУ РЭШУТ ЛЕИШТАМЭШ БАЭМ. ЭЛА ЛИРЪОТАМ БИЛЬВАД, КЕДЭЙ ЛЕОДОТ ЛИШМЭХА АЛЬ НИСЭХА, ВЭНИФЛЕОТЕХА ВЭШУОТЕХА.

Что означает: Эти свечи мы зажигаем в память о чудесах, явных и скрытых, и о войнах, и о спасениях, которые сделал Ты отцам нашим в те дни, в это время, через святых кознов Своих и все восемь дней эти Ханукальные свечи — святы, и не имеем мы права пользоваться их светом для освещения, но можем лишь смотреть на них, чтобы воздать хвалу и прославление Имени Твоему за чудеса явные и скрытые и за спасение Твое.

Обычаи Хануки и их смысл

Существует обычай, запрещающий женщинам работать, пока горят ханукальные светильники, и от него не следует отступать. Женщины выполняют обычай воздер-

живаться в Хануку от работы более строго, чем мужчины, потому, что военной победой над греками еврейский народ был, как рассказывает Талмуд, в значительной степени обязан женщине — Йегудит, дочери первосвященника Йоханана, которая отрубила голову одному из греческих военачальников, когда он спал, благодаря чему было спасено множество евреев.

В Хануку есть еще один обычай, связанный с этим событием — есть блюда из сыра: в память о сыре, которым Йегудит накормила врага, чтобы пробудить в нем жажду и опоить вином, чтобы он уснул.

В некоторых общинах мужчины тоже не занимаются работой в то время, пока горят свечи:

- Чтобы не нарушили запрет на использование света ханукального светильника.

- А также потому, что праздник называется «ханука», что означает «отдыхами 25-го числа».

В Хануку уделяют особое внимание обучению детей Торе. Во многих общинах устраиваются различные мероприятия, задача которых — пробудить в детях тягу к глубокому изучению Торы.

Главный обычай Хануки — **Хинух**, воспитание (однокоренное со словом «Ханука» слово на иврите) — воспита-

ние как детей, так и всего народа. Его задача — добиться того, чтобы евреи не забывали о милости, оказанной им Всевышним, прославляли Его и исполняли Его заповеди.

Хотя в Хануку не обязательно устраивать праздничную трапезу, большинство евреев все-таки старается в эти дни садиться за стол в праздничной обстановке, беседовать о Торе и рассказывать о чудесах Хануки. Принято есть блюда, изжаренные в масле — в память о чуде в Храме с кувшином масла.

Существует обычай раздавать детям в ходе этих мероприятий «ханукальные деньги» с тем, чтобы привлечь их внимание и интерес к исполнению заповедей — давать как можно больше пожертвований.

13 ОСНОВ НАШЕЙ ВЕРЫ

Мудрецы наши предостерегают скорбящего от чрезмерного проявления горя: надлежит придерживаться рамок, очерченных Галахой. Человек устроен так, что страдание и горе постепенно забываются, и он снова возвращается к повседневной жизни. Однако того, кто вовсе не ощущает горя, мудрецы осуждают, называя его «жестокосердным».

У пророка Ирмеягу (гл. 22) есть такие слова: «Не плачьте по умершему и не рыдайте о нем».

Мудрецы объясняют, что пророк имеет в виду: «Не плачьте сверх меры и не рыдайте больше, чем требует закон».

В книге Дварим, в главе 14-й сказано: «Сыны вы у Г-спода, Б-га вашего — не царапайте тело свое и не вырывайте волосы свои по умершему; ибо вы — святой народ Г-спода, Б-га вашего, вас избрал Г-сподь быть Ему особым народом, отличающимся от всех народов земли».

В этих словах заключена глубочайшая философская идея, касающаяся также и формы проявления скорби, приличествующей сыновьям избранного народа, верящего в бессмертие души. Поэтому вы, сыны Израиля, не должны подражать тому, как свое горе проявляют сыны прочих народов, царапающие до крови тело и рвущие на себе волосы. Если умирает еврей — это еще не конец. Это лишь временная разлука — поскольку «сыны вы у Г-спода, Б-га вашего», и жизнь ваша продолжается в мире абсолютного добра. Слишком острое, необузданное выражение скорби наносит урон «Б-жественному образу», которым вы обладаете.

В трактате Авот говорит раби Яков*: «Этот мир подобен прихожей перед миром грядущим — приготовься в прихожей, чтобы войти в гостиную». Еврейская вера в бессмертие души («а дух вернется к Б-гу, давшему его») и в воскрешение мертвых («пробудятся и воспоют лежащие во прахе») — два краеугольных камня нашего мировоззрения. Рамбам сформулировал «13 основ иудаизма», которые мы повторяем каждый день после молитвы «Шахарит». Последняя из них выражает нашу веру в воскрешение мертвых.

Вот они:

1. Я верую безраздельной верой в то, что Творец, благословенно имя Его, творит все творения и управляет ими и что Он один создавал, создает и будет создавать всё, что есть в мире.

2. Я верую безраздельной верой в то, что Творец, благословенно имя Его, един, и нет другого единства, подобного Ему, ни в каком отношении, и что Он лишь один — Б-г наш в прошедшем, настоящем и будущем.

3. Я верую безраздельной верой в то, что Творец, благословенно имя Его, не имеет тела, и что Он недоступен тем, кто постигает материальные формы, и что у Него вообще нет никакого подобия.

4. Я верую безраздельной верой в то, что Творец, благословенно имя Его, есть первый и Он же — последний.

5. Я верую безраздельной верой в то, что одному только Творцу, благословенно имя Его, подобает молиться и что никому, кроме Него, не подобает молиться.

6. Я верую безраздельной верой в то, что все слова пророков — истина.

7. Я верую безраздельной верой в то, что пророчество Моше-рабейну — истина, и что он — духовный отец всех

* **Раби Яков (бар Коршай)** — танай четвертого поколения, приближенный к рабаиу Шимону бен Гамлиэлю. Известны его высказывания: «Один час тшувы и добрых дел в этом мире лучше всей жизни в мире грядущем, но один час душевного покоя в мире грядущем лучше целой жизни в этом мире» (Авот, 4:17).

пророков, как предшествовавших ему, так и пришедших после него.

8. Я верую безраздельной верой в то, что вся Тора, находящаяся в наших руках теперь, есть та самая Тора, которая была дана на Синае Моше-рабейну.

9. Я верую безраздельной верой в то, что эта Тора не будет заменена и что от Творца, благословенно имя Его, не будет никакой другой Торы.

10. Я верую безраздельной верой в то, что Творец, благословенно имя Его, знает все дела людей и все мысли их — как сказано: «Создавший все их сердца постигает все их дела».

11. Я верую безраздельной верой в то, что Творец, благословенно имя Его, воздает добром соблюдающим Его повеления и карает преступающих их.

12. Я верую безраздельной верой в то, что Машиах придет — и, хотя он задерживается, я каждый день жду, что он придет.

13. Я верую безраздельной верой в то, что произойдет воскрешение мертвых тогда, когда это будет угодно Творцу, благословенно имя Его, и память о Нем будет превозносима всегда и во веки веков.

ИСТОРИЯ ПРО БЕРЕШИТ — ПРО ТО, КАК ХАШЕМ СОТВОРИЛ МИР

Вначале — *берешит* — сотворил ХаШем *эт-ха-шамаим* — небо, *ве-эт-ха-арец* — и землю. И земля была пустая и удивительная, и тьма висела над бездною, и *руах* — ветер ХаШема — носился над водою. Потому что вся земля была под водою, и над этой водою был ветер ХаШема,

И сказал ХаШем: «*Йехи ор*» — «Да будет свет!» И стал свет. И увидел ХаШем, что свет хорош, и разделил ХаШем свет и темноту. И назвал ХаШем свет днем, а тьму — ночью. И был вечер, и было утро, день один.

А во второй день — *йом шени* — ХаШем сказал небу, чтобы оно встало на свое место. Чтобы небо было над землею и чтобы оно отделяло верхний мир от нашего, нижнего мира.

А в третий день — *йом שלישי* — сказал ХаШем: «Пусть стечется вода, которая под небом, в одно место, и пусть появится суша — обыкновенная земля». И стало так. И увидел ХаШем, что это хорошо.

А еще на третий день сказал ХаШем: «Пусть растут на земле деревья, и кусты, и трава, и всякие цветы». И стало так. И увидел ХаШем, что это хорошо.

А на четвертый день — *йом рביעי* — сказал ХаШем: «Пусть будут на небе солнце, луна и звезды; пусть они ходят по тем дорожкам, которые сделаны для них на небе, и пусть они светят на Землю». И стало так. И сделал ХаШем солнце, чтобы оно светило днем, и сделал

ХаШем луну, чтобы она светила ночью, и чтобы луна показывала новый месяц, а солнце показывало новый год. И увидел ХаШем, что это хорошо.

А на пятый день — *йом ха-миши* — сказал ХаШем: «Пусть будут рыбы, и птицы, и лягушки, и всякие ящерицы». И стало так. И благословил ХаШем рыб, и птиц, и лягушек, и ящериц, и сказал: «*Пру у-рву*» — «Плодитесь и размножайтесь», чтобы много рыб плавало по всем морям, много птиц летало по небу и много всяких лягушек и ящериц прыгало и ползало по земле. И увидел ХаШем, что это хорошо.

А на шестой день — *йом ха-шиши* — сказал ХаШем: «Пусть будут на земле животные-домашние и дикие». И стало так. И сделал ХаШем животных, и они стали жить на земле. И увидел ХаШем, что это хорошо.

И сказал тогда ХаШем: «*Наасэ Адам!*» — «Давайте сделаем человека, чтобы он был главным над рыбами, и над птицами, и над всеми животными», И сотворил ХаШем человека. Он сделал человека по Своему образу и подобию. И назвал ХаШем человека Адамом, и сделал ему жену, и благословил их, и сказал им: «*Пру у-рву*» — «Плодитесь и размножайтесь; живите повсюду на земле, и будьте самыми главными над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всеми животными, и над всей Землею».

ИСТОРИЯ ПРО АВРААМА, САРУ И ПРО АВИМЭЛОХА, ЦАРЯ ГЕРАРА

Авраам очень любил принимать гостей и говорить с ними о том, что нужно служить ХаШему. А после того, как истребил ХаШем Сдом и его окрестности, люди совсем перестали ходить через то место, где жил Авраам. И тогда он решил перейти жить на новое место, потому что на старом некого было ему позвать к себе в гости. И вот поднялся Авраам и вместе со всей своей семьей переехал жить в город Герар.

И в Гераре опять сказал Авраам про Сару, жену свою: «Это моя сестра», — потому что он боялся, что его могут убить, чтобы взять Сару в жены.

И, действительно, как только они переехали жить в Герар, Авимэлэх, царь Гераара, послал своих слуг, и они схватили Сару и привели ее во дворец Авимэлэха. И тогда ХаШем напустил страшную болезнь на Авимэлэха и на всех людей, кто был у него во дворце, и закрылись все отверстия у них на теле, и перестали они слышать, и не смогли говорить, и мучились они ужасно.

И явился ХаШем к Авимэлэху ночью во сне и сказал:

— Вот ты умираешь из-за этой женщины, потому что она жена Авраама. И Авимэлэх ответил Хашему:

— Но ведь Авраам сам сказал мне, что это его сестра. Я не виноват! Но ХаШем возразил ему:

— Ты виноват, потому что нельзя насильно брать никакую женщину себе в жены. А теперь возврати ее Ав-

рааму и проси у него прощения. И он будет молиться за тебя, и ты не умрешь.

И проснулся Авимэлэх рано утром, и позвал всех слуг своих, и рассказал им весь этот сон. И все слуги Авимэлэха очень испугались ХаШема. И позвал Авимэлэх Авраама и сказал ему:

— *Мэ асита лану?* — Что же это сделал ты нам? Ведь ты сказал, что Сара твоя сестра!

Авраам ответил ему:

— Видел я, что не боитесь вы ХаШема, ни ты, ни народ твой, и поэтому испугался я, что можете вы меня

убить. Да и на самом деле Сара мне почти сестра, потому что она дочь моего брата Харана.

И тогда Авимэлэх вернул Аврааму Сару, и дал ему много подарков, и попросил прощения как следует. И сказал Авимэлэх Аврааму:

— Живи в моей стране, где хочешь.

И помолился Авраам ХаШему, и ХаШем излечил Авимэлэха и всех слуг его, и они выздоровели. И поселился Авраам в Гераре. И как-то однажды сказал Авимэлэх Аврааму:

— Вижу я, что ХаШем помогает тебе во всем, что ты делаешь. Давай же заключим союз, что будем дружить мы с тобой, и дети наши, и внуки наши.

ИСТОРИЯ ПРО ТО, КАК ЕВРЕИ ВЫШЛИ ИЗ ЕГИПТА

Фараон был первенцем, он должен был погибнуть во время десятой казни. Но в ту страшную ночь пятнадцатого нисана он все равно лег в свою постель и заснул. Сильным человеком был фараон. В полночь он проснулся. Вопль великий и плач стояли над Египтом. Не было ни одного идола, который не был бы разбит, не было ни одного дома, где не было бы мертвого.

Хотел было фараон призвать к себе Моше, но ведь Моше сказал, что больше не придет во дворец. И фараон сам кинулся его искать прямо ночью. Нашел он Моше и Аарона и сказал:

— Вставайте же скорее, уходите из Египта немедленно, вы и все евреи! Вы свободны!

Услышали это другие египтяне, бросились к евреям и тоже стали умолять их уйти из Египта поскорее. Но Моше сказал:

— Разве мы воры или разбойники, чтобы уходить ночью? Мы уйдем при ярком свете дня. Тебя же, фараон, ХаШем оставил в живых этой ночью для того, чтобы именно ты, который так долго мучил евреев, чтобы ты сам отпустил их.

И ХаШем сказал Моше:

— Сейчас евреи уходят из рабства и готовы забыть обо всем, лишь бы уйти поскорее. Это неправильно. Вы должны получить плату за свой многолетний каторжный труд. Пусть же евреи возьмут у египтян их серебро, золото и дорогие одежды.

И евреи просили у египтян вещи золотые и серебряные, и одежды дорогие, и египтяне — ведь так хотел Хашем — отдавали им все и кричали:

— Забирайте все, все что хотите, только уходите быстрее!

И вот, вышли евреи из Египта. Они так торопились, что даже не приготовили себе еды в дорогу, взяли с собой только тесто, которое успели замесить и которое еще не поднялось. Из этого пресного теста наши отцы испекли в пустыне лепешки. Это и есть наша маца.

Вышло из Египта около трех миллионов евреев, и увели евреи из Египта весь свой скот. Ушло с евреями также и много всякого другого народа. Это были люди, которые понимали, что ХаШем с евреями, и поэтому хотели они быть поближе к евреям.

Обычно ХаШем не показывает Себя людям, и увидеть Его непросто. Только один-единственный раз в истории нашего мира было так, чтобы ХаШем показал себя всем — это было во время исхода евреев из Египта.

ИСТОРИЯ ПРО ТО, КАК РОДИЛСЯ МОШЕ

Самым мудрым, самым уважаемым человеком среди евреев в то время был один левит, звали его Амрам. И вот когда фараон приказал убивать еврейских младенцев, Амрам подумал: «Зачем евреям рожать детей, если египтяне их тут же будут убивать?» И Амрам развелся со своей женой, которую звали Йохэвед.

А в то время у Амрама и Йохэвед уже было двое детей, девочка Мирьям и мальчик Аарон, И Мирьям сказала отцу своему Амраму:

— Как же так? Фараон повелел убивать только мальчиков. Но если дети не будут рождаться, то не будет и девочек! Тогда очень скоро евреев на свете совсем не останется!

И Амрам рассудил, что его дочь Мирьям права. И тогда он опять взял Йохэвед в жены.

И вот как-то однажды, вскоре после этого, пришли к фараону звездочеты и гадатели и сказали:

— Плохая весть, великий фараон! Расчеты ясно показывают, что со дня на день должен родиться человек, который уведет евреев из Египта. Однако наша наука говорит, что у человека этого будут большие неприятности, связанные с водой. Непонятно лишь, египтянин это будет или еврей.

— Что? — сказал фараон. — Освободителем евреев может оказаться египтянин? Повелеваю: отныне пусть в Нил бросают не только еврейских, но и египетских младенцев! Ваша наука говорит правильно — у врага моего

от воды будут очень большие неприятности, и к тому же сразу, как только он родится на свет. — И фараон мрачно ухмыльнулся.

Как раз в эти дни у Амрама и Йохэвед родился третий ребенок, мальчик. Когда он родился, весь дом озарился светом, и тогда все поняли, что ребенку этому суждено совершить великие дела.

Три месяца Йохэвед удавалось прятать сына. Но через три месяца к ней пришли соседи и сказали:

— Йохэвед! Солдаты фараона рыщут совсем рядом, они ищут твоего ребенка, вот-вот они придут сюда!

И тогда Йохэвед взяла корзину с крышкой и обмазала ее снаружи смолой, а изнутри глиной. Она положила своего сына в эту корзину, отнесла к Нилу и поставила ее на воду, в тростнике у берега. Мирьям же спряталась так, чтобы издали следить за своим маленьким братом и видеть, что случится с ним.

Но почему Йохэвед не отнесла корзину на перекресток дорог или не спрятала в овраге? Вот почему: она знала, что, как только корзина с ребенком окажется на воде, придут к фараону его звездочеты и гадатели и скажут:

— Тот, кто должен был увести евреев из Египта, брошен в Нил! Так и случилось.

Услышав это, фараон отменил свой указ об убиении младенцев, и в воду их больше не бросали.

А тем временем дочь фараона пошла на Нил купаться. И вот подходит она к воде и вдруг видит какую-то корзину в тростнике. Велела дочь фараона одной из своих рабынь достать эту корзину, открыла ее и увидела младенца. И догадалась она, что мальчик этот — еврейский ребенок, и пожалела его дочь фараона и решила, что возьмет малыша к себе во дворец и вырастит его. Но ведь младенцу нужна кормилица, как же быть?

Тут подошла к дочери фараона Мирьям, которая все это видела. И сказала Мирьям:

— Позволь, я пойду и приведу к тебе кормилицу из еврейских женщин.

И ответила дочь фараона:

— Пойди.

Тогда Мирьям стремглав побежала домой и привела Йохэвед. И дочь фараона сказала ей:

— Возьми этого ребенка и вскорми мне его, пожалуйста.

И Йохэвед забрала своего сына домой. Но когда она вскормила его, ей пришлось отдать мальчика во дворец дочери фараона.

Дочь фараона назвала его Моше, потому что она вытащила его из Нила, а моше означает «тот, кто вытаскивает». И не зря она назвала мальчика именно так — ведь через много лет Моше вытащил, вывел евреев из Египта.

И дочь фараона растила Моше как собственного сына. (Теперь ты понимаешь, почему звездочеты и гадалки, которые вообще-то предсказывали все более-менее правильно, не разобрались, египтянин будет Моше или еврей?)

И ХаШему очень понравилось, как поступила дочь фараона, как она не испугалась страшного указа своего отца и спасла Моше от смерти. Имя дочери фараона было Битья, что значит «дочь ХаШема». Битья одна из тех немногих людей, которых ХаШем забрал к Себе живыми и которые не у мерли. Вот так и получилось, что Моше, которого фараон так хотел погубить, не только остался цел и невредим, но, более того, вырос у этого фараона.

ИСТОРИЯ ПРО ТО, КАК ФАРАОН РЕШИЛ УНИЧТОЖИТЬ ЕВРЕЕВ

Сделав евреев рабами, фараон приказал им строить города запасов Питом и Раамсэс. При этом он специально велел строить эти города на болотах: болота постоянно разрушали дома, и города медленно тонули. Люди в этих городах не жили, а все дома там были и не дома вовсе, а хранилища сокровищ и запасов фараона. Потому и назывались Питом и Раамсэс городами запасов. И вот только-только отстроят евреи один город, как другой опять уже тонет и разваливается, и опять надсмотрщики заставляют евреев делать тяжелую и бессмысленную работу.

Надсмотрщики же все были людьми жестокими, Они, чуть что, били евреев и мучили их. Теперь евреи должны были уже не только месить глину и делать кирпичи, но и работать на полях и вообще делать всякую работу по хозяйству, какую египтяне ни прикажут.

Фараон хотел, чтобы от такой тяжелой жизни у евреев не рождались дети и чтобы евреев становилось все меньше. Но ведь ХаШем не хотел этого! ХаШем хотел только наказать евреев за то, что они забыли про Него, И вот чем больше египтяне изнуряли евреев работой и издевались над ними, тем больше и больше становилось евреев. И не понимали египтяне, как это так, и ходили они злые, и было им плохо из-за евреев,

Тогда фараон стал думать: как же все-таки справиться с евреями? И приду мал он вот что.

Позвал фараон к себе двух повитух. (Повитухи — это женщины, которые помогают при родах.) Одну из этих двух повитух звали Шифра, а другую Пуа, И фараон сказал им так:

— Вот что я приказываю, Когда вы будете приходить на роды к еврейкам, то смотрите внимательно: если родится мальчик — убивайте его немедленно. А девочки пусть себе живут.

Но повитухи боялись ХаШема больше, чем фараона. Поэтому фараонова приказа они не послушались, маль-

чиков не убивали, и евреев по-прежнему становилось все больше и больше.

И фараон увидел, что опять у него ничего не получается — никак ему не придавить евреев! А тут еще ему приснился сон. Видел фараон во сне, будто перед ним весы, на одной чаше этих весов лежат все знатные и богатые люди Египта, а на другой — маленький белый барашек. И барашек этот оказался тяжелее и перетянул весы.

Фараон проснулся в холодном поту и тотчас позвал трех своих главных советников. Первый был мудрец и философ по имени Итро, второй был известный на весь мир колдун Билам, а третьим был Иов, праведный человек из земли Уц. И попросил их фараон растолковать ему его сон.

Билам сказал:

— Твой сон мне совершенно ясен: скоро родится еврей, который уничтожит весь Египет.

— Что же делать? — спросил фараон. Первым держал ответ Итро, Он сказал:

— Евреи народ необычный. Вспомни! Всякому, кто когда-нибудь замышлял против них недоброе, потом было плохо, а поделатъ он с евреями все равно ничего не мог. Зачем же нам строить им козни?

КАШРУТ

Как мы уже говорили, 613 заповедей Торы можно разделить на группы. Самое очевидное деление — на заповеди-предписания (которых 248) и на заповеди-запреты (их 365). Но можно поделить их и иначе: на заповеди, выражающие отношение человека ко Всевышнему, и заповеди, касающиеся отношений между людьми. Есть и еще одно деление заповедей — на хуким и мишпатим.

Хуким — это законы, которым надлежит повиноваться, не рассуждая, смысл которых слишком глубок для возможностей нашего разума. Например, запрет носить одежду, называемую ишпатнез — то есть сотканную из шерстяных и льняных нитей вместе, закон о пепле «рыжей телицы» и др.

Мишпатим — это законы, смысл которых разъяснен в Торе (например, законы субботы) или те, что не требуют специального разъяснения, потому что их смысл понятен и так (например, заповедь почитания родителей или запрет убийства, разврата, воровства, о которых сказано в Десяти заповедях).

Заповеди о правильном питании, или — как это формулируют наши мудрецы — «законы о запрещенной пи-ше», всё то, что в совокупности именуется словом кашрут, относятся к разряду хуким. И это несмотря на то, что многие из этих законов поддаются рациональному — и зачастую довольно успешному — истолкованию. Истолкования эти могут быть полезны для того, чтобы придать человеку больший душевный подъем при ис-

полнении этих законов, однако нисколько не меняют того факта, что законы кашрута это хуким.

Рамбам:

«Соблюдение кашрута полезно для тела»

Моше бен Маймон (Рамбам), бывший также одним из наиболее выдающихся врачей своего поколения, попытался дать логическое объяснение законам кашрута на медицинской основе. Он исходит из принципа, что всё, что Тора запрещает евреям есть, вредит здоровью, а всё, что Тора разрешает, не может повредить. При этом должно соблюдаться условие, что количество пищи и время ее приема строго определены. Рамбам, например, утверждает, что отсутствие чешуи на рыбе (что является признаком некашерной рыбы) — это лишь чисто внешний признак, позволяющий людям увидеть, что данная рыба непригодна в пищу. Только Всевышний, знающий все свойства Своих творений, знает, что этот вид рыбы вредит здоровью человека, и потому дал ей такой яркий признак, а рыбам, пригодным в пищу человеку, дал чешую. Рамбам доказывает, что признаки чистоты или нечистоты всех животных суть внешние признаки, созданные для нас, не знающих истинных свойств различных видов пищи. Тора, предписывая соблюдать кашрут, дает нам надежный ключ для распознавания того, что полезно, а что вредно. Следует отметить, что современная медицина признаёт, что в основах системы Рамбама есть очень много верного с медицинской точки зрения, и использует его подход.

Рамбан считает, что пища, запрещенная Торой, наносит ущерб отнюдь не здоровью нашего тела, но здоровью души. Он обращает внимание на то, что большинство птиц, запрещенных нам в пищу, — хищные птицы (орел, сокол, ястреб), а те птицы, которые нам разрешены (куры, голуби, гуси, лебеди), напротив, обладают мирным, спокойным нравом и не питаются мясом. По

мнению Рамбана, мясо хищных птиц оказывает влияние на характер человека, употребляющего его в пищу, и сообщает ему те характерные отрицательные качества, которыми отличаются эти птицы.

С этой точки зрения становится понятен многократно повторяемый Торой запрет употреблять в пищу кровь: употребление в пищу крови вырабатывает в человеке привычку к жестокости, развивает в нем качества разрушителя и убийцы. Тора говорит: «Кровь — это душа», и душе наносится вред употреблением в пищу крови.

Многие мыслители, однако, объясняют законы катрута не с точки зрения того, причиняет ли запрещенная пища вред душе или телу, а как средство против ассимиляции народа Израиля среди прочих народов, как средство сохранения нашей исключительности и индивидуальности.

ЦАРИ И ПРОРОКИ

Самуил был служителем Яхве, левитом, который насколько нам известно, пользовался доверием северного союза. Он жил в период, когда филистимляне достигли вершины своего могущества, и опасность полного покорения ими Израиля была столь велика, что Самуилу потребовалось объединить непримиримых врагов: евреев-почитателей Яхве и северный союз племен Иошуа. К тому времени северяне подпали под влияние левитов, и это привело их к принятию культа Яхве, наряду с их культом Астарты-Ашторет.

Поскольку власть северного союза, или союза Иошуа, была сконцентрирована на центральных плодородных землях Израиля севернее Иерусалима, то есть на землях, вошедших в историю под названием Самария, мы для удобства тоже будем называть этот союз Самарией.

При объединении Иудеи и Самарии возникла щекотливая проблема выбора верховного военачальника, которого облекли бы своим уважением и верностью и северные, и южные племена. Северные племена ненавидели и боялись евреев, считая их варварами. Евреи, для которых война все еще была священным долгом служения Яхве, смотрели свысока на северян. Евреи презирали культ быка, считали храмовых жриц блудницами и требовали предоставить левитам право устанавливать жертвенники Яхве по всему Эрец-Израилю, в то же время лишая этого права служителей культа Ашторет. По малейшему поводу евреи готовы были поднять оружие против любых северных племен, особенно против сильных колен Ефрема и Манассии, которые составляли

ядро Самарии, и только присутствие филистимлян на фланге Иудеи помешало ей обрушиться всей своей мощью на северный союз.

Между тем, в северный союз входило еще одно колено, которое другие племена союза ненавидели даже больше, чем евреев. Это было колено Вениаминово. Вениаминиты, как и левиты, — одна из множества неразгаданных тайн еврейской истории. Они как будто принадлежали к Бней-Израэлю, и в то же время к нему не принадлежали. Они говорили на древнееврейском языке и почитали Яхве. Полученная ими доля земли была самой сухой и самой опасной из всех земель на севере. Им достались дикие долины и холмы между Иерусалимом и филистимской равниной, и здесь, на территории площадью примерно в сто квадратных миль, они пасли своих овец и выращивали оливковые деревья, каждый день вступая в стычки с филистимлянами и иевусеями. Это было племя странным образом подобное спартанцам, которые многими столетиями позже сыграют свою роль в еврейской истории.

Колено Вениаминово было малочисленным. Вениаминиты могли выставить не более тысячи воинов, включая мальчиков от 13 лет, и за последние годы филистимляне нанесли им тяжелый урон. Вполне логично, что именно из этого колена священник Самуил выбрал первого великого военачальника всего Бней-Израэля — Саула. Саул сумел завоевать уважение евреев. Он был северянином, но ненавидел культ Ашторет, жестоко его преследовал и считал себя слугой Господа Бога Яхве.

Вначале Саулу удалось остановить филистимлян, и некоторое время казалось, что он их победит. Но его мрачная подозрительность и неистовое соблюдение религиозных ритуалов привело к распаду союза. В конце Саул отринул даже Самуила, который помазал его на царство, и, когда Саул и трое его сыновей пали в бою, старый священнослужитель благословил юного еврея по имени Давид. Ему суждено было совершить шаг от войны к миру и стать первым настоящим царем всех колен

Бней-Израэля. Такими образом иудеи господствовали над Бней-Израэлем на протяжении всего двух царств — Давида и его сына Соломона. Когда Соломон умер, северный союз навсегда отделился от евреев.

Каким бы критерием ни оценивать царя Давида, он был человеком незаурядным. Красивый, обаятельный, умный и смелый, он сознавал свое предназначение и свою роль в истории. Он умел обращаться в свою пользу обстоятельства. Он женился на дочери Саула.

В то же время он был беспринципен, безмерно честолюбив, жесток, груб и, судя по всему, подвержен приступам паранойи, свойственной, кстати, и Саулу. Согласно преданию, Давид убил в рукопашном поединке наглого негодяя Голиафа, исполина и силача филистимлянина из города Геф. Если эта легенда соответствует действительности, филистимляне наверняка были благодарны Давиду за умерщвление Голиафа. Недаром, когда Саул попытался избавиться от Давида и его шайки еврейских авантюристов, Анхус, царь города Геф предоставил Давиду убежище. Позже, когда Давид стал военачальником и царем, он пришел к своим друзьям-филистимлянам и уговорил их вступить с ним в союз против иевусеев, которые владели Иерусалимом.

Иерусалим был мечтой Давида, целью его почти безграничного честолюбия. Он вовсе не нуждался в филистимлянах для борьбы с иевусеями, для этого ему было вполне достаточно своих еврейских воинов, не говоря о тысячах последователей, которых он мог собрать из племен Иошуа. Но филистимляне были цивилизованным народом, оснащенным научными достижениями того времени, и они снабдили Давида машинами для разрушения крепостных стен.

Захватив Иерусалим, Давид заключил мир с иевусеями, присоединил их армию к своей, обложил данью северные племена и, возглавив огромное войско, обратил против филистимлян их же собственные осадные машины.

Он завоевал пять филистимлянских городов, раз и навсегда сокрушил военную мощь, филистимлян присоеди-

нил их земли к Эрец-Исраэлю, сделал Иерусалим своей столицей, нанял архитекторов из Финикии, с которой установил дружественные отношения, начал составлять план большого храма Бога Яхве и утвердил культ Яхве не только по всему Израилю, но и среди филистимлян.

Пылкий и энергичный, Давид был предан Яхве, который вел его и его «гибборим» — профессиональных воинов, для которых война была служением Богу, от победы к победе. Но, в отличие от Саула, он не питал ненависти к богине Ашторет. Он разрешил племенам Йошуа сохранить свои священные рощи и своих храмовых блудниц. Пусть богов будет много, говорил Давид, первым среди них все равно останется Бог Яхве.

Давид был беспощаден в войне. Придя в Негев, он сломал хребет обитавших там эдомитских племен, и, хотя они тоже скорее всего принадлежали к Бней-Исраэлю, Давид не терпел сопротивления с их стороны: либо все признают господство евреев, либо он их уничтожит. Возможно потому, что финикийские приморские города могли бы нанести ему слишком ощутимый урон в случае, если бы он попытался их захватить, а также потому, что он нуждался в финикийских мореходах для упрочения торговых связей, царь Давид заключил с Финикией союз. Начиная со времен Давида евреи плавали на финикийских кораблях, сопровождая грузы, входили в состав финикийских команд и вместе с финикийцами обслуживали по всему миру торговую и кредитную сеть.

Нельзя не сказать хотя бы несколько слов о репутации Давида как автора псалмов — ведь именно псалмами он прежде всего нам известен. По традиции все пять книг псалмов приписываются Давиду, но даже наиболее ортодоксальные библеисты признают, что исторический анализ его проникновенных песен свидетельствует о более позднем их происхождении и принадлежности нескольким авторам. Однако нет сомнений в том, что сам Давид играл на струнном инструменте «псалтири», похожем на лиру, что он сочинил некоторые псалмы, вошедшие в Псалтирь, и популяризировал другие, ранее

существовавшие. Поскольку его эпоха не слишком далеко отстоит от эпохи Гомера, можно утверждать, что все подобные Давиду музыканты были одновременно поэтами и певцами.

Как и в случае с Моисеем, Давид и евреи, вождь и народ воздействовали друг на друга. Но если Моисей был духовным колоссом, человеком, чуждым низменных страстей, Давид, при всем его таланте, блеске и трезвом уме, являлся воплощением коварства и плотских инстинктов. Ничтожнейший из людей — и величайший из людей; наиболее одаренный — и наименее благородный: певец Господа своего — и одновременно развратник, насильник, лжец и преступник. Давид был воплощением вечной борьбы духа и плоти, но и каждый еврей был воплощением такой борьбы — и этот важнейший урок, начало смирения и мудрости, еврей усвоил и укоренил в самое свое существо. Записывая в свою священную книгу историю всеми любимого прославленного царя-псалмопевца Давида, еврей сказал прямо, без обиняков: «Се человек. Я не хочу видеть его иным».

Давид воплотил в себе еврейскую энергию и еврейскую жизнеспособность, но если бы великая империя, созданная им и его сыном Соломоном, сохранилась после того, как оба они закончили свой жизненный путь, то вообще не было бы евреев, то есть таких евреев, какими их знает история. Империи, которые выдерживают испытание временем, рожают римлян, а не евреев.

Гибборим, как и скандинавские берсеркеры, не могли существовать долго и не пережили обоих строителей империи. Соломон предпочел иметь дело с наемниками. Он был богат. Его отец захватил и разграбил десяток больших городов. Золото и драгоценности всего филистимского союза хранились в сокровищницах его дворца. Соломон поддерживал связи, которые Давид установил с финикийцами, и вступил с Тирским царем Хирамом в первое исторически зафиксированное деловое партнерство. Соломон построил в Елафе на Красном море прекрасный морской порт, и Хирам послал туда своих ма-

стеров для строительства крупных грузовых кораблей, а также команды финикийских моряков. Это положило начало одному из самых успешных коммерческих предприятий в истории. Торговая монополия на рынках Вавилона и Индии приносила евреям баснословные прибыли. С помощью тирских мастеров Соломон осуществил план отца — построил великолепный храм Яхве, первый на Храмовой Горе в Иерусалиме. Давид своими руками сложил алтарь из неотесанных камней.

Здесь следует упомянуть о ставшей притчей во языцех «мудрости Соломона». Излишне говорить, что человек, взявший себе тысячу жен, вряд ли может почитаться мудрым. Соломон был богачом во втором поколении. Его отец грабил и убивал, прежде чем создал могучую империю.

Соломон унаследовал богатство и славу, но никак не энергию и не разносторонние дарования Давида. Иными словами, реальный царь Соломон был не так уж мудр и уж во всяком случае не являлся автором Книги Притчей Соломоновых. На протяжении всей истории евреи с постоянством, не имеющим себе равных среди других народов, благоговели перед мудростью. С тех пор, как ушел в прошлое век легендарных полугероев-полубогов, евреи почитают лишь ученого мудреца, раввина, чьи добродетели — житейский опыт, ум и кротость. Эта тенденция настолько глубоко укоренилась в сознании евреев, что они создали себе образ премудрого Соломона *post factum*. Нельзя обойти молчанием и то обстоятельство, что прекрасная любовная поэма Книга Песни Песней Соломона была написана через несколько столетий после его смерти.

Как и сейчас, тогда за деньги можно было купить все, и все, что можно было купить за золото, Соломон покупал — в первую очередь армии из тысяч колесниц и десятки тысяч вооруженных наемников. Он уже не нуждался в нескольких тысячах фанатичных гибборим. На одно лишь пропитание его армии требовалось больше провианта, чем производила в былые времена вся Иудея. Его конюшни в Мегиддо стали одним из чудес света. Для хра-

нения ячменя и шпеницы строились города. Тысячи жен было недостаточно для возбуждения его пресыщенного сладострастия, и любоваться чудесами его двора приезжали дипломаты и даже цари со всех концов земли.

Однако все это тяжким бременем ложилось на его подданных, а большинство их составляли не иудеи, которые помнили Давида и не отказывали в славе его сыну, а северные племена Бней-Израэля. Не только мудрость, но и богатство Соломона имело границы. Ему пришлось прибегнуть к налогам — что было в новинку для Эрец-Израиля. После смерти Соломона, в 933 г. до н. э., народ племени Иошуа обратился к его сыну с просьбой отменить налоги. Ровоам, сын Соломона, надменно отверг просьбу северных племен. Тогда старый северный союз восстал против евреев и провозгласил своим царем Иеровоама, сына Наватова.

Еврейское царство Давида и Соломона прекратило свое существование. Евреи открыли, что их Господь Бог Яхве шире, чем Синай, и выше, чем гора огня и грома. Бог вел за собой сонмы, а потом умыл руки, ибо сонмы оказались недостойными его. Бог построил царство, и Он его разрушил, после чего по морским волнам ушел в дальние пределы земли.

С тех пор Яхве стал свирепым и мстительным богом, сеющим войны и несчастья на головы евреев. И возникла потребность в появлении среди евреев нового человека — пророка, по-древнееврейски «наби». Он пришел — и это свидетельствовало о том, что Яхве был еще и справедливым.

Пророк обращался к беднякам, угнетенным, слабым и грешным — иначе говоря, к человеческой плоти. Пророк не внушал иллюзий. Слова пророка были ясны, понятны и били в самое сердце. Он внимал голосу Яхве, но передавал народу услышанное голосом человека — такого же, как все они.

Первым и величайшим пророком был Моисей. Подобно тому, как Моисей-человек сформировал евреев, Моисей-пророк сформировал иудаизм.

Это очень важно, и нам следует обратиться к Библии и послушать, что говорит Моисей-наби в Книге Исхода:

«И сказал Господь Моисею: поспеши сойти; ибо возвратился народ твой, который ты вывел из земли Египетской. Скоро уклонились они от пути, который Я заповедал им: сделали себе литого тельца, и поклонились ему, и принесли ему жертвы, и сказали: вот бог твой, Израиль, который вывел тебя из земли Египетской!»

И далее Бог говорит Моисею: «Я вижу народ сей, и вот, народ он — жестоковыйный. Итак оставь Меня, да воспламенится гнев мой на них, и истреблю их, и произведу многочисленный народ от тебя» (*Исх. 32, 7; 8*).

Вспомним, что вышесказанное происходит в начале всей еврейской истории, 3200 лет назад. Яхве здесь — образец гневного, ревнивого бога. Он так свиреп и кровожаден, он готов истребить целый народ за то, что создали себе бога-быка, бога-золотого тельца, призванного избавить их от страха.

Теперь слушаем, что Моисей-пророк отвечает Яхве:

«Но Моисей стал умолять Господа, Бога своего, и сказал: да не воспламеняется, Господи, гнев Твой на народ Твой, который Ты вывел из земли Египетской силою великою и рукою крепкою, чтобы египтяне не говорили: «На погибель Он вывел их, чтобы убить их в горах и истребить их с лица земли». Отврати пламенный гнев Твой, и отмени погубление народа Твоего. Вспомни Авраама, Исаака и Израиля, рабов твоих...» (*Исх. 32, 11-13*).

Яхве смягчается, потому что Моисей обращается с ним, как с избалованным, капризным ребенком: воздействует на его тщеславие, стыдит, упраскивает. Моисей может и хочет объединиться с людьми, желает понять их, сострадать им, любить их. Яхве этого не может. В своей грубой жестокости и бесчеловечности Яхве ничем не отличается от других богов тех времен — богов Греции, Египта и Вавилона. Все они были воплощением сил природы, а силам природы не присущи ни сострадание, ни гуманность.

Евреев, как особую часть человечества, посмеем сказать, создал не бог, а пророк, облек в слова странную типично еврейскую идею: Бог проявляется лишь в отношении человека к ближнему своему.

«Власть развращает; абсолютная власть развращает абсолютно». Цари обладали властью, пророки ею не обладали, а по-настоящему хороших царей было мало — если таковые были вообще. Отношение пророков к народу не следует смешивать с отношением к народу римских трибунов. Трибуны обладали политической властью и представляли народ; пророки не обладали политической властью и представляли только Яхве. Но Яхве был богом всего народа, поэтому пророки бросали вызов царям и обличали знать. А поскольку они говорили от имени Бога, то по мере того, как в них крепло стремление к справедливости и возрастал в народе их авторитет, изменялся и сам Яхве.

Это изменение представления о Боге — к еврейской истории. Кровавые битвы и политические авантюры царей Иудеи мало чем отличаются от войн и авантур царей других стран. Еврейские цари были не лучше и не хуже других. У них была власть, и власть их развратила. Разница состоит в том, что цари северного союза и Иудеи породили пророков, а в умах пророков родился иудаизм.

Первые три великих пророка Израиля вышли к народу из пределов северного союза во времена величия Самарии. Пророки были ответом на власть и зло, более того, ответом на отказ от служения Богу Яхве. Вспомним, что Яхве был богом иудеев, евреев юга. Их священники левиты принесли культ Яхве на север, но он господствовал лишь до тех пор, пока за левитами стояла власть еврейских царей. Когда Самария и Иудея разделились, северные племена отвергли священников и Яхве и обратились к собственным богам. Но то здесь, то там какой-нибудь свирепый, гордый человек, ревниво оберегающий главенство своего бога над всеми прочими богами, выступал в защиту Яхве.

Пророки в большинстве своем были пуританами, ибо Яхве по самой сути был пуританским богом пустыни — сухой и твердой, как камень, земли. Быть может, самым колоритным из пророков бы Илия, который, как повествует Библия, удалился от разврата и роскоши при дворе царя Ахава и направился искать своего Бога в пустыне, где Его нашел Моисей. Само имя Илия — по-древнееврейски «Яхве мой Бог» — свидетельствует о миссии Илии. Он выступил в защиту Яхве против идолопоклонников, против создателей золотого тельца, против распутных жриц Ашторет, и когда в стране случился голод, Илия — тощий, бородатый, одетый в рубище «ангел пустыни» — грозно обличил Ахава, ибо требовалось ли более веское доказательство гнева Яхве, чем голод в Самарии?

В отличие от позднейших пророков Илия не оставил записанных в книгу проповедей, но его речи были столь пламенными, что он — одна из самых осязаемых фигур иудейской мифологии. Подобно Моисею, он живым вознесся на небо. Пророк Илия, такой с виду свирепый, завоевал любовь евреев. Ему предназначается лишний серебряный кубок вина за пасхальным столом, перед ним открыты все двери, ему посвящен великолепный цикл легенд.

Одна из самых прекрасных легенд об Илии стоит того, чтобы пересказать ее здесь. Она повествует об очередном из множества путешествий, которые Илия совершил по поручению Бога. В этих путешествиях какому-либо благочестивому человеку, и в награду за добрые дела, дозволялось сопровождать пророка. В данном случае для этой миссии Илией был избран кроткий раввин.

В первый же холодный дождливый вечер они просят крова у старого крестьянина, который живет в бедной хижине со своею женой. Их связывает искренняя любовь, и женаты они так давно, что стали как бы частями друг друга. У них есть корова, дающая молоко, масло и сыр — единственное их пропитание, кроме овощей с маленькой полоски земли.

Гостеприимные крестьяне по благочестивому обычаю моют гостям ноги, отдают им свой скромный ужин, укладывают в свою постель, а сами ложатся на полу. Раввин до слез растроган их сердечным гостеприимством. Проснувшись утром, он видит, что старики горько плачут. Ночью их единственная корова испустила дух.

Пророк и раввин продолжают свой путь. Раввин долгое время молчит, и наконец, пророк ласково спрашивает:

— Ты усомнился в справедливости Бога, рабби?

— Честно говоря, да, — отвечает раввин. — Мы с тобой повстречали двоих чистейших и добрейших людей. Во всем моем приходе не найдется такой благочестивой пары. И чем же Бог наградил их? Он отнял у них единственный источник пропитания!

— Значит, ты берешься судить Господа, рабби?

— Я сужу о том, что вижу.

— И ты видишь несправедливость Господа?

— Я вижу то, что вижу.

— Я так не думаю. Я разъясню тебе справедливость Божию, но только один раз. Ночью Бог у меня спросил, как я выполняю его поручение, и я рассказал ему об этих двух благочестивых стариках, И тогда Бог заплакал, ибо его сострадание больше твоего и моего, рабби, и Он сказал мне, что Ангел Смерти уже слетел на землю, чтобы сделать свое дело, и что среди тех, кто записан в Его книгу, была та старушка. Я умолял Господа сохранить ей жизнь, и хотя никто не может совратить Ангела Смерти с его пути, Бог обладает властью направить его в другую сторону. И Господь предложил ему вместо женщины умертвить корову, а женщину смерть постигнет по воле Божий в один день с ее мужем. И теперь они не одиноки, хоть их корова и мертва.

Услышав объяснения Илии, раввин склонил голову от стыда. Было холодно, шел дождь; к вечеру оба промокли насквозь и дрожали от стужи. Вдруг они увидели перед собой красивый дом очень богатого человека. Раввин постучал в дверь и попросил о ночлеге.

Богатый владелец дома сам открыл дверь, осыпал пророка и раввина проклятиями, обозвал их попрошайками, наконец, в ответ на мольбы, позволил им провести ночь в сыром углу своей конюшни. От холода и сырости раввин всю ночь не сомкнул глаз, а когда забрезжила заря, увидел, что пророк тихонько выходит из конюшни. Раввин следует за пророком в селение и видит, как Илия нанимает каменщика, платит ему и возвращается с ним к дому богача. Еще до того, как в доме кто-либо успел проснуться, каменщик так искусно починил осыпавшийся фундамент, что он стал совсем как новый.

Когда Илия с раввином снова отправляются в путь, раввин сердито молчит, а Илия снова спрашивает, не сомневается ли тот в справедливости Господа. Будучи человеком честным, раввин вынужден признать свои сомнения, на что Илия говорит ему:

— Ты дважды усомнился, потому мы не можем продолжать свой путь вместе. Но я объясню тебе все, ибо ты добрый человек. Вчера вечером я рассказал Богу про каменное сердце этого богача, и Бог обрадовался моим словам. Много лет назад прадед этого дурного человека замуровал в фундамент дома ящик с драгоценностями, и теперь, когда фундамент осыпался, тайник мог открыться. Поэтому Господь Бог повелел мне отправиться в селение и нанять каменщика.

Раввин умоляет пророка дать ему возможность исправиться, но слишком поздно: он снова очутился в своей синагоге и больше никогда не разговаривал с Илией.

Это только один из чудесных рассказов о пророке Илии, некоторые из которых были написаны уже в Средние века.

Первым «книжным» пророком, оставившим свои проповеди в письменной форме, был Амос. Он жил в 760-х годах до нашей эры, когда в Самарии правил Иеровоам II.

Его владычество пришлось на расцвет Северного царства. Он вел жестокие войны с сирийцами. Жадные богачи безжалостно угнетали и грабили бедняков. Мог ли

Яхве спокойно смотреть на все эти злодеяния и не отомстить за них?

«Выслушайте это, алчущие поглотить бедных и погубить нищих, — громовым голосом со страниц Библии возвещает Амос, — вы, которые говорите: когда-то пройдет новолуние, чтобы нам продавать хлеб, и суббота — чтобы открыть житницы, уменьшить меру, увеличить цену сикля и обманывать неверными весами.

Чтобы покупать неимущих за серебро и бедных за пару обуви, а высеки из хлеба продавать.

Клялся Господь славою Иакова: по истине во веки не забуду ни одного из дел их!» (Ам., 8, 4-7).

Через полтора-два десятилетия после Амоса появился Осия, последний из пророков Самарии — тех, кто напоминал племенам Иошуа о тех далеких временах, когда Яхве был Богом всех племен Бней-Израэля.

Осия был наделен острым историческим чутьем, почти вдохновенным предвидением того, что человек сделал неизбежным. Он предвидел, что власть и слава царя Иеровоама и его двора падут под ударами Ассирии, новой военной силы с востока, которой ни один народ не мог противостоять. Для Осии не было более неопровержимого свидетельства справедливого гнева Яхве, нежели существование Ассирии. Осия видел, что Ассирия уничтожит северный союз — царство Иеровоама. Была ли у Яхве более веская причина для этого, нежели безверие Самаритян?

Но Осия олицетворял новый шаг в эволюции восприятия евреями Яхве. В отличие от Илии и Амоса, Осия не мог удовлетвориться только гневом и справедливостью Яхве. Осия предчувствовал: судьба, которая постигнет Израиль (Самарию), принесет Яхве не радость, а лишь скорбь. Таким образом, перед нами в каком-то смысле совсем другой Бог, который не может полностью изменить ход истории. Глухой к человеческим стенаниям — Яхве — собеседник Моисея, — теперь стал Богом, способным сопереживать боли и страданию, способным оплакивать судьбу Израйля:

«Когда Израиль был юн, Я любил его и из Египта, вы-
звал сына Моего. Звал их, а они уходили прочь, от лица
их; приносили жертву Ваалам и кадили истуканам. Я
сам приучал Ефрема ходить, носил его на руках Своих,
а они не сознавали, что Я врачевал их. Узами челове-
ческими влек Я их, узами любви, и был для них как бы
поднимающий ярмо с челюстей их, и ласково подклады-
вал пищу им» (Ос., XI, 1-4).

Израиль — Бней-Исраэль севера — погиб. Возникла
возвышенная легенда о десяти исчезнувших коленах,
которых взяли в плен ассирийцы. Но после падения цар-
ства Иеровоама в плен были взяты не десять колен, а
только аристократия колен Ефрема, Манассии и Гада.
В Галилее аристократия колен Асира и Неффалима
смогла найти убежище в неприступных городах Фини-
кии. Крестьяне и рабы почти поголовно были ограбле-
ны и истреблены, города разрушены, дома сожжены.
Аристократия исчезла не с лица земли, а с еврейского
горизонта — ибо ее представители никогда не были ев-
реями, с Бней-Исраэлем их связывала лишь общность
расовых корней и языка. Этих аристократов поглотило
население тех областей, куда их поселили ассирийцы, а
в среде обедневших и угнетенных крестьян, оставшихся
в Палестине, медленно, постепенно стала возникать но-
вая культура, основанная на воспоминаниях о Боге Яхве
и о том, какая участь постигла их отцов после того, как
они от Него отвернулись. Эти люди обретут Его Закон,
Его Тору, и там, где некогда простиралась обширная
палестинская территория, заселенная коленом Манас-
сии, иным возникнет царство Самарии, чьей тонкий,
еле заметный след протянется через еврейскую историю
вплоть до наших дней, ибо в Израиле все еще живут не-
сколько десятков самаритян.

Вернемся теперь на юг, в Иудею. Н некогда могучая
империя Давида и Соломона сократилась до нескольких
сот квадратных миль пустынных холмов, окружающих
Иерусалим. От восхода до заката человек мог пройти
пешком с одного конца этого царства до другого, но,

быть может, самая ничтожность его способствовала выживанию. Многочисленные кланы и мелкие племена, последователи Моисея — иудаиты, кениты, халевиты, симеониты, ферезеи, — слились с вениаминитами, иевусеями и филистимлянами. Хетты и египтяне, жившие в Иерусалиме, растворились в общей массе населения. Все они звались евреи, и у всех них была одна характерная черта — связь с Господом Богом Яхве, их с Ним Завет. У них крепло ощущение, что они вовсе не отделены от Бога, но являются частью единого с ним целого. Этот процесс шел все те триста лет, на протяжении которых существовало Царство Иудейское, и именно так его толковали три великих пророка той эпохи — Исайя, Аввакум и Иеремия. Все они были еврейскими пророками, то есть пророками Иудеи. С позиций сегодняшнего дня цари кажутся лишь фоном, на котором звучит голос пророка, источником алчности и зла, которые вызывают гнев и суд Яхве. Встречались, конечно, исключения, но их было очень мало.

При чтении Библии, до мельчайших подробностей живописующей вереницу царей, правивших Иудеей, эти триста лет — с 399 до 597 г. до н. э., — просто оторопь берет от их разительного сходства с гораздо более близкими к нам правителями, терзавшими человечество на протяжении всей его истории.

Одни историки считают последним царем этого периода Иоакима, другие — Седекию, он приходился дядей Иоакиму и правил во время короткого восстания против вавилонских завоевателей.

Имена этих восемнадцати или девятнадцати царей и годы их правления — в период между падением империи Соломона и захватом Иерусалима вавилонянами — сохранились. Однако о том времени нам гораздо больше говорят громовые голоса трех великих пророков, вещавших от имени Господа Бога Яхве.

Исайя. Мы знаем о нем очень мало: память о пророках хранит исходящее из их уст, а не их происхождение. По-видимому, пророк Исайя был выходцем из богатой

семьи, принадлежавшей к аристократии Иудеи. Именно Исайя впервые выдвинул идею монотеизма — это характерное для евреев представление о Боге, лишенном символа. Яхве, Бог Моисея, был первым богом среди многих богов, но Яхве — так считалось — не отвергал остальных богов. Ашторет и ее спутник бык были противны левитам, но они терпимо относились к культу змея Нехуштана (некоторые ученые считают, что Нехуштан был древним богом левитов, а Яхве — древним богом кенитов) и к культу львицы-матери иудеев. Иудеи также называли себя «гурии», что означает «львята». Храм в Иерусалиме был первоначально построен в форме сидящего на задних лапах льва, а голос Яхве уподобляется в Библии львиному рыку. В Храме Соломона иудейские сфинксы, матери-львицы, сидели по обе стороны большого медного змея Нехуштана. Там находились также изображения быков, которых филистимляне принесли с острова Крит, места обитания мифического чудовища Минотавра.

Всех этих идолов Исайя уничтожил. Он выдвинул новое толкование еврейской концепции Яхве. Впервые раздался голос, утверждавший, что иных богов нет и что Яхве — священное имя единого бога. Враги евреев ассирийцы творят именно и только то, чего хочет от них Яхве, ибо он в той же степени Бог Ассирии, в какой он Бог евреев. И когда после завоевания Северного царства чума поражает огромное вооруженное воинство Сennaхирима, царя Ассирии, это ясно доказывает волю Яхве, простершего мощную длань в защиту своего народа, который Он вывел из Египта. Он, Яхве, — Бог всех, но иудеи — избранный народ, на котором лежит особая ответственность.

По требованию и при поддержке Исайи благочестивый царь Езекия, сын Ахаза, повелевает вытащить изваяние Нехуштана из Храма, разбить его молотками и затем принародно переплавить, дабы евреи и левиты увидели, что бог Нехуштан низвергнут, и убедились в его ничтожности. Точно так же были разбиты и повер-

жены в прах матери-львицы и быки, и вместо истуканов Храм впервые осенило незримое присутствие Яхве.

Это было осуществлено вопреки яростному сопротивлению тысячных толп, и существует мнение, будто Исайя был умерщвлен за расправу над богами. Однако цари и боги забыты, а голос Исайи, защитника Яхве, остался звучать в веках.

«И войдут люди в расселины скал и в пропасти земли от страха Господа и от славы величия Его, когда Он восстанет сокрушить землю. В тот день человек бросит кротам и летучим мышам серебряных своих идолов и золотых своих идолов, которых сделал себе для поклонения им, чтобы войти в ущелия скал и в расселины гор от страха Господа и от славы величия Его, когда Он восстанет сокрушить землю» (Ис. 2, 19-21).

Следующим великим пророком, явившимся евреям, был Аввакум. Некоторые ученые считают, что под его влиянием была создана Книга Второзаконие с целью еще раз повторить Закон Моисея (она именуется пятой книгой Моисеевой). Другие библеисты полагают, что Второзаконие было написано незадолго до появления Аввакума, но все эти рассуждения менее важны, чем Аввакумово определение Яхве.

Теперь, около 600 года до н. э., политическое положение Среднего Востока начало меняться. Власть Ассирии ослабла, на горизонте появилась новая сила — Халдея (или Вавилон, как его чаще называют), народ, связанный с Бней-Израэлем языком и исторической памятью. Аввакум, как большинство мыслящих людей его эпохи, смог понять, что, когда на Среднем Востоке появится мощная сила, господство Иерусалима и евреев станет для нее бельмом в глазу. Он предвидел столкновение вавилонян с иудеями, и результат этого столкновения был неизбежен. Некое чудо — если кто-то склонен рассматривать эпидемию чумы как чудо — спасло евреев от Ассирии. Но никто не ожидал, что от Вавилона их тоже спасет чудо.

Аввакум был провидцем и философом. Возможно, он совершал путешествия в Вавилон, ибо пользовался

вавилонскими методами для чтения звезд. Он считал вавилонян, как и евреев, Сынами Бога Яхве. Яхве был не только справедливым Богом, он был также и любвеобильным.

Если он приравнивал вселенную к всеобщей справедливости, невозможно представить себе, что он любил и почитал войну. Евреи нарушили Закон Яхве, но и вавилоняне поступили так же. Справедливость и власть Бога универсальны, и полагать, будто он использовал армии в своих целях, — преступная глупость.

Таково было содержание проповедей пророка Аввакума, и мы снова видим огромный этический прогресс. Исайя сделал присутствие Бога невидимым и всеобъемлющим, он избавил храм Божий от рукотворных змея и сфинкса. Аввакум освободил Яхве от заключения в стенах храма и от холмов Иудеи, провозгласив его Богом всех людей.

Теперь евреи вплотную подошли к монотеизму — не к монотеизму, вульгарно понимаемому, как битва между Яхве и пантеоном среднеазиатских богов (такие состязания между сильными и слабыми богами происходили по всему Средиземноморью), но к монотеизму в его наиболее разумном и всеобъемлющем смысле, к идее Бога как единства и мерила всех вещей.

Иеремия и Аввакум, вероятно, знали друг друга, и Иеремия наверняка слушал Аввакума, учился у него, заимствовал свои философские воззрения. Оба этих великих мужа старались постичь универсальность Бога, волю и цель Бога. Возможно, на обоих оказал влияние Исайя, и Иеремия несомненно участвовал в удалении из храма изображений Нехуштана и сфинксов. Иеремия был левитом, а к тому времени многие мыслящие левиты уже считали себя членами сообщества, чье самознание простиралось далеко за пределы иудейских холмов. Их память хранила воспоминания о временах, когда они были священниками всех колен Бней-Израэля, и они стремились отвергнуть племенную ограниченность, которая могла противопоставить иудеев остальному миру.

Таковы были взгляды Иеремии. Ничто не давалось ему легко. Его терзали страхи и сомнения, он стремился любой ценой найти истину и провозгласить ее. Исайя и Аввакум провозгласили бесконечность Бога Яхве. Храм был очищен от всего, кроме незримого присутствия Бога, некоей субстанции, которая в речах и мыслях людей того времени присутствовала везде и всюду. Евреи заключили договор с этой незримой субстанцией — Заветом. Иеремия должен был дать ему определение. В памяти евреев ярче всего сохранилось их служение богу войны, и непосредственной полуисторической реакцией еврейского населения на угрозу со стороны могущественного Вавилона было стремление с оружием в руках защищать город Яхве. Эту позицию Иеремии предстояло осознать и отвергнуть, и его ответ — которому суждено было положить начало этической основе иудаизма — был примерно следующим: есть лишь одно священное неколебимое соглашение, в которое еврей может вступить, — договор между ним и Господом Богом Яхве, Богом всех людей.

Правильно лишь то, чего хочет Яхве. Яхве не хочет войны, не хочет, чтобы одни Его сыновья убивали других. Когда племя, народ или страна не правы, еврей должен противостоять им, исполняя волю Яхве.

Говоря словами пророка Амоса: «Ибо Господь Бог ничего не делает, не открыв Своей тайны рабам Своим, пророкам» (Ам. 3, 7).

С точки зрения политической Иеремия признавал неизбежность Вавилона, и призывал евреев не противодействовать Вавилону и не превращать оборону Иерусалима в кровавую бойню под предлогом исполнения воли Яхве, который равным образом является Богом и отцом вавилонян.

Однако евреи так или иначе противодействовали Вавилону. Иерусалим был захвачен войсками Навуходоносор, но евреев не истребили и не обратили в рабство (в то время еврейское население Иерусалима и его окрестностей, по расчетам историков, составляло не более 250 тысяч). Вместо этого стены Иерусалима были разруше-

ны, а вся еврейская знать из него выслана. Библия содержит противоречивые данные о числе взятых в плен жителей города. В Книге пророка Иеремии приводятся следующие цифры: в 597 году до н. э. в Вавилон было выслано 3023 еврея, в 586 году — 832 еврея и в 582 году — 745 евреев. Итого — 4600 человек, но речь, по-видимому, идет лишь о мужчинах старше 13 лет. В книгах Царств приводится несколько большее число, наиболее достоверной цифрой чаще всего считается 35.000, включая женщин и детей.

Это были аристократы, ремесленники, врачи и священники — практически вся квалифицированная и образованная часть населения. В опустошенных войной долинах и на холмах Иудеи остались одни только бедные крестьяне. Еврейский народ походил теперь на большое, изможденное тело, которому в довершение всех мук отрубили голову.

Богоизбранный народ оказался обращен в рабство, в то время, когда Рим и Афины были деревушками, а Центральной Европы, где обитали племена раскрашенных тевтонцев, еще не коснулась цивилизация.

ИЗГНАНИЕ

В длинном ряду событий, формировавших еврейский народ, ничто не сыграло такой основополагающей роли, как Вавилонское пленение. Евреи, угнанные в Вавилон, принадлежали к провинциальному союзу мелких малоизвестных племен, владевших Иерусалимом и окрестными холмами. Всего 70 лет спустя, освобожденные из плена персидским царем Киром, евреи Вавилона положили начало современному еврейству.

Надо сказать, что Вавилон был для иудеев не более чуждым, чем современная Англия для австралийцев или канадцев. Евреи считали Вавилон своей прародиной, местом, где цвели сады Эдема, жил Ной и строилась Вавилонская башня. Оттуда пришел Авраам, родоначальник всех семитских племен, обитавших западнее реки Евфрат, предок Иакова-Израиля. Вавилонский язык лишь незначительно отличался от древнееврейского, а в некоторых городах евреи и вавилоняне вообще говорили на одном смешанном языке.

Совершая путешествия в Вавилон, евреи привозили оттуда рассказы о сказочной красоте этого чудо-города, окруженного стенами длиной в 55 миль, о его широких улицах, о великолепных, крытых красной черепицей дворцах, о висячих садах и даже пытались подражать всей этой красоте и изысканному убранству, сооружая в Иерусалиме не только дома, но даже пруды и террасы с садами по вавилонскому образцу.

Вавилоняне, со своей стороны, по-видимому, питали к евреям глубокое уважение. Правда, Навуходоносор, царь Вавилонский, безжалостно расправился с теми из

них, кто не смирился с Вавилонским пленением. Снова пролилась кровь; Иерусалим сдался, и Навуходоносор поставил там царем Седекию, потомка одного из еврейских царских родов; однако Седекия нарушил договор, возглавив восстание, после чего Навуходоносор осадил и захватил Иерусалим. Седекию заставили смотреть, как лишают жизни обоих его сыновей, после чего ему выкололи глаза и бросили в темницу, где он вскоре умер, а восемьдесят еврейских вельмож, участвовавших в восстании, были казнены.

Этим злодейство Навуходоносора ограничилось. Он не притеснял 30.000 взятых им в плен евреев и не считал их врагами Вавилона. Навуходоносор лишь хотел удалить их из Иерусалима; ему, стратегу, мешала крепость на неприступной скале, преграждавшей путь из Египта в Азию. Поэтому он превратил Иерусалим в мертвый город, разграбил его дома и разрушил стены.

С пленниками, впрочем, обращались дружелюбно. Караваны, с которыми они шли по пустыне в Вавилон, были в достатке снабжены водой и провиантом, и жестоких лишений евреи не испытывали. В Вавилоне им построили дома и отвели участки плодородной земли, на которой росли фруктовые сады и виноградники. Им разрешили оставить при себе золото и драгоценности, которые они вывезли из Иерусалима.

Когда читаешь у Иосифа Флавия и в Библии рассказы о том, как вавилоняне обращались с евреями, создается впечатление, что вавилоняне испытывали перед ними чуть ли не благоговейный трепет, но евреи этого не оценили. Ничто не могло утишить скорбь изгнанников, оторванных от горячо любимого Иерусалима, ничто, кроме полного освобождения, не могло смягчить их сердца. Так возникла первая Диаспора (рассеяние евреев), и евреи ответили на нее тем, что осознали свое еврейство острее, чем когда-либо прежде.

Период семидесятилетнего изгнания в Вавилон — время появления или, вернее сказать, начала появления современного еврея.

Были выработаны некие правила, образцы, законы, которые сохранились до сегодняшнего дня и могут стать достоянием грядущих поколений. К их числу принадлежат два специфических еврейских понятия: «галут» — «изгнание», и «алия» — древнееврейское слово, которое первоначально означало «восхождение» или «подъем на гору Бога», а в период Вавилонского пленения приобрело в разговорном языке сохранившийся поныне смысл «возвращение в Землю Обетованную».

С этими двумя словами связан ряд любопытных событий, происшедших за семьдесят лет изгнания.

Необходимо иметь в виду, что до изгнания евреи, как все другие народы Средиземноморья, верили в тождество Бога и места его пребывания. Храм был не только местом поклонения и жертвоприношения, но также местом, где данный бог пребывал, и если человек не мог приблизиться к храму, он был лишен предмета поклонения. Целые пласты населения древнего мира — рабы, чужеземцы, кочевники — были лишены предмета поклонения, были прокляты каким-то странным образом, совершенно непонятным современному человеку.

Рассматривая развитие еврейского взгляда на Бога, постоянно расширявшегося и углублявшегося, параллельно с опытом народа, мы видели, что, хотя монотеизм евреев развивался в течение многих лет до изгнания, он еще не подвергся тяжелому испытанию действительностью. Одно дело — философствовать, ибо идеи и проповеди могут восприниматься людьми, готовыми верить; и совершенно другое — внезапно столкнуться с тем, что вера претворилась в реальность.

Именно это и произошло с евреями. 10 и 15 процентов еврейского народа, люди самые образованные и квалифицированные, включая левитов, были внезапно оторваны от места пребывания своего Бога Яхве. Протяженность караванного пути из Иерусалима в Вавилон составляла 600 миль — расстояние значительное даже сегодня, но еще более значительное в древние времена. Коль скоро Яхве действительно пребывал в Храме, то на

таком расстоянии Он был недоступен не только зрению и слуху, но едва ли мог сохраниться в памяти. Если, конечно, Бог не присутствовал везде — и в Иерусалиме, и в Вавилоне и если поклонение Богу не зависело от отдаленности места его пребывания и не способствовало отречению от Него.

Здесь необходимо добавить следующее: имя Яхве обозначается четырьмя буквами древнееврейского алфавита, священной тетраграммой, которую по-древнееврейски называют «Шем ха-мефораш», что означает «Имя произнесенное». Тетраграмма, которую можно записать как YHWH, упоминается в Библии почти 7000 раз. Если вставить в нее гласные, как это принято в европейских языках, получается слово, звучащее, как «Иегова».

В древности считалось, что все имена людей наделены магической силой; во многих культурах людям давали по два имени, из которых одно держали в секрете, чтобы никто не мог использовать имя человека для приобретения власти над ним. Вполне естественно, что с развитием и расширением монотеизма магическое применение имени Бога сущего становилось все более предосудительным. И хотя имя Яхве в письменной форме сохраняется в еврейском богослужении, в какой-то момент — возможно, в изгнании, а может быть, и позднее — евреи перестали, по богобоязненным соображениям, использовать это имя и вместо YHWH стали произносить «Адонай», что на древнееврейском языке означает «Господин» в притяжательном падеже. Постепенно запрет на произнесение имени невидимого вездесущего Бога распространялся все шире и шире, пока, приблизительно через триста лет после изгнания, употребление этого имени не было окончательно запрещено. Первосвященник произносил его вслух, в алтаре, только раз в году, в День Искупления. Сегодня в еврейском богослужении вместо имени Яхве (или Иегова) употребляются слова Бог, Господь, Всевышний, Всемогущий.

В плену евреям предстояло столкнуться с проблемой, которая актуальна до сих пор: если человек живет в

чужой стране, что остается ему делать, кроме как обратиться к чужим богам?

Евреи не первыми столкнулись с этой проблемой, ибо в древности постоянно происходило насильственное перемещение народов — иногда в форме пленения, иногда в виде прямого жестокого обращения в рабство. Порабощенные народы были лишены религиозного культа, все боги от них отворачивались, но с евреями дело обстояло иначе. В Вавилоне они имени и землю, и жилье, и положение в обществе; но где пребывал их Бог? И как следовало противопоставлять Его вавилонским богам? И следовало ли?

Именно этот кризис еврейской теории и практики вызвал к жизни проповедь Неизвестного Пророка. Ответ еврея на этот кризис был столь же прост, сколь и глубок: «Господь Яхве — Пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться». Хотя Храм будет восстановлен, в действительности его время прошло; евреи, сами того не подозревая, произвели переворот в своей религиозной теории и практике.

Они построили синагогу — место, где люди могли собираться для совместного служения Богу. Синагога может находиться где угодно, она может быть большой или маленькой, роскошной или скромной, она может вмещать десять, сто, тысячу верующих, ей можно придать любой облик, построить ее из любого материала, и она всегда будет оставаться местом, где евреи собираются для прославления Бога. В синагоге, в отличие от Иерусалимского Храма, вести службу не обязательно должен был священник. Священство и связанное с ним жертвоприношение, в виде сожжения животных, было принадлежностью Храма, а не синагоги.

Священнослужение, некогда функция всех левитов, после изоляции евреев от северных племен Бней-Израэля, перешло к роду Садока. Садок (Цадок), сын Ахитува, любимый левит царей Давида и Соломона, утверждал, что происходит от Аарона, брата Моисеева. При поддержке Давида он добился исключительного права на священнослужение для себя и для своих потомков. По-

древнееврейски священник — «кохен» или «кахан», и сегодня евреи, носящие фамилию Каган, Коган, Кан или сходные с ними, являются потомками той или иной древней семьи священников, служивших в Иерусалимском Храме. Фамилия Кац — сокращение от «Кохен-Цедек» («цедек» по-древнееврейски — «праведность»).

Таким образом, вместе со священником, настаивавшем на своем праве служителя храма (возможно, он презирал скромную синагогу), в Вавилоне появился первый из тех мужей, которые будут утешать евреев на протяжении последующих двадцати пяти столетий — порой тяжелых, а зачастую просто невыносимых. Это были раввины — светские руководители общин, люди, чья функция была совершенно новой на земле. В те времена, в Вавилоне, они еще не назывались раввинами («рабби» — древнееврейское слово в притяжательном падеже, означающее «мой господин или учитель»; это слово вошло в языковой оборот в I веке н. э., как звание членов Синедриона, но задолго до этого словом «рабби» называли светских руководителей этического иудаизма). Концепция раввина — совета учителей — возникла не внезапно, в какой-то определенный исторический момент; она родилась и созревала медленно и постепенно, в течение долгого периода. Эта концепция первоначально зародилась среди тех, кто столкнулся с религиозными проблемами обособленных еврейских общин, — среди общинных лидеров, «наси» (древнееврейское «принц» или, вернее, «князь» — ибо это понятие не связывалось с царским происхождением, оно назначало главу синагоги, учителя, хранителя воспоминаний об Иудее и об Иерусалиме; оно было ключевым элементом Диаспоры, и с этого момента история евреев неотделима от Диаспоры).

После семидесятилетнего изгнания, когда персидский царь Кир разрешил евреям вернуться в Иерусалим, его предложением воспользовалось большинство изгнанников, но значительная их часть предпочла остаться, в Вавилоне, и впоследствии они создали один из крупнейших еврейских центров древнего мира (в Диаспоре).

Причина, побудившая эту группу остаться — также результат изгнания, сыгравший решающую роль в последующей истории евреев.

В Израиле основой экономики маленького еврейского государства было земледелие. Холмы Иудеи едва ли могут показаться плодородными; но не следует забывать, что на протяжении пяти столетий евреи заботливо их обрабатывали, разбивали на них террасы, приносили туда землю из долин, и в конце концов им удалось превратить сухие опаленные солнцем клоны гор в цветущие сады, восхищавшие путешественников. Талмуд содержит рассказы об оливковых рощах, виноградниках и полях злаков, об их плодородии, рассказы, которые кажутся неправдоподобными, но тем не менее безусловно соответствуют действительности. Еврейские вельможи, подобно греческим вельможам, в большинстве своем были земледельцами. Исключение составляли левиты, исполнявшие в Храме обязанности священников, сторожей и слуг. Тем не менее, переселенные в Вавилон евреи могли извлечь из земли, отведенной им вавилонянами, жалкие крохи для поддержания жизни.

Надо было жить; но жить, как земледельцы, они не могли. Возможно, они не могли полюбить чужую землю. Земля Израиля была для них священной, а в илистых каналах Вавилона они не видели ничего священного.

Поэтому они нашли другие средства к существованию. Они стали торговцами, и не только выжили, но преуспели, а многие даже разбогатели. У них сохранились традиции торговли; во времена Соломона торговля приносила Израилю огромные прибыли, и с тех пор в Финикийских городах было много евреев-банкиров, торговых агентов и других участников коммерческой деятельности.

В Вавилоне евреи оказались в центре нового, дотоле неизвестного им мира. Здесь были не только богатые города — Эрех, Ниппур, Сиппар и Опис, но имелся также выход к Персидскому заливу и безопасный прибрежный путь к дельте реки Инд, а оттуда в Индию. Восточнее находился Элам, а за ним обширные предгорья Персии.

За рекой Оке была Мараканда (нынешний Самарканд), на рынки которой китайские караваны привозили драгоценную ткань древности, ценившийся дороже золота китайский шелк. Севернее Вавилона находились города Ассирии, подвластной Вавилону, а к северо-западу от нее Лидия.

Расширяя свои торговые пути, евреи периода Вавилонского пленения сделали весьма любопытное и полезное для себя открытие. Почти во всех городах Вавилона и Ассирии жили их сородичи — не евреи, но представители принадлежавших к Бней-Израэлю племен Иошуа, которые поклонялись Яхве, когда их захватили в плен ассирийцы, и которые каким-то образом сохранили смутные воспоминания об этом далеком Боге и отвергали богов Вавилона и Ассирии. Поскольку евреи и израэлиты были связаны общей кровью, племенными воспоминаниями и языком и поскольку прежняя ненависть северных племен Бней-Израэля к евреям осталась в прошлом, тех и других объединили любовь и сострадание. Бог Яхве снова ожил.

Эти контакты, основанные на общности происхождения и памяти, имели неоценимое практическое значение, ибо открывали возможность завязывать деловые связи в чужой стране с людьми, которым можно доверять.

Возвращаясь в Вавилон, купцы привозили рассказы об этих дальних родственниках, о том, как деградировал в их среде культ Яхве. Еврейские торговцы вдруг осознали, насколько их религия близка к тому, чтобы стать религией, законом и нравственным кодексом всего мира. Необходимо было найти лишь способ сохранить еврейские общины в рамках единого народа и единого религиозного культа, независимо от того, где эти общины находятся и до какой степени они раздроблены.

Ответом на эту потребность явилось создание чего-то вроде редакционной коллегии, куда вошли не только священники и ученые, но и наиболее знатные члены еврейских общин.

Эта коллегия собрала обширную библиотеку из тех материалов, которые изгнанники вывезли из Иерусалима.

В их руках оказались старинные манускрипты, обрывки пергамента, ввиду своей древности почти не поддававшиеся датировке, глиняные таблички с клинописью, свитки книг Моисея, записанные в книгах Левит и Числа законы, мифы, легенды, описания битв и сражений, рассказы обо всех удивительных людях, упоминаемых в мифологии предков Бней-Израэля — о первом человеке Адаме, об Авеле и Каине, прародителе кенитов, обучившем их искусству обработки металлов, о Ное, сохранившем часть народа во время потопа, и, конечно, о любимом прародителе всех Сынов Израиля, патриархе Аврааме, который некогда жил в вавилонском городе Ур.

Мы не знаем объема этого собрания легенд, исторических хроник, законов и религиозных ритуалов. Он, вероятно, был огромен, и работа редакционной коллегии продолжалась в течение многих лет. Редакторы намеревались составить документ, который должен был сплести воедино всех почитателей Яхве, независимо от их прошлого, и с этой целью они так блестяще сплели в один клубок легенды и историю евреев, левитов и кенитов, что на протяжении последующих двадцати четырех столетий ученые не смогли его до конца распутать.

Эти редакторы были необыкновенными людьми: из их рук вышли пять книг, получивших название Книги Моисея, Закон, или по-древнееврейски «Тора». К этим пяти книгам ими были добавлены другие исторические сочинения, пророчества, этические правила и стихи, прославляющие Яхве, и все это стало первым собранием литературных памятников, ставшее впоследствии известным под названием Библия.

Пятьсот лет спустя Гиллель, великий мудрец еврейского раввината, скажет: «Возлюби ближнего своего, как самого себя. В этом весь Закон. Все остальное — толкование».

Так в Вавилоне, в плену, обрела форму еврейская концепция мира, преисполненного любви. Она прозвучала сначала в пророчествах Амоса, Исайи и Иеремии, а затем в самом ясном и чистом голосе изгнания. Этот голос — еще

одна тайна иудаизма, ибо мы не знаем имени человека, которому принадлежал этот голос. Этот голос называют Второисайей, или просто «голосом Анонимного пророка».

Без сомнения, он был человеком, который много повидал, многому был свидетелем, испытал много страданий, познал смирение и милосердие. Быть может, он принадлежал к числу торговцев, которые снаряжали караваны в далекую Индию и даже за ее пределы и соприкоснулись с таинственной красотой восточных религий. Или, может, он был одним из тех одухотворенных провидцев, кто проник в самую суть вещей, не выезжая из Вавилона за все годы изгнания.

Его пророчества вызвали к жизни переворот в образе мысли и судьбе евреев, в их концепции Бога и в осознании себя как народа. До этого времени Яхве был прежде всего Богом справедливости. «Око за око, зуб за зуб» — этого принципа никто не отменял. Добро награждалось, зло наказывалось, и меч сурового возмездия карал, не зная пощады.

Такой образ мыслей заставил евреев с необыкновенной честностью пересмотреть свой исторический опыт и, вернувшись в своих рассуждениях от следствия к причине, объявить корнем всех постигших их бед собственные прегрешения, состоявшие всего лишь в их принадлежности к роду человеческому.

Анонимный пророк выдвинул еще одну идею: подобно тому, как лучи солнца согревают равно добрых и злых, любовь и сострадание Яхве пронизывают всю вселенную. Яхве — Бог справедливости не в примитивном, племенном смысле, Он Бог той справедливости, которая столь отчетливо проявляется в устройстве вселенной, и евреи избраны Им не для того, чтобы их наградить, а для того, чтобы возложить на них бремя страданий человеческих, — предназначение евреев состоит в том, что они принимают муки ради всех людей и ради спасения всех людей:

«Но Он взял на себя наши немощи, и понес наши болезни; а мы думали, что Он был поражаем, наказуем и уничижен Богом. Но он изъязвлен был за грехи наши и

мучим за беззакония наши; наказание мира нашего было на Нем, и ранами Его мы исцелились. Все мы блуждали как овцы, совратились каждый на свою дорогу; и Господь возложил на Него грехи всех нас» (Ис. 53, 4-6).

Евреи посмотрели на себя иными, новыми глазами, но не все согласились с тем, что говорил этот новый голос. Против такого хода мысли возражал, вероятно, пророк Иезекииль, да и другие пророки; но число сторонников Анонимного Пророка все возрастало, и все труднее становилось противиться этому новому голосу, когда он восклицал:

«Восстань, светись, Иерусалим, ибо пришел свет твой, и слава Господня возшла над тобою. Ибо вот, тьма покрывает землю, и мрак — народы; а над тобою воссияет Господь, и слава Его явится над тобою. И придут народы к свету твоему, и цари — к восходящему над тобою сиянию» (Ис. 60, 1-3).

Отныне тайна и величие Яхве обрели новое измерение. Евреи не вправе были подвергать сомнению причину Его выбора.

Подобно тому, как синагоге предстояло существовать двадцать пять веков, так и евреям предстояло молча и безропотно переносить невыразимые страдания в твердой уверенности, что они почему-то должны страдать за всех людей. Среди евреев возникнет странная легенда о Ламед Вав. Это — названия двух букв, соответствующих числам 30 и 6.

Согласно этой легенде, среди евреев всегда имеется 36 добрых безгрешных мужчин. Они смиренно живут в безвестности, молча переносят страдания и боль. Когда один из них умирает, Бог назначает на его место другого, который порой сам не знает, что именно на него пал выбор Бога. До тех пор, пока они живы и смиренно исполняют свое предназначение, мир продолжает существовать, но как только на замену умершего найти очередного праведника не удастся, наступит конец света.

В связи с этим важным понятием — конец света — следует назвать еще одно имя — Кир Великий. Соглас-

но легенде, он был эламитом, его предка победил в бою прародитель всех Сынов Израиля Авраам, но более прочным связующим звеном между евреями и Киром была его религия — зороастризм. Этическая основа зороастризма — вера во всеобъемлющее присутствие Бога как света. Главные положения зороастризма не могли не привлекать евреев, и они отразились в песнях Неизвестного Пророка.

Евреев привлекала неумная энергия Кира, он в свою очередь восхищался разносторонними познаниями евреев. Кир и его персидская кавалерия создавали новую империю, и вавилонские евреи помогли ему подготовить и осуществить план завоевания Вавилона. Кир явился как просвещенный освободитель, он восхищался красотой и богатством Вавилона, жителей которого почитал и уважал. Вавилон стал частью великой империи, созданной и объединенной Киром и его потомками.

Для евреев настали хорошие времена, в эти годы в каждом городе Персидской империи возникли синагоги и еврейские общины.

Вполне естественно, что Кир разрешил евреям вернуться в Иерусалим — они помогали ему советами, оказывали денежную помощь, снабжали его армию и в конце концов дали ему возможность мирно войти в Вавилон, обеспечив ему симпатии горожан и открыв перед ним городские ворота. Несмотря на хорошее обращение вавилонян с евреями, те не могли забыть, что Вавилон разграбил Иерусалим, разрушил его стены. Уже в то время евреи приписывали Иерусалиму мистические свойства, которые он сохраняет и поныне.

В 538 году до н. э. караваны евреев двинулись по пустыне обратно в Иерусалим. За годы изгнания еврейское население Вавилона удвоилось, причем в немалой степени за счет вавилонян, принявших культ Яхве. Напомним, что вавилоняне принадлежали к той же расе и говорили на том же языке, что и евреи, и, как это всегда бывало в древности, еврейская община обладала большой привлекательностью для язычников.

В Иерусалим вернулось около 40 тысяч евреев, почти столько же оставшись в Вавилоне. Оставшиеся заложили основу — одну из самых больших еврейских общин в мире, и еще тысячу лет — до тех пор, пока Вавилон существовал как город, община там процветала.

Члены ее не испытали таких трудностей, какие выпали на долю евреев, вернувшихся в Палестину. Иерусалим представлял собой груды развалин. Все его население составляла кучка иевусеев, которые, словно объятые страхом дикие звери, прятались в подземных складах и цистернах. Семьдесят лет отряды кочевников-бедуинов и шайки бродячих разбойников заходили в Иерусалим в поисках добычи. Храм, построенный Соломоном, лежал в руинах, золотые, деревянные и каменные украшения были разворованы. Из домов еврейской знати было похищено все, что представляло хоть малейшую ценность. Иерусалим стал городом-призраком, немой руиной, из которой доносился еле слышный шепот предков.

От еврейского государства осталось несколько тысяч крестьян, тяжким трудом добывавших себе скудное пропитание с осыпавшихся террас, платя дань тем же разбойникам. Они прятались в окрестных холмах, обходя стороной мертвый город. Зачем им было возвращаться туда, где нельзя жить?

Голод, анархия и распри царили в Иерусалиме. Вернувшихся изгнанников охватило чувство безнадежности. По ночам каждая семья запиралась в своем доме, спасаясь от безнаказанно рыскавших по городу грабителей и шакалов. Очень тихими и безрадостными были первые богослужения в разрушенном Храме.

(Говард Фаст. «Евреи»)

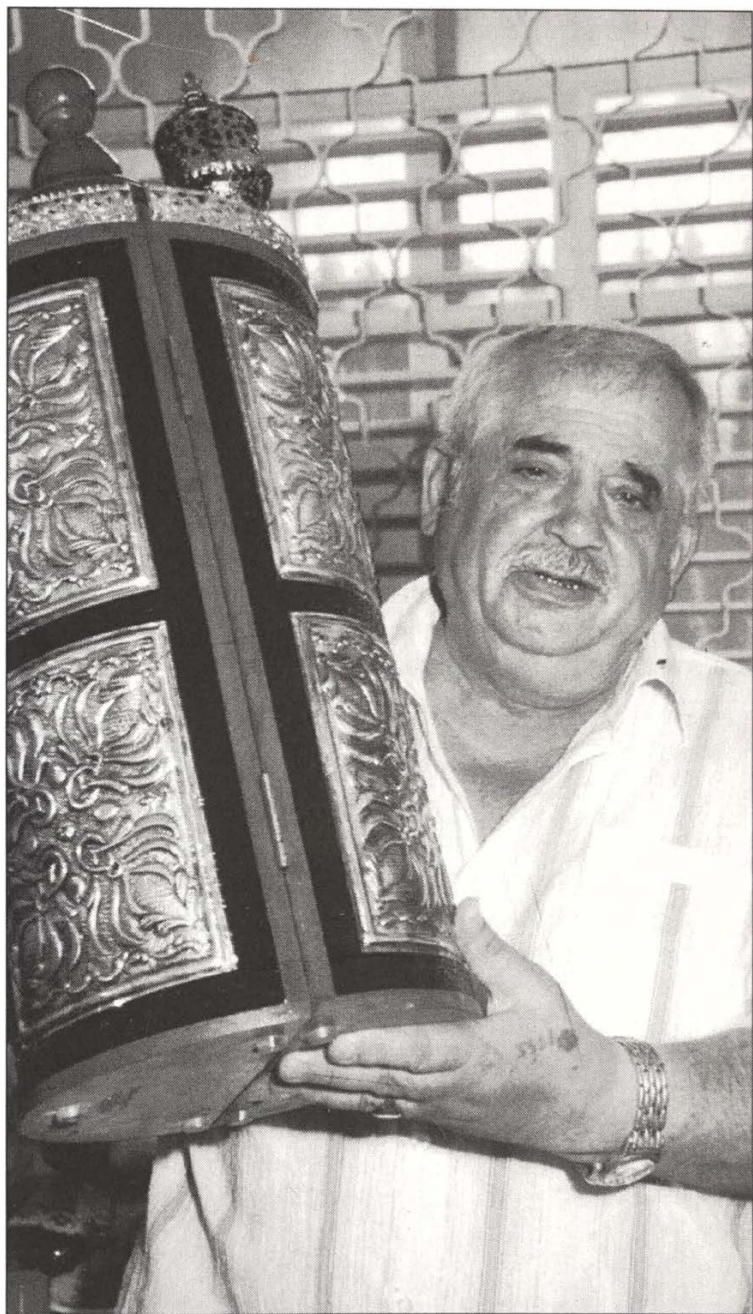
РАФАЭЛЬ ХИСКИЯЕВ — «ЧИГАРДУСТ», КОТОРЫЙ ОСТАЕТСЯ ЖИТЬ

*И все живые будут создавать Тебе
Благодарения, и восхвалять Твое имя истинно —
Б-г спасения нашего и помощи нам.
Предобрый Имя Твое и Тебя подобает
Благодарить.*

(Еврейские молитвы: «Шомрей Эмуна»)

Вечных людей нет. И человек не живет вечно. Это простая истина. И тем не менее, и в голову никогда не приходит, что из жизни могут уходить не только простые люди, но и праведники. Это очень больно и грустно сознавать, но они уходят тоже. И это больно вдвойне, когда они уходят раньше времени, когда до старости еще так далеко, в то самое время, когда человеку настала желанная пора вкусить плоды своего труда. Наверно, такой удел и праведников.

Так ушел из жизни и Рафаэль Хискияев, которого при жизни все, кто его знал, любовно и уважительно называли — Рафаэль-Рабейну. И это было совсем не случайно: это прозвище было, как высокая награда за его человечность и благородство, милосердие и сострадание, любовь ко всем, независимо от родства и нетерпимость к фальши.

Рафазль Хискияев с Сефер-Торой

Уроженцы Навои хорошо помнят не только Рафаэля — чигардуста, но и его родителей, особенно его отца — раввина Юно Калонтара, который еще в трудные и запретные времена сделал много доброго для бухарской общины. Не каждый человек, заранее обрекая себя на непредсказуемые последствия, мог в те опасные времена, когда религия была далеко не в чести у советских властей, организовать у себя на дому синагогу. Это было сродни подвигу. Рав Юно сделал это. И дорогу к его дому знал и стар, и млад. И живя в мусульманской среде, рав Юно приобщал к еврейским традициям и Торе сотни своих собратьев по вере.

Рафаэль тоже мог бы пойти по стопам отца. Но оставаясь глубоко религиозным человеком, он выбрал для себя другой путь: стал востребованным мастером — портным и закройщиком верхней мужской одежды. Долгие годы он проработал в системе бытового обслуживания города. И, конечно же, значился ведущим специалистом предприятия. Рафаэль был настоящим маэстро своего дела.

Рафаэль Хискияев и рав Барух

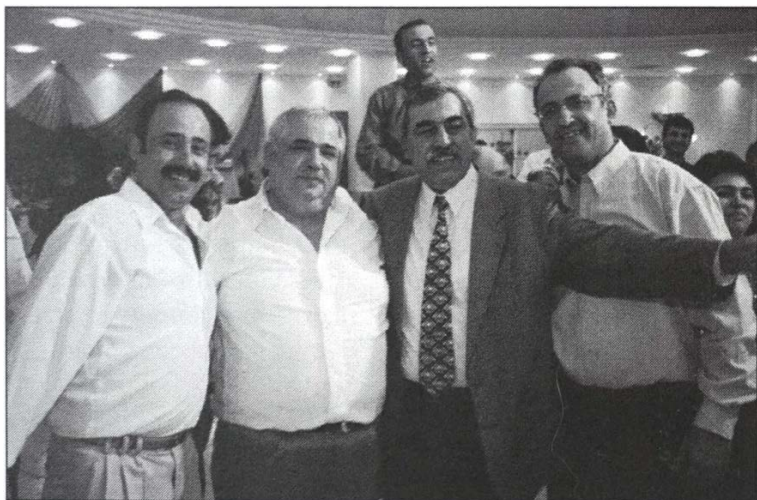
Благословение

Заказчиков было, хоть отбавляй. Все хотели спать костюм на выход только у Рафаэля. Это не вызывало у его коллег по работе какой-либо зависти, ибо они хорошо знали, что он, действительно, человек с «золотыми» руками. Наплыв заказчиков помогал предприятию постоянно выполнять плановые задания.

Но так получилось, что Рафаэль был не только первоклассным мастером, но и вездесущим и требовательным парторгом, как говорили его товарищи по работе, коммунистом номер один в родном коллективе. А парторг — это вожак и главный человек на производстве. Слово партии — это закон. Но парторг должен и сам быть образцом для подражания. И Рафаэль этим примером был. На него равнялись. Он никогда не был в роли судьи и прокурора, хотя его партийная должность требовала особой строгости. Напротив, он всегда помогал людям — и добрым советом, и вниманием, личным участием воодушевлял даже человека, который казалось бы потерял всякую веру в добро и справедливость. Вот почему на предприятии не было отстающих: комбинат всегда числился среди правофланговых. В нем было еще

одно удивительное качество — качество тонкого дипломата. Рафаэль умудрялся деликатно сочетать партийные и производственные дела с активной религиозной деятельностью, порой скрывая это от чужих и недобрых глаз, а порой идя «во-банк» по принципу — будь, что будет. И это не было, не дай Б-г, каким-то шагом отчаяния. Напротив, это было как бы продолжением отцовского подвига.

Рафаэль был, как и его отец, очень милосердным человеком. На его счету было много хороших дел. Он принимал самое активное участие, а порою даже брал на себя похороны одиноких людей. В большинстве своем это были беженцы из ашкеназов, попавшие в Среднюю Азию в годы войны. У многих из них не было родственников, а Рафаэль, зная это, проявлял о них отцовскую заботу. Но он заботился об этих людях не только достойно провожая их в последний путь. Он заботился о них, как самый близкий человек, и при жизни: всегда приглашал к себе домой, кормил, поил, они не один день гостили у него, получая тепло и радужный прием. У него была феноменальная память: он знал семью каждого беженца и никогда не забывал о них, считая их своими

Рафаэль Хискияев среди близких

Рафаэль Хискияев со своими сестрами

родными людьми. А еще он хорошо помнил даты рождения и день ухода из жизни многих дорогих его сердцу людей: по еврейской традиции организовывал «аскароты», даже, если этот человек умер 20 или 30 лет назад.

Его супруга и подруга по жизни Дора прожила с Рафаэлем без малого 41 год хорошей и красивой жизни. И теперь, хотя она еще далеко не старый человек, решила посвятить свою оставшуюся жизнь, сохранению его благославенной Памяти.

Рафаяля всегда тянуло на родину предков. Он хотел попасть сюда еще в далекие семидесятые. Как только обозначилась первая «волна» большой алии. Только желание и возможности не совпадали. Возникали разные проблемы — чисто семейные, житейские, общественные, которые, что называется, заставляли его откладывать это на потом. И так из месяца в месяц, из года в год. 1988-й год обозначен в биографии Рафаэля красным цветом: он, наконец, решается на выезд, хотя отлично понимает, что ему предстоит сдать трудный экзамен. Он — парторг. Значит надо отчитаться перед партий-

ным собранием. Надо сдать свою пурпурную книжицу — партбилет. Рафаэля уже ничего не пугало: он был готов ко всему. Прошло и это самое собрание. Было и возвращение партбилета. Рафаэль объяснил все просто и доходчиво: он не может разбить свою семью и отказаться от своих детей. Его совесть чиста: он служил бывшей родине не за страх, а на совесть. Казалось бы все хорошо и можно вздохнуть с облегчением. Но, как говорят, бедному жениться — ночь коротка. В аэропорту в Москве на контрольном досмотре таможенники вдруг обнаружили «изъян» в его документе: работники местного ОВИРа не поставили печать на фото. А жена Дора с детьми уже сидит в салоне самолета, который должен вылететь с минуты на минуту в столицу Австрии Вену. На долю Рафаэля выпало настоящее испытание. Был воскресный день. Никакие организации не работали. Московский ОВИР в том числе. Ему стоило неимоверных усилий отыскать домашний адрес ответственного чиновника этого ведомства, чтобы исправить ошибку: поставить печать там, где нужно. Человек отдыхал в кругу семьи. А тут вдруг... Но чиновник оказался добросердечным: приехал, сделал все, как надо. Только в Австрию приехал на второй день. Вот с такого неприятного эпизода началась алия Рафаэля-чигардуста.

Только это нисколько не огорчило бывалого парторга. «Где наша не пропадала», — в шутку сказал он своим домашним. Прорвемся. И он, действительно, прорвался: пошел работать по специальности. Это был счастливый случай. Мало кому из новых «оле» выпадает такое везение. На текстильной фабрике «Тодан» его сразу же приняли, как родного, ибо с первых дней они поняли, что перед ними первоклассный мастер с «золотыми» руками. На этом предприятии Рафаэль проработал свыше 20 лет. И столько же он проработал на родине исхода в своем родном городе Навои. И там тоже о нем ходила молва, как о мастере — кудеснике. Он значился в числе первых помощников директора и всего руководства. С его мнением считались. Это давало ему возможность по-

Рафаэль Хискияев в кругу семьи

мочь землякам устроиться на работу, а тем, кто был уже в коллективе, продвигаться на производстве. В его жизни было много перемен. Рафаэль потихоньку привыкал к новой жизни, к новым людям, к новой действительности. Многое его радовало. Но сердцу не прикажешь: жива была память. Ведь там осталось самое дорогое — могилы родителей, друзья детства, памятные с детства места. Обманывают те, которые говорят, что у них не было чувства ностальгии. За годы жизни в Израиле Рафаэль дважды побывал в Навои. Надо было видеть с какой радостью его принимали узбеки и таджики. Его это гостеприимство и радушие растрогало до слез. Но даже там, живя среди искренних друзей в гостеприимном мусульманском доме, Рафаэль оставался самим собой, евреем, соблюдающим все иудейские ритуалы. И, конечно, кашрут. Но ездил Рафаэль на бывшую родину не в поиске развлечения и не ради удовольствия. Он, как принято говорить, сочетал приятное с полезным: помогал привести в порядок еврейское кладбище. И, конечно, не забывал о родительских могилах, которые тоже требовали ухода. Где бы ни был Рафаэль, и, куда бы его не за-

брасывала судьба, он строго придерживался еврейского образа жизни. И в поездках на чужбину, и у себя дома. И все домашние хорошо знали об этом, а зная и сами придерживались этих правил. В других же делах он оставался очень коммуникабельным человеком. С внуками был ребенком, а со своими сыновьями — просто товарищем и добрым советчиком. Его глаза и сердце всегда излучали тепло. Он был очень хлебосольным человеком. Ему не было разницы, кто открыл его дверь: близкий родственник, или случайный знакомый. Он умел отвечать добром на добро.

Особенно был благодарен Рафаэль родителям своей жены Доры — Сионхаю Тахалову и Лизе Мататовой за их помощь и поддержку и постоянную заботу о его семье. Они приехали в Израиль на 12 лет раньше и прекрасно понимали, что значит начать жизнь с чистого листа. Помогали во всем. Такую же благодарность Рафаэль испытывал и к братьям, и сестрам Доры — Илюше, Юре, Зое, Мае, Берте, Маргарите, Пете и Яше. В его жизни было много любопытных и увлекательных эпизодов. Он был учеником у своей будущей супруги, когда учился в школе рабочей молодежи. Получилось, как в одном популярном советском фильме: «Весна на Заречной улице»: ученик влюбился в свою учительницу. Дора всегда была его верной спутницей по жизни и светом семейного очага.

Но жизнь Рафаэля не всегда была праздником. Он знал и драматические дни: умерли родители, а потом ушел из жизни брат Амнун, следом сестра Мирьям, у которых остались трое маленьких детей. Горе, конечно, подорвало его здоровье. Но горе не сломало его бойцовского духа: он оставался сильным и волевым человеком. На протяжении целого года сам читал «кадиш» по отцу, много помогал детям безвременной ушедшей сестры. Помогал им даже во взрослой жизни. Его называли «чигардуст». Это так и было. Он для всех близкий, а нередко и чужих людей был, как «скорая помощь». В первый год по приезду в Израиль был такой период, когда в доме Рафа-

зля нашли крышу над головой многие из его близких: он приютил сразу 18 человек из родни, дав им возможность стать на ноги. У него на счету было семь «сандаков» Его называли еще и Рафаэль-Рабейну. Это тоже некий символ благородства и милосердия, нечто созвучное словам: «Авраам-Авейну». И это тоже не было преувеличением.

О чем может мечтать человек? Конечно, о своем продолжении. И, конечно, о том, чтобы его помнили: порядочного, благородного, мужественного. Рафаэль ушел в лучший мир. Но остались его дети — Менахем, Ксения, Игорь, Лазарь, которые остаются людьми, достойными своего праведного отца.

**От имени всей родни с благодарностью
посвящаю эти строки незабвенному
супругу, отцу, брату, деду подруга по жизни
и судьбе**

Дора Хискияева

Пусть земля, дорогой Рафаэль, будет тебе пухом. Скорбим, любим, помним.

Рафаэль Хискияев родился 7 марта 1946 года, в тот год, когда уже отгремели залпы той большой войны, которая вошла в историю под названием Великая Отечественная. Родился он в семье авторитетных и очень уважаемых людей — Юно Калантара и Яэль Юшваевой. В семье было пятеро детей. Рафаэль был самым младшим, а потому, как это всегда и бывает, самым любимым. Вот имена его остальных — брата и сестер: Мирьям Хискияева, которая была самой старшей из детей. Всевышний отмерил ей жизнь длиной в 75 лет. Она умерла в 2005 году. Брат Амнун — 1932 года рождения. Скончался семь лет назад. Следом идут Люба и Соня. Первая родилась в 1937-м, вторая два года спустя — в 1939 г. Как говорится, им до ста двадцати.

Рафаэль, как и все его сверстники, начал свою жизнь со школы. Но, к великому сожалению, семейные обстоятельства сложились не очень благоприятно для дальнейшей учебы. Неожиданно для всех, скорострительно скончался муж старшей сестры Мирьям Писар-Авром Хаимов. Ему не было и тридцати лет от роду. Сестра осталась с четырьмя маленькими детьми на руках. Без кормильца семья стала испытывать сильную материальную нужду. Таких родственников, которые могли бы помочь тогда не было: все жили бедно и едва сводили концы с концами. И первым на зов беды откликнулся маленький братишка Рафаэль, который посоветовавшись с родителями, решил пойти на работу и раньше времени окунулся во взрослую жизнь. Ему было всего тринадцать лет, а он с головой ушел в разнорабочие. Несмотря на то, что никто из близких не жил в роскоши, все, как могли, по мере возможности, помогали слишком рано познавшей вдовью судьбу Мирьям. Но помощь Рафаэля была особой: все заработанное он отдавал сестре. А Рафаэль еще подросток. Его ровесники живут беззаботно, наслаждаясь детством. А он совсем другой. Жизнь рано сделала его взрослым, а значит, и смышленным. В нем много благородства: даже чужую боль он воспринимает, как свою собственную. И таким он остался до конца своих дней. А еще он был по особому трудолюбив. В нем было много усердия и терпеливости. И он стал выбирать себе профессию, которая требовала от человека именно таких качеств. Ему пришлось по душе профессия портного. И он пошел в ученики к известному мастеру Писару Казакову. Это был его первый «университет». Опытный и многознающий мастер щедро передавал ему секреты портняжного дела. И по его рекомендации, Рафаэль продолжил осваивать ремесло портного уже на годичных курсах в Ташкенте. Он понимает, что человеку в жизни нужна хорошая профессия, чтоб он был востребован и полезен людям.

В его Трудовой книжке значится только одна короткая запись: мастер-закройщик. В этой должности он

Рафазль Хискияев с женой Дорой

работает с 1964-го и до самого последнего дня выезда в Израиль. Но в его личной биографии есть и другие памятные записи. С 1965 по 1968 год — он на солдатской службе в рядах Советской армии, где ему тоже пришлось демонстрировать свое портняжное искусство. А 1969 год он всегда считал особым, отмеченным незабываемым праздником в своей жизни: он стал семейным человеком. Он женился, навечно соединив наши судьбы. Это было в 1969 году. Я была еще студенткой педагогического института. И прожив с ним свыше 40 долгих лет, была, наверно, самой счастливой женщиной. Рафаэль был прекрасным семьянином, ласковым отцом, любящим братом и добрым дедом. А еще и незаменимым тамадой, душой компании.

Сорок лет назад, в далеком теперь 1970 году у нас родился первенец — сын Менахем-Марик. Он сегодня сам родитель — отец трех милых сыновей. А самая любимая всей родней — дочь Ксения, которая давно сама мама, имеет 3-х детей и 20 лет, как замужем.

Самые младшие в нашей семье сыновья-близнецы Игорь-Исраэль и Лазарь-Элиэзер, которые сегодня имеют своих детей и живут своей самостоятельной жизнью. Они переняли от своего отца самое главное — порядочность, человеколюбие, простоту и равнодушие к чужой беде. Это передалось им по генам. И я, как мать, очень счастлива и горжусь своими детьми. С мальчиками-близнецами у нас с Рафаэлем связано много радостных событий, но одно было особенно памятным. В честь их рождения и за отличную «стахановскую» работу руководство горбыткомбината выделило нам 3-комнатную благоустроенную квартиру. Это был хороший подарок, а еще и признание заслуг Рафаэля, как одного из лучших людей большого, интернационального коллектива.

О Рафаэле можно говорить и рассказывать много. Он любил всю родню, но особой любовью любил своих родителей — отца, мать, сестер, брата. Когда умер отец, он каждый день после работы, несмотря на усталость и приличное расстояние, приезжал в старый город Кармина,

чтоб навестить близких людей. А, когда брату Амнуну понадобилась серьезная операция в Москве, то он почти четыре месяца находился с ним рядом, оставя семью и работу. Но это не первый такой случай в его жизни. Так поступал он, когда болел мой отец. И так поступал он, когда болела я сама. Это было у него в крови. Рафаэль был большим человеколюбом и совсем бескорыстным, настоящим рыцарем и совести, и чести. Он знал и много радостных дней, но не меньше и печальных. В 1987 умерла его мама Яэль. Он тяжело переносил эту утрату. Для него померк свет. Ничто его не радовало. И может быть, именно это, и ускорило его выезд в Израиль. Но он вскоре победил эту депрессию, и приехав на родину предков, еще не владея ивритом пошел работать. Нет, не дворником, который убирает подъезды и улицы. Он работает портным. В год приезда даже люди с университетским дипломом шли никаенить, а вот Рафаэль сразу же показал «балабайту» на что он способен. Задание, которое тот дал в качестве экзамена, Рафаэль выполнил играючи.

Но Рафаэль не только ежеминутно и ежедневно отдавался работе. Он мог и любил отдыхать и быть среди людей. И люди знали о нем и тянулись к нему. Он, действительно, был «цадиком». Многие из земляков хотели, чтобы он был в их доме почетным гостем. На его счету без малого 7 «сандаков». Это своего рода благославения во время обряда обрезания. Он держал на своих коленях семь малышей, прошедших этот обряд. Я даже помню их имена: Арон, Миша, Алеша, Ени, Идан, Ронен, Якир. Рафаэль был очень любознательным человеком. Любил путешествовать. Где мы с ним только не были. Были мы на курортах Кавказа, в Карловых Варах, в Словакии, Турции, в Германии, Греции и еще во многих других местах. Не забывал Рафаэль и о родине исхода. Но эти поездки были связаны не с путешествием. Он ездил на могилы своих родителей в Кармина, был и в Самарканде и в Хатырчах, Ташкенте и в Бухаре. Он и здесь совершал свою «мицву»: помогал отремонтиро-

вать памятники на могиле родных и просто знакомых ему людей. Не забывал дорогу и в синагогу. И не только там, но и здесь, ставшем ему родным, Холоне. В бухарской синагоге этого города, в котором мы живем и по сей день, он дважды почтил память своих родителей и брата Амнуна.

Рафаэль очень торопился жить. Наверно, как «цадик», чувствовал свой скорый уход. Он очень хотел погулять на свадьбе внучки Яфит, но коварная смерть спутала все его карты И, все-таки, я рада, что он успел принять участие в ее помолвке.

Он и жил как-то очень торопливо, словно боясь не успеть что-то сделать и не успеть где-то быть. Так он жил и так же торопливо ушел из жизни. За месяц до смерти вдруг начал жаловаться на боли в сердце. Сделали «цинтур», брачи обнадежили: ничего страшного, все будет хорошо. Но хорошо не стало. 18 февраля Рафаэль умер. А мне показалось, что подо мной рухнула земля.

Да, эта трагедия. И я в то страшное мгновение думала, что все закончилось. Но жизнь продолжается. И надо жить во имя детей и во имя внуков, чтоб радоваться их радостями и помогать в трудную минуту. А для меня Рафаэль не умер: я говорю с ним и во сне, и наяву, как в минуты наших самых счастливых дней.

Дора Хискияева

Стихи Доры, посвященные любимому мужу Рафаэлю Хискияеву

ТЫ УШЕЛ

Рафаэль, ты ушел навсегда,
Для меня был ты другом и мужем, —
И вот в дом мой явилась беда
И терзает и сердце, и душу.

Рафаэль, ну проснись же на миг, —
Я бужу тебя утром и ночью, —
Плачет сердце, но только мой крик, —
Ты не слышишь, как прежде воочью.

Ну, куда, мой родной, ты уплыл?
Не могу до сих пор догадаться, —
Ведь меня ты так страстно любил,
А до срока пришлось нам расстаться.

Почему же так долго ты спишь?
Под портретом твоим плачут свечи
И читают молитву «Кадиш»
По тебе сыновья каждый вечер.

Рафаэль, дорогой, с кем теперь
Говорить мне о прошлом и внуках, —
В жизнь другую открыл себе дверь, —
Тяжела мне такая разлука.

Мое сердце сжигает огонь, —
Образ твой незабвенный мне снится...
Кто от смерти протянет нам «бронь», —
На какой улететь колеснице?

Память сладкой той жизни жива
И тебе благодарна я очень, —
Без тебя и цветы, как трава, —
Стали длинными, длинными ночи.

Я в тоске закрываю глаза, —
Жизнь такая нежданная штука, —
Солнце вдруг прикрывает гроза, —
Радость вмиг омрачается мукой.

Понимаю, не вечен никто
Было столько надежды желанной,
И прожил бы ты лет бы под сто, —
Но ушел до обидного рано.

Сердце гложет обида и злость, —
Это жизни все хитрые штучки, —
Только жаль, что тебе не пришлось
Погулять вот на свадьбе у внучки.

И летят в сердце тысяча стрел, —
И терзают мне душу печали, —
Ну, вернись, хоть на миг, Рафаэль —
Будем вместе, как в самом начале.

Ты всегда для других только жил, —
Для себя не умел почему-то, —
И всегда со Всевышним дружил, —
Жизнь с тобою прошла, как минута.

Рафаэль, помоги, успокой,
Помяни, как бывало на Торе, —
Это я, это я, дорогой,
Это я — мать детей твоих, Дора.

Дети любят тебя и скорбят, —
По тебе, по отцу дорогому, —
И в сердцах твое имя хранят
И верны чигар-дусту святому.

И об этом ведь знает сам Бог, —
Нам, родной, так тебя не хватает, —
Был ты жизни везучей цветок, —
Говорю я об этом рыдая.

Слышу будто с далеких небес
Мне знакомый до боли твой голос
«Помню всех сыновей и невест, —
Год уже я, как сорванный колос.

Память все ж не расстает, как снег, —
Помню всех я, отец, поименно, —
Никому не дается навек
Эта жизнь — золотая корона.

Мне встречаться лицом бы к лицу, —
Я б хотел еще жить без печали, —
Об одном вас прошу, чтоб Творцу
Вы хвалу бесконечно воздали.

Обо мне, знаю, память жива
И спасибо вам всем многократно, —
Душу греют мне ваши слова, —
Говорить мне так с вами приятно.

Здесь, на этой священной земле, —
Не волнуйтесь, живу с вами рядом, —
И мой свет вам поможет во мгле, —
И грустить обо мне вам не надо.

Пусть беда обойдет стороной, —
И слова эти вовсе не лишни, —
Я за это молюсь, как святой, —
Чтоб хранил вас навеки Всевышний.

Авторизованный перевод Романа Бадалова

Фатима Борухова

ФАТИМА БОРУХОВА: ПЕВИЦА, КОТОРОЙ АПЛОДИРОВАЛ СТАЛИН

Совсем недавно ушла из жизни легендарная певица эпохи Советского Союза, народная артистка Узбекистана Фатима Борухова (з"л) Ровно 55 лет отдала эта замечательная женщина песне и театру, радуя поклонников высокого искусства незаурядным талантом и удивительным мастерством.

Поцелованная Богом

Ей было неполных 13 лет, когда она впервые появилась на сценических подмостках родного Андижана. Всевышний наградил девочку необычным даром — приятным и бархатным голосом, который зачаровывал слушателей. Фатима любила петь. И первым человеком, кто обнаружил в ней этот божественный дар стала ее наставница и учительница еврейской школы Нина Галибова. Это она уговорила свою любимицу срочно включиться в работу художественной самодеятельности.

Шел памятный 1924 год. Время, когда людям открылась дорога к знаниям и к искусству. И хотя новое побеждало старое, заскорузлое, негативная ментальность прошлого еще продолжала мешать нормальной жизни. Больше давали знать о себе всякого рода негативные пережитки, особенно в той части что касалось женщин. Но любовь к песне в жизни Фатимы, была куда сильнее

всяких предрассудков. Теперь ее певческая деятельность тесно связана с молодым ансамблем «Синяя блуза», с каждым днем приобретающая все большую и большую востребованность. А весь секрет был в изумительном пении Фатимы. А параллельно она учиться на рабфаке: хорошая специальность всегда пригодится в жизни.

Хождение по «минному» полю

Иногда в жизни случается и такое: одна неприятность вдруг сменяется другой. Такая череда неприятностей ни с того, ни с сего, стала преследовать и начинающую певицу из Андижана. И все, вроде, на пустом месте. А началось, на первый взгляд, с безобидной вещи: руководство рабфака безо всякой дипломатии объявило девушке, что она теперь не будет носить то прежнее имя Панино. Теперь она будет зваться Фатимой. Нашли самый что ни есть элементарный предлог: новое имя легче произносить. Так Панино Борухова стала Фатимой. Было и более неприятное: молодая певица частенько стала получать откровенные угрозы в свой адрес, вплоть до того, что ей обещали перерезать горло. Некоторые мракобесы никак не могли уговориться и принять новую, раскрепощенную женщину. Женщина и сцена в их понятии были несовместимы. Но какие к черту угрозы, когда она, Фатима, вся во власти песни, когда она чуть ли не поет во сне. — Пусть угрожают, пусть даже убьют... Но я буду все равно петь, — заявляла Фатима. Я буду петь даже мертвая!

Ей аплодирует вождь

1935 год стал в жизни Фатимы самым счастливым и самым знаковым. Проходит смотр молодых талантов. Большим творческим коллективам нужна подпитка: талантливые певцы и музыканты, одаренные мастера сцены. Фатиме на судьбу грех жаловаться: она востребованная солистка Андижанского музыкально— драматического театра. Ее любит публика. Так думала сама

Фатима Борухова и Тамара Ханум (справа)

Фатима. А просмотрев ее выступление, человек большого искусства и тонкий знаток песни и музыки Тахтасин Джалилов, решил по-другому. Как главный устроитель Смотра, он не задумываясь пригласил ее в Ташкентский театр оперы и балета имени Алишера Навои. Это был чуть ли не приказ.

1937 год, наверно, значится на всех нынешних календарях, как год печальной памяти. А еще и трагедии. Но он, как ни странно, отмечен и красным цветом. В этом году проходила Первая декада искусств Узбекистана в Москве. Фатима Борухова впервые в столице. Голова идет кругом. Она излучает радость и восторг. Да, она впервые в Москве, но приехала совсем не с пустыми руками. Она приехала покорить столицу. В ее репертуаре сольные партии из классических спектаклей «Тахир и Зухра», «Фархад и Ширин», «Гюльсара». На одном из ее выступлений присутствует сам Иосиф Сталин, который горячо аплодирует молодой певице в знак своего восхищения. Так же горячо аплодирует Фатиме и другой член правительства — всесоюзный староста Михаил Иванович Калинин. Иосиф Виссарионович был так покорен ее пением, что от имени всего зала попросил Фатиму спеть

еще раз партию из «Гюльсарь» А потом вождь пожелал даже сняться с одаренной певицей на память. Фатима долго хранила эту фотографию в семейном альбоме. Но потом во времена Хрущева кто-то из знакомых по доброте души посоветовал порвать ее во избежание неприятностей. А вот с М.И.Калининым фотография сохранилась.

Спустя годы, уже в 1950, Фатима Борухова вновь на московской сцене. Теперь она участница второй Декады искусств И снова оглушительный успех. Снова признание тысяч поклонников.

А до начала Великой Отечественной Фатиму направляют на учебу в школу вокального мастерства при московской консерватории. Она охотно пополняет свои познания в части вокала, открывает для себя много интересного. И кто знает, как бы обернулась ее дальнейшая судьба, если бы не началась война. Пришлось вернуться в родные пенаты.

Фронтовые гастроли

Война внесла свои коррективы в жизнь тысяч и тысяч людей. Внесла она их и в жизнь Фатимы Боруховой. Теперь одной большой сценой становились прифронтовые госпитали и оперативные армейские части, которые после концертов сразу уходили на фронт. Ташкент не был далеко от войны Он был совсем рядом. Здесь было много госпиталей и десятки призывных пунктов. Концертная бригада работала по очень напряженному графику и не только в зоне самого Ташкента, а далеко от него тоже. В самые тяжелые дни 1941 года, когда над Москвой нависла смертельная угроза, Фатима в составе фронтовой концертной бригады была рядом с мужественными защитниками столицы: выступала перед бойцами, уходящими в бой и перед ранеными в подмосковных госпиталях. Этот патриотизм и высокое искусство показывали вместе с ней и ее коллеги по творческому цеху: Халима Насырова, Галия Измайлова, Назира Ахмедова, Мардахай и Сара Самандаровы, Моше Мулокандов и многие

Фатима Борухова в кругу родных и близких

другие артисты. Это был особый труд и особая творческая работа. Фатима Борухова по праву считала себя солдаткой. У нее было много наград. Дважды ее грудь украшали ордена «Красного Знамени». В первый раз за высокое искусство обслуживания строителей большого Ферганского Канала. В 1939 году этой награды она удостоивается повторно. В суровом 1942 она становится заслуженной артисткой Узбекистана, а восемь лет спустя, она уже в ранге народной..

Все остается людям

1979 год — это год завершения творческой карьеры Фатимы Боруховой. Завершается ее многолетняя работа в театре оперы и балета. Но это не конец ее насыщенной и плодотворной жизни. Она отдается общественной работе: участвует в работе только что созданных женских клубов. А потом в ее жизни произошло другое значительное событие: репатриация. Пятнадцать лет назад она прие-

хала в Израиль — на новую родину. Несмотря на возраст, она снова уходит с головой в песню и концертную деятельность, участвуя в работе различных народных ансамблей. Фатима Борухова прожила долгую и красивую жизнь. Она умерла в возрасте 88 лет. Она выросла в многодетной семье Джуры и Мазол Боруховых. Но больше всех она была привязана к семье своей сестры Тамары и племянника Якова. Здесь ее окружала особая теплота и забота. Теперь это большая редкость. И можно только низко поклониться за это и ее сестре Тамаре, и племяннику Якову, и его супруге Любе. И, конечно, ее родной дочери Розе, которая давно живет в той самой Москве, которая аплодировала и помнит Фатиму Борухову. Она была, действительно, человеком удивительной судьбы и таланта. Племянник Яков поведал один удивительный эпизод. Фатима была уже на пенсии и далеко не молодой женщиной, когда получала массу приглашений на семейные торжества — и еврейские, и узбекские. Порой ей не нездоровилось, но она никогда и никому не отказывала: приходила и пела, пела, пела. А когда в знак благодарности, кто-то предлагал деньги, сильно обижалась.

Эпилог

Несколько лет назад Израиль с официальным визитом посетил Президент Узбекистана Ислам Каримов. Бухарско-еврейская община устроила по этому случаю памятный Вечер дружбы с почетным гостем. На той встрече было много уважаемых людей. Но одним из первых, кого приветствовал Президент Каримов была Фатима Борухова — народная артистка Узбекистана, прославленная певица, посвятившая жизнь большому искусству и осталась верной ее величеству Песне.

ЯКОВ И ЛЮБА ЯКУБОВЫ: ЖИЗНЬ ВО ИМЯ МИЛОСЕРДИЯ

Нет, не зря еще с давних времен бытует в народе молва о том, что человек, спасший всего одного человека, спасает целый мир. Даже в наш откровенно меркантильный и прагматический век, есть, к великому счастью, люди для которых нет чужого горя и чужой беды: любовь к ближнему живет в них и впиталось с молоком матери. Они знают вкус, запах и цвет этого милосердия. И когда говорят: красота спасет мир, речь идет о красоте души именно этих людей, которых Всевышний наградил таким чудом.

Есть вещи, которые никогда не уходят из памяти. Прошло много лет, а память о суровых днях Великой Отечественной еще и по сей день вызывает слезы на глазах тысяч и тысяч людей. Далекий и маленький Андижан, что в Узбекистане, это, конечно, не Сталинград и не Курская Дуга. Но война дошла и сюда: сюда приехали тысячи и тысячи беженцев, — люди, которые вдруг вынуждены были оставить свои дома и все нажитое, чтобы не погибнуть от рук фашистов. В Андижане, как впрочем, и по всему Узбекистану, нашлось много людей, которые приняли беженцев, как самых близких и родных людей.

И среди них была родная мама Любы — Кумри. Она старалась сделать для них все возможное и невозможное: бегала от одного дома и от одного двора к другому,

чтобы собрать где можно продукты и одежду, постельное белье и хозяйственную утварь. Чужого горя не бывает: находились люди, которые делились с беженцами последним куском хлеба. Однажды, уже спустя много лет после войны, там, в Андижане, к уже чуточку постаревшей Кумри, подошел солидный на вид мужчина и очень вежливо спросил: «Вы не Кумри, которая спасала беженцев?» Он узнал ее. И, как было не узнать, если перед ним была та самая женщина, которая в самый разгар войны, помогла ему похоронить родную мать по всем еврейским обычаям. Два взрослых человека не могли сдержать своих слез. Неожиданная встреча вернула их в далекий и печальный сорок первый год.

Прошло много лет. Семья Якова и Любы Якубовых репатриировались в Израиль. Обосновались в небольшом и тихом Рамле. И здесь случилось некое чудо: супруги познакомились с удивительными и сердечными людьми — супружеской четой Блумбергер. Это случилось в муниципалитете города, где Фрида Блумбергер работала в качестве волонтера, то есть на добровольных началах, абсолютно безвозмездно. Рабочим местом этой благородной женщины был тогда выдававший виды старенький стол, установленный прямо в зале для посетителей. На столе внимание новых «оле» привлекала яркая табличка с весьма необычной надписью: «Помогаю новым репатриантам советом, одеждой, мебелью и домашней утварью». К такой работе Фриду никто не обязывал. Это она делала по велению души и сердца. Преподавательская интуиция подсказала Любе, что перед ней необычная женщина, для которой творить добро — это образ жизни. С первых же дней знакомства дружба двух женщин перешла в дружбу двух крепких семей. Она прошла уже испытание временем и длится аж долгих 17 лет. В первые же дни приезда Любы в Израиль, супружеская чета Блумбергер помогла ей устроиться в одну семью, где она обучала детей английскому. А вскоре с помощью все той же Фриды, Люба стала работать преподавателем в одной из местных школ. Это женщина проявляла о нашей семье, — рассказывают

Люба и Яков Якубовы

Яков и Люба, — настоящую материнскую заботу. Фрида старалась, как могла, облегчить жизнь своих новых друзей: вовлекала их во всевозможные экскурсии. Но чета Блумбергер помогала не только Якубовым. Помогали и другим семьям новых репатриантов из общины бухарских евреев. Они на своей машине развозили по домам продукты, матрацы, одеяла и многое другое, которое им удавалось собрать. И еще об одном эпизоде, говорящем о простоте и человечности супругов Блумбергер, — вспоминают Яков и Люба Якубовы. Через какое-то время они купили квартиру в Кирья-Гате. Но так получилось, что вселиться им в нее сразу не получилось. И целых 45 дней они жили в доме этих изумительных людей, как у самых близких родственников.

Как и у всех репатриантов, приехавших на новую родину, жизнь Якова и Любы делится на две половины — там и здесь. На земле исхода и он, и она успели получить высшее образование: Яков стал классным инженером, закончил Томский государственный автодорожный институт. По завершению учебы сделал отличную карье-

ру: работал начальником производственного отдела областного управления шоссейных дорог. И проработал на одном месте долгих 24 года. Но есть в его биографии и нечто особенное. Речь о его родном отце. Михаил Абаевич Якубов был педагогом от Бога. Это был очень известный в Республике человек на педагогическом поприще. У него было много почетных наград и званий. Заслуженный учитель Республики, человек, который многие годы возглавлял районный Отдел народного образования в Андижане. Он рано умер, но память о нем жива. Одна из улиц в Андижане носит его имя. У Любы жизнь сложилась несколько по-иному. Она закончила факультет иностранных языков. Еще будучи студенткой преподавала в школе рабочей молодежи. У нее солидный стаж педагогической работы: с 1965 по 1991-й. Была и педагогом, и главным методистом. Трижды участвовала в республиканской Олимпиаде, которые проходили в Ташкенте и Фергане. Ее воспитанники непременно получали на этих Олимпиадах призовые места. В ее Трудовой книжке есть еще одна примечательная запись: заместитель директора по учебной части. В этом качестве она работала в профтехучилище номер 19, где готовили строителей и швей-мотористок. Везила своих воспитанниц на практику в Москву. Кроме Олимпиад, Люба неоднократно была и участницей педагогических чтений. Это своеобразный форум, на котором учителя знакомятся с новой, революционной методикой преподавания иностранного языка.

У дружной супружеской четы Якова и Любы Якубовых и в той, прошлой жизни, и в этой, так называемой олимовской, случалось всякое: было много трудных дней, были и радости. Но самое главное было в том, что они познали не только настоящее супружеское счастье, но судьбе было угодно свести на их семейном пути людей с добрыми сердцами, такими, как Александр и Фрида Блумбергер. Следуя традиции своих родителей, и как бы продолжая эстафету добрых дел, они, в свою очередь, стремятся помочь тем, кто в этой помощи нуждается. Правда, Яков более загружен: у него тяжелая физическая

Люба и Яков Якубовы среди родных и близких

работа, связанная с установкой и ремонтом сантехники. И честно сказать, заниматься политикой в том объеме, в какой ему хотелось бы, не получается. А вот у Любы в этом плане более реальные возможности. Больше, скажем времени. Она — член партии «Кадима». Участвует в самых разных мероприятиях. Это идет у нее как бы по эстафете: она и там постоянно участвовала во всех избирательных кампаниях. В этом смысле, политика для Любы — не хобби, а продолжение ее основной работы, к которой она относится очень серьезно. И хотя сейчас ей приходится много внимания уделять внукам, все равно она находит время и для общественной работы. Вот уже 5-6 лет, как Люба на дому у себя абсолютно безвозмездно открыла класс по оказанию помощи отстающим. Не все ребята могут хорошо освоить иностранный. Вот Люба помогает таким, даже для получения «багрута».

Синагога «Юсеф-ча»

«ЮСЕФ-ЧА» — ПАМЯТНИК ПРИ ЖИЗНИ ЮСЕФУ РУБИНОВУ, ДЛЯ КОТОРОГО МИЛОСЕРДИЕ — ЭТО ДОЛГ И ТРАДИЦИЯ

«Ты не обязан кончить работу, но ты и неволен освободить себя от нее: чем больше ты изучал Тору, тем большая награда ждет тебя. Но знай, что вознаграждение праведным дается в мире грядущем»

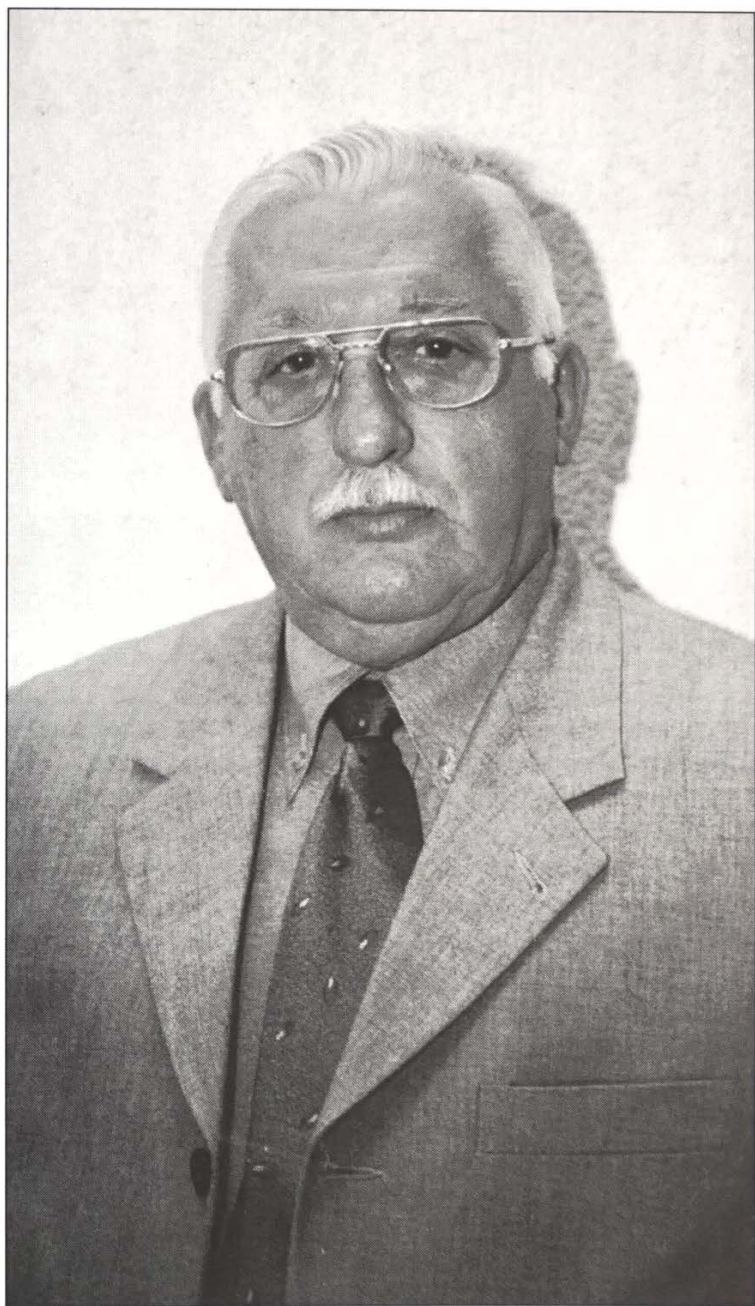
(«Шомрей Эмуна». Еврейские молитвы)

Юсеф Рубинов — уроженец древнего Коканда. Отец пятерых детей. У него четверо сыновей и одна дочь. Старшего зовут Цфига. Потом идут Рафаэль, Ариэль и Нисим. Он самый младший. Дочь Адина — работает помощницей зубного врача. 50 лет жизни связан он брачными узами со своей супругой Сарой Юсеф награжден медалью: «60 лет государства Израиль», был депутатом муниципалитета Ор-Иегуды. И по сей день ведет большую общественную работу.

35 лет назад был заложен первый камень в строительство здания самой первой и самой посещаемой, а еще и самой известной синагоги в некоронованной столице бу-

харских евреев — Ор-Иегуде. Синагоге, которую народ, по справедливости, нарек коротким именем «Юсеф-ча». Это имя ее основателя Юсефа Рубинова. Построй дом. вырасти детей и посади дерево. Это древняя еврейская заповедь, Но, наделенные мудростью люди, знают, как трудно построить не то, чтобы красивый дворец, а всего лишь один маленький домик: на это требуется время, терпение и много труда, А на строительство дворца нужны еще и деньги, А для того, чтобы достать их, нужна особая смекалка и особая дипломатия, а еще и особое уважение со стороны земляков.

Все это у Юсефа Рубинова было и есть, У него не было только одного: свободного времени. Как никто другой, он понял, что у него другого выхода просто нет: во имя своих земляков, он обязан пожертвовать этим временем. И не только им. А еще и своим досугом и жизнью вне семьи, И даже работой. А она, как-никак, была тоже прочно связана с людьми: у доктора Юсефа Рубинова была своя стоматологическая клиника. К тому же, очень востребованная и перспективная. Другой человек действовал бы по принципу: семь раз отмерь — один раз отрежь. Но воспитанный на еврейских традициях и преисполненный любовью ко Всевышнему, решил сделать в своей жизни еще одну «мицву»: он взял на себя ответственность за строительство новой и самой первой в Ор-Иегуде бухарской синагоги. Это строительство требовало приличных денег, которых, по меткому выражению еврейских мудрецов, никогда много не бывает. Собирать приходилось с миру по нитке. По маршрутам Юсефа можно было бы хорошо изучить всемирную географию: далекая Америка была далеко не единственным адресом этих благотворительных миссий. Говорят, что у любого большого или малого дела есть начало, но нет конца. Синагога давно возведена, но ее строительство и реконструкция продолжают. А сегодня, как всегда, здесь не остается не отмеченным ни один еврейский праздник, в котором принимают участие много людей. Большие габариты и отличные условия позволяют проводить здесь массовое

Юсеф Рубинов

Юсеф Рубинов на встрече с Биньямином и Сарой Нетаниягу

богослужение, и большие общинно-религиозные вечера, и праздники посвящения в мужчины, и «азкароты» — годовые поминки, и еще много других мероприятий.

В те времена, когда еще существовал Храм, и туда приходили люди, то это все напоминало священные собрания: они были днями молитв, чтения Торы, общих трапез и застолий, на которых приглашали бедных и одиноких, вдов и сирот, дарили им подарки, радовались и веселились. Но все это имело и другое символическое значение: все это означало единство духовного и материального, И вот это единство старается приносить в свою жизнь и синагога «Юсеф-ча».

АБОШАЛОМ ХАТАМОВ: «СЧАСТЛИВЫЙ» СИРОТА, или ПРОДОЛЖЕНИЕ ДИНАСТИИ

Он познал на своем веку столько невзгод, что порой трудно себе представить, что каждый человек может выдерживать такие житейские испытания. Но в нем жила неистребимая воля к жизни. И поэтому он выдержал. И, как сказано в Торе, остался верен еврейской традиции: посадил «сад» жизни — «родил» и вырастил детей, построил свой семейный очаг и до конца дней своих с честью носил, как самую высокую награду, свое человеческое достоинство. Судьба была не очень приветлива к нему. Маленькому Або было всего 3 года, когда умирают его отец и мать. Он остается круглым сиротой на попечении беспомощной тети — сестры матери, которая сама жила бедно и не могла дать мальчику приличные условия жизни. Так он и рос, не познав настоящего детства и сполна познав горький хлеб сиротства.

Когда в России грянула революция, ему было четырнадцать. А, таких, как он сирот и бедных было много. У революции были свои неотложные проблемы. Так что, до Або и тысяч таких, как он, у новой власти руки пока не доходили. А когда придет помощь знал только один Всевышний. К тому же, надо было думать о куске хлеба. И слишком рано повзрослевший Або, всегда думал об этом.

Або Хатамов

И он пошел в извозчики. Обычно извозчиками работали взрослые мужчины. А тут «на козлах» восседает мальчик. Это вызывало у многих обыкновенное любопытство: они охотно садились в его «такси». Зарабатывал маленький Або не плохо: на хлеб хватало. Но он был еще совсем наивен и частенько попадался «на удочку» разных проходимцев. В то время еще в ходу были золотые николаевские монеты. И некоторые клиенты рас-

плачивались с Або «золотом». А мошенники зная это, обманом выменивали их у него на бумажные, не имевшие уже никакой цены.

Когда ему «стукнуло» восемнадцать, тетя настояла на его женитьбе. Она хотела облегчить ему жизнь. Або женится. На горизонте появляется призрачное счастье. Но, как говорят, бедному женится — ночь коротка. У молодой четы рождается мальчик, но природах умирает жена, а через 3 месяца младенец. В его жизни появляется новая женщина, но и этот брак не приносит Або счастья. Молодые любят друг друга, но Б-г не дает детей. И они разводятся.

Когда началась Великая Отечественная, Або исполнилось тридцать восемь. Он слишком взрослый мужчина, а семьи нет. Он становится в эти годы солдатом трудового фронта. Делает все, что может пригодиться там, на войне любому солдату. Ходит вместе с другими по дворам, чтоб собрать теплые вещи для фронтовиков. Або гордится этой работой. Но он в числе других, собирает и другие вещи: андижанские сухофрукты — изюм, инжир,

курагу. Тысяча андижанцев день и ночь работают под кличем: все для фронта, все для Победы. И среди этих людей значился и Або Хатамов.

На этот раз судьба как будто улыбнулась Або: его познакомили с очень серьезной женщиной по имени Тамар, которая, несмотря на молодость, познала в жизни много печального и тревожного. Ей было уже 30 хороших лет, а она все еще «ходила» в холостячках. И тому была причина: в 36 лет

Тамар Хатамова

умирает ее мама. Отец и трое братьев остаются одни без хозяйки семьи. И Тамар совсем не думает о замужестве. Эту заботу о семье она взваливает на свои хрупкие плечи. С первых дней войны уходит на фронт старший брат Яков, а через месяц — другой в руки Тамар попадает извещение о том, что брат пропал без вести. А тут новая беда: арестовывают ее отца Аврома, который работает в сфере торговли и сажают в тюрьму. И правду говорят, что беда одна не приходит. Тамар — грамотная женщина, с образованием: успешно закончила педучилище в Коканде. А потом работала заведующей библиотеки в Бухаре. Ее очень волнует судьба брата Якова. И она решается на мужественный поступок: пишет несколько писем самому Верховному главнокомандующему Иосифу Сталину. Это и мужество, и крик отчаяния. Выбора нет: будь что будет. Но ответа не было. Таких писем, наверно, было много. Великое множество. И не все, наверно, доходили до Кремля, а до Сталина, уж, наверняка. Да и что мог сделать Иосиф Виссарионович, если и его родной сын тоже находился в плену?

Но, как говорят, надежда умирает последней. И Тamar продолжала писать своему кумиру — великому Сталину, наивно полагая, что у него есть время на всех, и, что он обязательно прочтет и ответит ей. И не только ответит, но еще и поможет найти без вести пропавшего брата. Яков был творчески одаренным человеком: блистательно играл на дойре. Можно сказать, что был виртуозом. Он работал вместе с легендарной Тамарой Ханум, которая была незаурядной артисткой и ее имя было на устах у миллионов. Она предлагала Якову «бронь» от призыва в армию, но он решительно отказался от этой услуги. Он хотел воевать и бить фашистов.

Но беды бедами, а личную жизнь, все-таки, надо было устроить. Близкие люди буквально заставили Тamar выйти замуж. — Да, не все благополучно, но ты обязана создать свою семью, — в один голос вторили они ей. И она, наконец, решилась. Не было ничего романтического: ни пышной свадьбы, ни красивого ухаживания. Ничего это-

Шмуэль Хатамов в кругу семьи

Шмуэль Хатамов с женой Ниной

го не было. Время было такое — тревожное и не очень подходящее для подобной «роскоши». Да и жених был слишком взрослым, намного старше нее по возрасту. Но так или иначе, замужество состоялось. И на свет один за другим появились восемь детей: Тamar как бы старалась компенсировать упущенное. Но трудно прожитая жизнь отразилась на ее здоровье: она заболела астмой. А привычка курить, которой она заглушала всякие неприятности, вконец ухудшило ее здоровье. И в возрасте 46 лет Тamar умирает. Судьба опять жестоко бьет Або. Теперь он один должен поставить всех детей на ноги. Абошалоу, к сожалению, не довелось увидеть радость всех своих детей. В далеком 1974 он тоже уходит в лучший мир. Но перед этим, он увидел рождение своего первого внука, которого он сам нарек библейским именем Давид. Чувствуя свой близкий конец, взял клятву у сына — первенца Шмуэля, что он с семьей обязательно поедут в Израиль.

Свою «алию» сын-первенец совершил 20 лет назад, когда еще на географических картах мира значилась великая держава по имени СССР. Это был 1990 год.

Аронов Сионхай — участник Великой Отечественной войны, кавалер многих боевых наград, военврач, родной брат Эстер. С 1995 года жил в США. Уроженец Самарканда

Младшему сыну — Натаниэлю было всего семь. А сыну Давиду исполнилось к тому времени 21 год. А до этого у Шмуэля была другая жизнь и другая страна. Он рано вошел во взрослую жизнь. И, конечно, не от хорошей жизни. Мать болела, отец сапожничал. Семья едва сводила концы с концами. Путевку в жизнь Шмуэлю дал сосед — очень хороший человек, который работал экспедитором на кондитерской фабрике. Шмуэль быстро овладел этой сладкой профессией — стал отличным кондитером. Проработал пару лет, а потом его призвали в армию. Служил в Забайкальском военном округе. Попал на остров Даманский как раз в тот момент, когда там произошли не очень приятные события. Были и многочисленные жертвы. Армейская жизнь у Шмуэля была насыщенной. Скучать не приходилось. Он играл за футбольную сборную округа, значился в художественной самодеятельности, был армейским поваром, хотя и случайно. Как-то приболел помощник повара и Шмуэля попросили заменить его на время. Видя, как артистический легко и красиво солдат стругает морковь, начальник гарнизона назначил Шмуэля штатным поваром в армейскую столовую. Диплом повара-кондитера у него был еще с гражданки.

Но в его армейской жизни был еще один памятный случай. В гарнизон приехала творческая комиссия из московского Щукинского театрального училища. Цель приезда: отобрать для учебы талантливых ребят. Шмуэль прошел конкурс. По завершению службы должен был поехать в Москву. Но сразу после демобилизации вернулся домой, в Самарканд, откуда он призвался. А приехав, очень прочно «застрял». Вернувшись из армии, решил освоить «мужскую» профессию. Освоил профессию сварщика. И пошел работать в «Горгаз». За 25 лет работы было всякое: и пожары, и взрывы. А тут еще надо отвечать за безопасность.

Первый серьезный случай произошел в Мумараке. Была крупная авария. Шмуэль переживал очень остро. Нервы сдали: получил первый инсульт. Выкарабкался. А второй инсульт дал знать о себе уже здесь, в Израи-

Эстер — вторая мама Шмуэля

ле. Был на тяжелой физической работе. Переборщил. Нагрузки оказались неподъемными. Второй и ударил. Ровно восемь часов пролежал на операционном столе.

В жизни Шмуэля был период «мертвого «сезона. Шел девяносто третий год. Ничего не получалось: ни с работой, ни с квартирой. Решил вернуться. Забрал семью и обратно уехал в Самарканд. Снова вернулся через пять лет. Вернулся уже навсегда, хорошо поняв

одну простую истину: везде хорошо, где нас нет. Слава Б-гу все образовалось. И это благодаря моральной поддержке одного родного человека — маме его жены с благородным именем Эстер. Это женщина трудной судьбы, которая ослепла 30 лет назад. Но она никогда не падает духом. У нее такая сила воли, что просто диву даешься. Вот она и спасла от депрессии своего зятя, заставила поверить в то, что все будет хорошо. Сорок лет горячей любви и дружбы связывают Шмуэля с этой удивительной и мужественной женщиной. И он как бы стараясь отблагодарить Всевышнего за его подарок судьбы, — сегодня протягивает руку помощи слабым и немощным, а еще ежедневно произносит молитвы в его честь:

«Благославен Ты, Господь. Душа, которую Ты дал мне, чиста. Ты сотворил ее. Ты создал ее. Ты вдохнул ее в меня и Ты хранишь ее. Во мне. Благодарю Тебя Господи, Боже мой и Боже моих отцов».

ГОРСКИЕ ЕВРЕИ: ХАЗАРСКАЯ ЗАГАДКА СЕМЕНДЕРА

Тот, кто жил в Дагестане, а тем более, в ее столице Махачкале, не только слышал, но и тысяча раз видел знаменитую гору Тарки-Тау, которая возвышается прямо прямо у въезда в город. И вот не так давно у подножия этой горы ученые — археологи обнаружили развалины древнего Семендера — бывшей столицы легендарной Хазарии. То, что Семендер существовал было известно из различных русских, арабских и персидских летописей. Но время сделало свое дело. После падения Хазарии, Семендер был разрушен. Остальное сделали века. Одно время думали даже, что «следы» его затерялись. Но последние поиски хазарской «Атландитъ» оказались успешными: Семендер был найден. А до этого сенсационного открытия, свое эпохальное открытие сделал академик Всеволод Миллер, который много занимался родословной горских евреев, детально изучал их происхождение, язык, культуру, а заодно и их взаимоотношением с хазарами. Его, как ученого, очень интересовали исторические паралели этих двух этносов и этих двух народов. Именно ему первому принадлежит революционная идея о том, что еврей-горцы были первыми людьми, под влиянием которых хазарский двор и хазарская знать приняли иудейскую веру.

Тат — это не татарин

Скажу сразу: тат — это не название народности, ибо таковой в природе не существует. Это типа ярлыка, прозвища, клички. И это слово с персидского означает: плененный. В худшем варианте: раб. Но с тех давних времен это

слово закрепилось за горскими евреями, как народность. Потом это слово в таком качестве, как обозначение народности, перекочевало и в советскую эпоху: говорили татский язык, татский театр, татский писатель. Таковыми и значились Миши Бахшиев, Хизгил Авшалумов, Сергей Изгияев. Совсем недавно мне довелось прочитать в одной общинной газете, кстати, издающейся в Израиле, статью одного автора, который написал следующее... Цитирую дословно: «Поспешно закрывались синагоги общины, еврейские школы. В документах изменяли наши фамилии. В графе национальность писали: «тат» в надежде на то, что мы ассимилируемся, войдем в татскую среду, примем ислам и переступим порог мечети. Горские евреи протестовали...»

Это к взаимоотношению хазар и горских евреев, конечно, отношение не имеет. Абсолютно. Речь к вопросу о татах. После прочтения подобной цитаты, хочется встать и во весь голос прокричать: послушай ври, да знай же меру! Все-таки, нельзя бросать камень мести в прошлое, тем более, совсем недалекое.

Это, что ложь во спасение? Или это кровавый навет на ту родину, за которую полегли в годы Великой Отечественной полегли тысячи молодых горских ребят? Никто и никогда не заставлял быть татом. Если кто-то забыл напому: в бывшем СССР, впрочем, как и сегодня в Израиле, не совсем престижно было быть евреем вообще и горским в частности. Был «лимит» на поступление в университеты, на престижную работу, в органы безопасности и т.д. Поэтому «тат» для горских был неким спасательным кругом, который позволял обойти эти преграды. Ни для кого ни секрет, что люди давали паспортистам хорошую «мзду» только за то, чтоб им в паспорте в графе национальность записали «тат». И таких было сотни и даже тысячи. А говорить обратное, просто не этично.

История горских евреев уникальна и трагична. Они встречались в разные времена и в разные эпохи и с великим завоевателем Алесандром Македонским, и с Бар-Кохбой. С последним не только встречались, но стояли насмерть, защищая иудейскую честь и достоинство. Это были

молодые добровольцы, приехавшие помочь Бар-Кохбе по просьбе самого Раби Акивы.

А теперь еще раз о татах. Да, и сегодня значатся на территории Азербайджана такие люди. Это и есть как раз те самые горские евреи, которых когда-то давным-давно во времена своих жестоких набегов, огнем и мечом заставили насильственно принять ислам. Это делал и Надир-Шах, и его предшественники. Все это было далеко, когда советской власти не было и в помине. Это же самое делали и арабские завоеватели. А в совсем недавнюю эпоху, это делали мюриды во главе с имамом Шамилем. В Дагестане много бывших еврейских мест, население которых в силу роковых обстоятельств, вольно или невольно приняли ислам. Они прекрасно знают историю своего происхождения, хотя бы потому что все что произошло с ними не является тайной ни для кого не секрет. Многие из них, особенно люди старшего поколения, как и их отцы и деды хорошо говорят и на языке своих предков — горско-еврейском, том самом татском. Их смело можно назвать кавказскими моранами, ибо они таковые и есть на самом деле. Таких мест много — и на севере, и на юге Дагестана. Еще недавно в различных домах горцев-мусульман можно было найти еврейские религиозные «реквизиты».

И последнее. Всевышний одарил хазар многими сокровищами. А уже в 30-е годы появился очень известный человек — кунак горских евреев Яков Блюмкин, который не раз бывал и в Дербенте, и в Махачкале, и в Персии. Он был желанным гостем в любой горской семье, где из поколения в поколение передавалось, как по эстафете, предание о том, как сасаниды вывезли в Персию из Семендера клады хазарских царей. Да, это был тот самый Яков Блюмкин, который в свое время убил немецкого посла Вильгельма Мирбаха. Информация горских евреев оказалась для авантюрного по своей природе Блюмкина очень ценной. Он сумел, все-таки, найти сокровища. И в этом плане почти сравнялся со славой легендарного Шлимана, который «открыл» золото Трои.

ЮНО АВШАЛУМОВ: ВСЯ ЖИЗНЬ В МУЗЫКЕ

Среди людей, причастных к настоящему и подлинному творчеству и народной музыке, в частности, его имя всегда и во все времена будет занимать достойное место. Это место ему принадлежит по праву человека, всецело отдавшего себя служению Его величеству большому Искусству.

Юно — уроженец древнего Дербента. Он любил этот родной ему город, как и музыку, которой отдал себя без остатка. Он был единственным сыном хорошо известного на всем Северном Кавказе человека: Захария Авшалумова — актера, режисера и основателя профессионального горско — еврейского музыкально-драматического театра. Имея на руках «бронь», он, отец пятерых малолетних детей, добровольцем ушел на войну. Он категорически отказался даже от «услуги» военного комиссариата — отсрочить его отправку на фронт по семейным обстоятельствам. «Я — кавказец, — сказал Захария. — А это значит — мужественный и доблестный горец. Не имею права отсиживаться дома. Я должен воевать». И мужественный горец пошел на войну защищать Родину. И погиб. Наверно. Юно, как сыну погибшего воина, положены были какие то льготы и снисхождения. Но он, как и отец, никакими привилегиями не воспользовался: всего добивался сам. Кем стать и чем посвятить свою жизнь, Юно знал наверняка. Не мог, конечно. сын самобытного артиста Захария Авшалумова, стать просто токарем или строителем, или кем — то еще, хотя каждая профессия почетна сама по себе. Но в генах Юно «сидело» чисто отцовское: он не мыслил себе жизни без творчества.

Юно Авшалумов

В далеком 1952 году он поступает в махачкалинское музыкальное училище на отделение хорового дирижирования. А по завершению учебы, начинается постепенное восхождение Юно к вершинам творчества и к вершинам музыки. Он начинает свой путь в серьезную музыку с ассистента дирижера Хора государственного ансамбля песни и танца Дагестана, параллельно совмещая это с преподавательской деятельностью в дагестанском культпросвет училище, а позднее в махачкалинском музыкальном училище. А вскоре он зажигается новым проектом: превращает в жизнь свою давнюю мечту — в Дербенте открывается первая музыкальная школа, которую он и возглавляет. Проходят годы. В республике объявляется солидный конкурс на вакантную должность главного дирижера Хора дагестанского радио и телевидения. Но на этом его восхождение на Олимп музыки не прекращается. Юно, говоря словами поэта творит, выдумывает, пробует. Он преуспевает не только в дирижировании, но начинает пробовать себя и на композиторском поприще. Сочиняет музыку для хора. Кстати, Юно — единственный композитор, который написал первый горско-еврейский романс, У него широкое амплуа. Он пишет и музыку для детей. Он, между прочим, автор очень популярной детской песенки под названием «Колыбельная». А посвятил ее рождению дочери Гали. Она была в репертуаре всех детских музыкальных коллективов. Юно Захарьевич воплотил в себе два прекрасных качества: одаренного от природы музыканта и очень коммуникабельного человека, который легко и просто сходиллся с людьми всех рангов и возрастов. Тесная дружба связывала его с видным маэстро танцев, народным артистом СССР Танхо Израйловым и его братом видным балетмейстером Махаем. Крепкая мужская дружба связывали его и с известным дирижером Оркестра народных инструментов Георгием Папаяном, поэтом Сергеем Изгияевым и музыковедом Манаширом Якубовым. Юно Захарьевич был удивительным человеком от природы: для него не было чужого горя и чужой беды. Вспоминается далекий и печальный 1970 год. На Дагестан об-

рупилося стихийное бедствие. Землетрясение причинило много разрушений. Были и жертвы. И Юно, чтоб как-то поднять настроение людей в местах бедствия, регулярно выезжал со своим коллективом на незапланированные гастролы: давал бесплатные концерты, встречался с народом. Таких горячих точек в тот скорбный год у Юно Захарьяевича было много. И он никогда не жаловался на отсутствие времени и на свою загруженность. Он помогал попавшим в беду людям своим особым лекарством — музыкой. В трудные минуты жизни музыка спасала его, теперь он, Юно спасал этим чудо-бальзамом сотни и тысячи людей. Он частенько любил говорить, что он помогает людям, надеясь на то, что Всевышний поможет дорогим его сердцу детям — двум дочерям Гале и Светлане и сыну Захару, носящему имя прославленного деда. Но, к сожалению. Всевышний тоже, наверно, порою бывает бессильным и не всегда может помочь. Сын Юно Захария умер, как и отец, молодым: ему было всего 48. Он умер уже здесь в Израиле, на святой земле предков. Сам Юно Авшалумов умер 28 лет тому назад в самом расцвете своих жизненных сил и творческих задумок, как говорят в таких случаях, на пути к великому. Он был человеком поиска. Его голова была полна хорошей музыки и новых творческих находок и экспериментов. Это не преувеличение: ему было под силу объять необъятное. И чисто по человечески жаль, что он ушел рано из жизни. Сегодня хорошо известна одна расхожая фраза: жизнь после смерти. Оноре де Бальзак как-то говорил, что жизнь даже знаменитого врача завершается с его физической смертью, а жизнь хорошего писателя только начинается после его смерти. Юно Захарьяевич писателем не был. Он был прекрасным музыкантом и просто творческим человеком. Да, он давно ушел от нас, но продолжает жить своей особой жизнью, уже не подвластной времени и всевозможным курьезам на моду. Прошло почти 30 лет, как нет в живых этого жизнелюбца, а концерты Хора радио и телевидения, которым руководил Юно Авшалумов — народный артист республики Дагестан и заслуженный деятель искусств, чуть ли

не ежедневно транслируются на голубых экранах. Они же исполняются и по радио. В памятные семидесятые началась первая «волна» большой алии, находились люди, которые торопили его уехать на землю обетованную. А ведь уже тогда многие, действительно, и уезжали. Уезжали из Махачкалы. Уезжали из Дербента. Может быть, уже тогда Юно Захарьяевич по-хорошему завидовал тем людям. Но, как умный человек, он понимал, что его творчество имеет глубокие корни с этой древней землей, где веками жили и умирали его далекие предки. Он по-настоящему горячо любил Израиль и очень гордился новой еврейской родиной, а может, даже втайне и думал, что когда-нибудь и ему суждено будет стать гражданином святой земли. А пока он был нужен здесь, где так хорошо востребован и, как человек, и, как творческая личность. Трудно сказать как бы сложилась его судьба сегодня, если был бы жив. В любом случае, даже, если он и остался бы на той земле, где родился, Юно Авшалумов был сионистом в самом хорошем смысле слова: евреем и человеком с большой буквы. Он был великим человеколюбцем и великим патриотом, человеком, который любил весь мир, но по-особенному своих братьев, проявлял большой интерес к истории общины и гордился заслуженными людьми из числа земляков и братьев. Может сегодня это и звучит несколько наивно, но даже в те запретные времена, когда каждый выезд был сопряжен с невероятными сложностями, Юно Захарьяевич лелеял мечту хотя бы о кратковременных гастролях со своим творческим коллективом в Израиль и поездке по местам компактного проживания земляков. Но, к сожалению, в какое-то время подули другие ветры и обстановка изменилась. И ему пришлось пока о своей мечте забыть начисто. А скоро и предательская смерть не дала осуществить эту задумку маэстро. Но о своем талантливом сородиче горские евреи в Израиле помнят, ибо он жил музыкой. А она, как известно, вечна.

ТОТ САМЫЙ МЕНАШЕР, О КОТОРОМ ЗНАЛ НОСТРДАМУС

Три десятилетия назад в Верховном суде Дагестана начался небывало громкий процесс по делу о хищении в особо крупных размерах и спекуляции иностранной валютой. И хотя Дело было «сшито» белыми нитками, им усердно занималось вездесущее КГБ. А на скамье подсудимых находился Менашер Сосунов.

Это вертится у него в голове, как фрагменты из очень страшного сна, хотя прошло уже слишком много лет. И он, Менашер, наверно, это будет помнить до конца своих дней. Порой ему хочется забыть этот кошмар и убежать от этих неприятных воспоминаний, но они глубоко «сидят» в нем, как осколки от разрывной гранаты. И хотя он несет в себе эту боль, сердце Менашера не ожесточилось. Напротив, оно воспыало особой любовью к людям.

Неравный поединок

Ему было где-то 25 с «хвостиком», когда он, кавказец, Миша Сосунов из древнего Дербента, во всю «гремел» на дальних и близких просторах бывшего СССР. Он слыл знатоком виноделия. Это был его «конек». И многие предприятия приглашали его в качестве эксперта. В свои 25, Михаил был уже известным человеком на многих дегустационных форумах и показах. Все складывалось хорошо. Но его тянуло на родину, в родной Дербент.

Менашер Сосунов с сыном

И однажды счастливый случай представился. В одном из центральных городов России, проходило всесоюзное совещание виноделов, в котором принимали участие и ответственные люди из правительства Дагестана. Они и «пленили» Менашира, сказав, что надо поработать на Республику. Это был счастливый случай в его жизни и в его карьере. Он вернулся в родные пенаты. В родной Дербент. Дагестанские вина и коньяки пользовались повсюду неизменным повышенным спросом. Но многие предприятия были кустарного типа, на которых трудно было выпускать конкурентно способную продукцию. Нужны были современные комплексы с новыми возможностями и современной технологией. Это дал бы новый стимул стране Гор. В первую очередь, экономический. Но самое главное, все это надо было осуществить в очень короткий срок. Чего скрывать, были и другие кандидаты, которым можно было поручить это дело. Но у них не было самого нужного: мобильности. И выбор сам по себе пал на Менашера. С этого времени, он забыл о часах и сутках: его редко видели даже в семье. Он весь отдал-

Менашер Сосунов с матерью

ся работе, результаты которой с нетерпением ждали и Дагестанский потребсоюз, и руководители «Дагвино», да и само правительство. Михаил не жалел себя: работал тяжело, почти на износ. Сдал один комплекс, второй... А в голове новые задумки и новые проекты.

Мне бы орден, мне бы орден

Хотел, как лучше, а получилось... А получилось...ерунда. Менашер — человек не меркантильный. Работал на совесть не за награды. А вот награду и дали. Самую, что ни есть высокую: в один из дней его арестовали прямо на рабочем месте. Надели наручники — и вперед. На допрос. Поначалу он недоумевал, думал какая-то ошибка. А потом сообразил, что это чья-то злая рука. Но его удивляло другое: почему его дело ведет КГБ? Следователи старались во всю: ведь они тоже люди, а значит тоже хотят продвинуться, звездочку заработать. Но чего-чего, а страха в Менашере не было, хотя... На него «повесили» сразу несколько серьезных статей. На тот момент — спе-

куляция валютой — это равносильно предательству родины. Может быть даже «вышка».

Это они умеют, — думал он про себя. А думал так Михаил совсем не случайно: в этом же Суде был приговорен к высшей мере его земляк, много лет проработавший в сфере заготовок Борис Нафталиев, которому не помогли даже хорошие связи с семьей генсека Брежнева. Знающие люди, намекали на дочь Леонида Ильича — Галину — страстную любительницу бриллиантов и прочих других вещей. Дело у Менашера получилось чрезвычайно громким. Он понял, что из этого неравного поединка ему так просто не выпутаться. С этой мыслью он смирился. Ему важно, чтоб те не переусердствовали в своем желании... — Все, что угодно, только не «вышка». Он нанял толковых адвокатов, но себя от всего худшего на суде защищал сам. Он говорил все, как есть. Ему скрывать было нечего: он не украл, не прикарманил и не спекулировал. Его последнее слово было и примером ораторского искусства и образцом искусной самозащиты. Это спасло ему жизнь. Но Сибирь, все-таки, была. Была и тюрьма строгого режима. Но Менашер не переставал бороться за свое честное имя, даже сидя за решеткой. Он продолжал настаивать на своей невиновности. Говорят о мужестве жен декабристов, которые последовали на каторгу за своими мужьями. Наверно, Люда Сосунова обладала не меньшим мужеством. Все годы отсидки мужа, она, можно сказать, была рядом с ним: она не считаясь ни с расстояниями и лютыми морозами, приезжала к нему, согревая любовью и преданностью, а еще и верой в хороший исход.

Шалом, Израиль!

Нет ничего вечного. Вот и закончился тюремный «рай» Менашера. Он вернулся в родной Дербент. О нем не забыли. Серьезные люди из правительственных и производственных сфер предложили ему продолжить начатое дело. И он снова включился в работу. И снова

был успех: он представлял дагестанские вина на ВДНХ СССР. Он не держал обиду ни на кого: ни на друзей, которые, к сожалению, не сумели спасти его в трудную минуту жизни, но не предали его. Он не был в обиде даже на тех немногих, которые злорадствовали в годы его отсидки. «Мсть — удел слабых», — говорит Менашер.

Жак Ширак и Менашер с сыном

Он всегда был человеком неординарным и легким на подъем. И одним из первых подал документы на отъезд. Многие, из тех, кто хорошо знал его, были просто удивлены его решением. А он хотел пройти и через это. Он захотел стать «оле», захотел начать жизнь с чистого листа. Это поступок сильных людей. У него было все: и добротный дом, и хлеб, и работа, которая давала ему безбедную жизнь. У Менашера были большие планы. Сразу по приезду он решил открыть солидное производство по виноделию. Он думал, конечно, и о заработках, а еще больше о своих земляках, которым хотел дать работу. Но прожив здесь какое-то время, понял, что здесь все другое: и экономика, и ментальность, и люди. Как деловой человек, он не захотел терять время попусту. И он решил вернуться назад. Он, конечно, сожалеет о том, что не суждено было сбыться его мечте. Но Израиль остается для него родной землей, куда он часто приезжает к своим близким людям. А еще и потому, что здесь покоится его мама. И при этом, он остается гражданином планеты всей, бывая во многих странах и на многих континентах в служебных командировках. Только где бы он ни был, никогда не забывает посетить синагогу и зажечь свечу. Он не отверг ничью руку, потому что любит ближнего и в нем есть что-то от спасителя. И это о нем, наверно, говорил пророк всех времен и народов Мишель Нострдамус: «Конечно, один только вечный Господь знает силу... идущую от света: и все же я буду откровенен — кому он пожелает открыть свою простоту и величие, тот и получит все это от него самого».

И, наверно, это так и есть: пройдя через все невзгоды и радости жизни, Миша Сосунов остается кавказцем еврейских кровей и человеком, озаренным светом Всевышнего. И человеком, дающим силу слабым, а голодным хлеб и в большом сердце которого есть место всем.

ЗА МУДРЫМ СЛОВОМ

И в радостные, и в трудные минуты жизни этот человек знал точный адрес, куда обратиться с благодарностью и за помощью: Тора и еврейские молитвы. На земле праотцов он открывает новые синагоги и продолжает свою миссию. Имя его — Хизгил Мардахаев.

Он уроженец древнего Дербента, из весьма уважаемого рода горских евреев. Выпускник Одесского технологического института пищевой промышленности. По специальности — технолог широкого профиля. Участник многих престижных всесоюзных ярмарок, на которых представлял знаменитые дербентские напитки. В Израиле активно участвует в общинной жизни горских евреев, по его инициативе было создано несколько общинных синагог.

В свое время у него была перспектива стать раввином — к тому были все предпосылки. Хизгил рано начал изучать Тору, узнал много интересного из истории еврейского народа. Все это произошло не по мановению волшебной палочки и не в одночасье: у него был хороший и серьезный учитель, знаток Торы. Этим учителем стал его дед по матери, которого звали Ашер. Он не только приучил внука соблюдать еврейские традиции, но и привил ему порядочность, милосердие, равнодушие к чужой беде.

У Хизгила Мардахаева трудностей в жизни было немало. Но каждый раз преодолевать их помогало обращение ко Вс-вышнему. Так, к сожалению, случилось что в Хадере — негласной израильской «столице» горских евреев, — община не сумела за многие годы жизни на исторической родине открыть свою синагогу.

Впрочем, это долгий и трудный разговор... Но, наверное, это никого так сильно не волновало и не беспокоило.

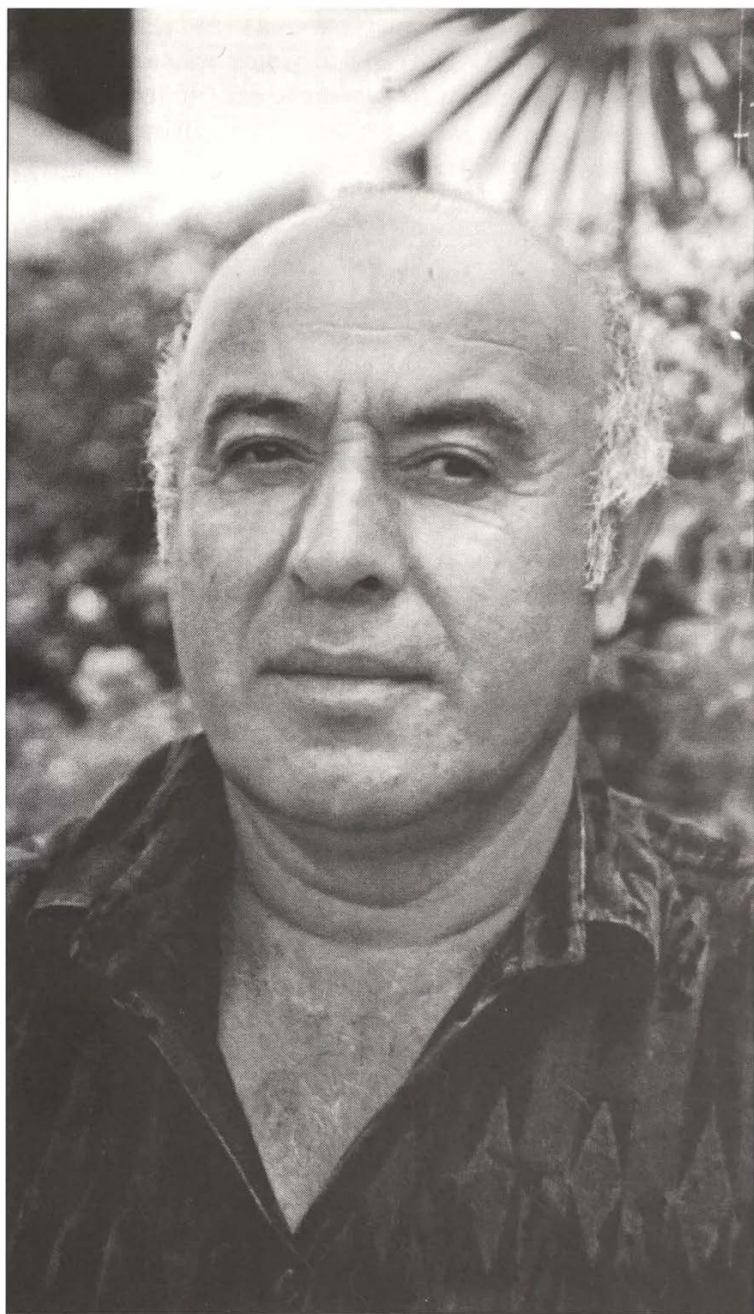
ло, как Хизгила, который близко к сердцу воспринимал эту проблему. Он понимал, что меценаты, которые предложат деньги на строительство синагоги, появятся не скоро. Да и появятся ли вообще? Поэтому решил найти более короткий путь: снимать подходящее помещение и содержать бейт-кнессет на пожертвования прихожан.

Эта новая кавказская синагога на улице Герберт Самуэль, что недалеко от центрального рынка Хадеры, — третья по счету, которую открыл в этом городе Хизгил Мардахаев. Многие уважительно добавляют к его имени слово «рав», и каждый раз он мягко поправляет говорящего, напоминая, что раввином не является.

В любом деле — и в политике, и в науке, и в религии — личность человека определяет многое. Не зря говорят, что не место красит человека, а человек место. Рав Хазик, как его уважительно называют земляки, считает, что синагога не просто помещение, где собираются на молитву — она должна быть еще и центром общинной жизни, и просветительным учреждением, и исполнять образовательные функции. Он постоянно стремится пополнить небольшую библиотеку синагоги книгами еврейских мудрецов и литературой на темы еврейской жизни и еврейской истории.

Стало хорошей традицией в стенах синагоги проводить своеобразный экскурс в мир духовности. Обсуждаются не только беседы на тему религии, но и примеры из олимовской жизни, вопросы этики, актуальные житейские проблемы. Это привлекает в бейт-кнессет не только пожилых людей, но и молодежь. Интересных задумок у Хизгила Мардахаева много. В ближайшее время он хочет организовать здесь лекторий, к работе которой намерен привлечь профессиональных специалистов — врачей, юристов, психологов. Синагога станет не только местом отправления религиозных обрядов, но и просветительским центром.

Есть у Хизгила Мардахаева с его помощниками и другая почетная миссия. Ведь репатриантская жизнь даже по истечении многих лет гораздо на сюрпризы. Не всег-

Хизгил Мардахаев

да все радужно, бывают и критические моменты, когда нужно спасти человека от неминуемой трагедии.

Тушить такие «пожары» — тоже часть работы, которую взял на себя этот человек. Не надо быть мудрецом, чтобы понять о чем идет речь — о конфликтных ситуациях, которые порой возникают то в одной, то в другой семье. Люди часто обращаются за помощью, просто за советом. И не только из самой Хадеры, но из многих других мест страны. Мудрое слово лечит — как говорили древние, за одним умным словом можно пройти три моря...

Рав Хазик, человек, который может «воскресить» даже мертвых

35 лет назад, Хедера — некоронованная столица горских евреев, приняла первых репатриантов — выходцев с Кавказа.

И сегодня среди них есть люди, которые пишут новую страницу горской общины уже здесь, на новой родине. Это очень достойные, но очень разные люди. Им есть чем гордиться, и, о чем рассказывать. Но, к великой радости, все они живут не только прошлым: они стараются быть полезными и в новой жизни.

Один из них, религиозный и общественный деятель и, как его уважительно называют в народе, рав Хазик.

Не каждый согласится после уютного и хлебосольного Дербента, жить в небольшом и необжитом поселении. Хизгил Мардахаев согласился. И согласился по двум причинам — первое: туда начали съезжаться земляки. А второе, в маленьком поселении всегда больше общения. А Хизгилу именно это и нужно было, как воздух.

Но в то же время умом и сердцем он понимал, что поселенец — это солдат, который всегда находится на линии огня, Чего скрывать, арабские деревни совсем рядом. Были люди, которые по доброте души, отговаривали его, просили переехать в спокойную и благоустроенную Хедеру, чем-то напоминающую родной Дербент.

Хизгил Мардахаев с отцом Рафаилом

Но Хизгил был непреклонен в своем решении, Так он и остался поселенцем и по сей день,

По приезду в страну, многие растерялись: то чем они занимались в той жизни, здесь оказалось не востребо-ванным, а переучиваться — уже не те годы. У Хизгила таких проблем не было. Он еще до приезда знал с чего начнет новую страницу своей жизни: он будет занимать-ся Торой. Эту книгу он знал с малых лет. С этих же лет знал и дорогу в знаменитую дербентскую синагогу,

Так вышло, что ни в Харише и ни в Хедере, кавказской синагоги не оказалось вообще. У людей на душе был какой-то горький осадок. Хизгил понимал, что землякам синаго-га нужна не только для молитв, но и для простого челове-ческого общения. Он вырос в доме, в котором милосердие было неписанным законом. И он тоже решил сделать свою «мицву»: на свои кровные сбережения снял небольшое по-мещение под синагогу. Теперь Хизгил все свое время от-давал этой работе: обустроивал синагогу: где можно доста-вал у знакомых старую мебель, шкафы, тумбочки, столы и стулья, Нашлись и добровольцы, которые приводили по-мещение в порядок. И синагога распахнула свои двери И в праздники, и в будни. На традиционную молитву стали

приходить не только пожилые люди, но и молодые ребята. Они приходили сюда еще и по другой важной причине: послушать изумительный хазанут в исполнении все того же Хизгила Мардахаева., который с первого дня приезда заинтересовался этим искусством, которым владел незабываемый рав Шломо Карлибах. Сегодня Хизгил, как говорят, свой человек в Хедере. Но добрая молва о нем идет по всей стране. Его приглашают на разные встречи в дни еврейских праздников и просто в обычные дни, на мероприятия, посвященные каким-то общинным событиям. И не только в Израиле. Его приглашают даже в Москву, где живут немало выходцев с Кавказа.

«Эль-Ор» стала в его жизни третьей по счету синагогой, которую рав Хазик открыл в Хедере, ставшей теперь ему родным и близким, как и Дербент. И эта синагога, как и две прежние, стали не только молитвенным домом, но и центром духовной и общественной жизни кавказцев. У человека большая семья — жена, дети, внуки. Ему, конечно, лишний раз хочется быть в кругу семьи, но это не всегда получается. Жизнь непредсказуема: кого-то надо провести в последний путь, или, наоборот, быть почетным гостем на празднике посвящения в мужчины. Везде надо успеть. Жизнь, действительно, непредсказуема. Бывают и чисто житейские просьбы. Его авторитет в общине однозначен: рав Хазик пользуется среди земляков исключительным уважением... А в семьях бывает всякое. И не только радости. Вспыхивают и «пожары». И, как к больному приглашают врача, надеясь на его волшебство, так и рава Хазика, частенько приглашают потушить эти семейные конфликты. И он идет с охотой, помня о том, что спасший одного человека, ты спасаешь целый мир. И это его самая большая «мицва». Это помогает ему жить дальше и творить добро.

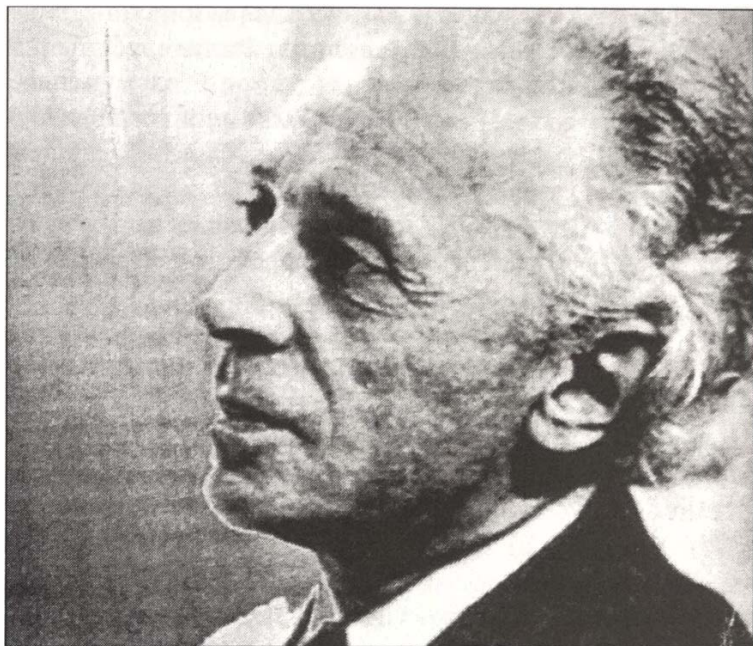
ААРОН АВШАЛУМОВ — «КИТАЕЦ» КАВКАЗСКИХ КРОВЕЙ, ДАВШИЙ МИРУ ПОТРАСАЮЩУЮ МУЗЫКУ

Пути господни, действительно, неисповедимы, как, впрочем, и людские судьбы. Наверно, не в каждой детективной повести можно найти сюжет на такую тему. Он родился далеко от Кавказа. И волей все той же судьбы, стал основателем современной китайской музыки. Его помнят и в самом Китае, где он прожил долгие годы. Его помнят и в Америке, куда Аарон Авшалумов переехал в последние годы своей жизни. О нем знают и в России.

Родословная этой династии уникальна, как и биография самого Аарона, родившегося в Николаевске — на Амуре в далеком 1895 году. Он — ровесник поэта Сергея Есенина, которого, конечно, не знал, и с которым никогда не встречался. Как же эта кавказская семья оказалась в столь отдаленных местах? На одной из свадеб на родине, горячая горская кровь сыграла плохую шутку с его дедом, который в пылу драки убил одного из гостей свадьбы. По закону тех лет, провинившийся понес тяжелое наказание: был сразу же выслан за пределы родных пенатов. Так дед Аарона вместе с молодой женой и только что родившимся сыном Ашером — его будущим отцом, оказался в этих незнакомых местах. Но он не растерялся и не пал духом. Напротив, развернул бурную коммерческую деятельность.

Открыл один завод по переработке рыбы, а вскоре и другой. А вскоре стал вполне состоятельным человеком. Дело своего отца продолжил его сын Ашер, который попал в эти места годовалым ребенком.. Но он не только продолжил, а еще и расширил оба завода, что выдвинуло его в ряд известных и довольно состоятельных предпринимателей.

Николаевск в недалеком прошлом был китайским городом, только потом стал российским. Так что, здесь было много китайцев. Некоторые из них работали на производстве у отца Аарона. Молодой горец серьезно увлекся китайской народной музыкой. Его это больше интересовало, чем рыбное дело. Любознательный юноша стал часто бывать в китайском квартале города, записывал легенды и сказания, с интересом слушал старинные мелодии. Все это и определило его будущую судьбу: Аарон выбрал для себя композиторское поприще, стал сочинять музыку. Родители же хотели видеть в своем сыне будущего хорошего врача. И, чтобы как-то не обидеть их, он едет в Швейцарию и поступает на медицинский факультет университета.. Но у него не было тяги к медицине. И только по этой причине, Аарон оставляет учебу. Его влечет музыка. И он поступает в музыкальную школу. И после года учебы, он оставляет и это заведение, возвращается домой, таким образом, поставив точку в своем образовании. А вернувшись, Аарон не на шутку встревожен революцией 1917 года. И он принимает решение покинуть Россию. В Штатах он встречает свою любовь — девушку с российскими корнями. которую звали Эстэр Магидсон. Но в Америке он не задерживается надолго: молодые люди перебираются в Китай, где в скором времени у них рождается сын — первенец Яков, ставший через многие годы очень известным композитором и дирижером. С 1929 года Аарон с семьей живет в разных провинциях Китая, уже 1929-го перебирается в Пекин, где начинает серьезно заниматься восточной музыкой. У него хороший запас прочности: Аарон много времени отдавал изучению

Аарон Авшалумов

древней китайской музыки, не забывая о народных мелодиях. У него масштабный проект в революционной интерпретации: он хочет воплотить в жизнь почти несовместимое — древность и ультра-современное. И эта модернизация ему удастся. И первая его опера «Богиня милосердия» и является синтезом его проб и находок. Паралельно он пишет музыку к балетам. Для активного творчества нужна спокойная атмосфера. И он оставляет шумный и суетливый Пекин и перебирается в тихий и уютный Шанхай, где, в основном, и создает свои творения. Его имя уже на слуху. И у него появляется престижная работа: Аарон — дирижер Шанхайского симфонического оркестра. Он полон творческих планов. Он пишет музыку для балетов, заканчивает Первую симфонию, пишет пьесы для китайских народных инструментов. Но, пожалуй, самой большой работой, была его симфоническая поэма «Аллеи Пекина»

Она была исполнена и в самом Китае, и даже в Америке, где это сочинение исполнял Филадельфийский симфонический оркестр.

Но самым заметным произведением на композиторской стезе Авшалумова, стала его опера «Великая стена», которая с триумфом исполнялась и в Шанхае, и в других городах Китая. Опера была тепло принята не только широкой общественностью, но и центральной прессой страны. Она получила самые восторженные отзывы. Музыковеды отмечали не только ее оригинальность, но писали о том, что опера по праву является настоящим фундаментом для построения современной китайской музыки. Именно в этот период, Аарон Авшалумов достигает пика своей известности: его зовут в Россию. А вскоре он получает другое почетное приглашение: его просят возглавить Пекинскую консерваторию. Но ни одно из этих заманчивых предложений он не принял. Его сын Яков (Джейкоб) уже давно живет в Америке. И не только живет: он преуспевающий композитор. И Аарон принимает окончательное решение переехать к сыну. Но только американская эпопея Авшалумова не была столь успешной, как в Китае. Хотя его творческая деятельность была очень плодотворной, она не принесла ему в Штатах, как он рассчитывал, ни творческой известности, ни материального блага. А написал он здесь и большие симфонии и концерт для флейты с оркестром и многое другое. Он был очень деятельным человеком. Не раз и не два, пытался организовать в Америке гастроли Шанхайскому балету, в репертуаре которого значились его музыкальные сочинения. Но это ему не удалось. Тогда он принялся за другое: решил создать в Нью-Йорке кампанию, которая ставила бы в Америке его китайские балеты. Из этого тоже ничего не вышло. К великому сожалению, он ушел из жизни до обидного рано: ему было всего сорок пять.

Но имя Аарона Авшалумова не забыто. И в первую очередь, его вспомнили в Китае. К 90-летию композито-

ра министерство культуры организовало большой концерт в Пекине, на котором исполнялись произведения Авшалумова. Кроме того, были изданы красочные буклеты. Аналогичные концерты были даны и в других городах Китая. Не забыли это имя и на родине исхода — в России. Сын Аарона Джейкоб и его внук Дэвид тоже музыкант и композитор уже в новом поколении, записали совместно с Московским симфоническим оркестром несколько компакт-дисков из сочинений Авшалумова. Да, он прожил до обидного мало: всего 45 лет. Но маэстро продолжает жить: его оригинальные симфонии и балеты, продолжают шефствовать по миру и пленять сердца тысяч поклонников его музыкального дарования.

РАВ ЮНО — ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ГОВОРIT СО ВСЕВЫШНИМ

...Было это в период распада СССР. Вокруг царил хаос и беспредел. Особенно остро это чувствовалось на Северном Кавказе, где вдруг все стали против всех. И, как всегда в таких ситуациях, во многих случаях окружающие виноватыми «назначали» евреев. Вот тут-то и пригодились дипломатические способности раввина Юно Юсуфова, которому не раз приходилось выступать парламентаром в переговорах не только между представителями общины горских евреев и лидерами мусульманского окружения, но и между группами иных конфессий.

Раввин Юно Юсуфов как нельзя лучше подходил для таких миссий, поскольку пользовался уважением и доверием земляков. Ему не пришлось возвращаться к вере — он был глубоко религиозным с раннего детства. Юно начал изучать Тору с мальчишеских лет, еще в те времена, когда религию считали уделом отсталых людей, а причастных к ней — чуть ли не врагами народа.

Разумеется, в ту пору он не мог открыто вести еврейский образ жизни, изучать Святое Писание так же свободно, как это делают сегодняшние мальчишки. Все делалось тайком, чтобы, не дай Бог, какие-то доносчики не сообщили куда следует. За что и ему, и его родителям грозили серьезные неприятности.

Учился будущий рав у достойных людей, таких, как известный на Кавказе раввин из ашкеназов Исроэль Брoфман. Его хорошо знал во всем Дербенте и стар,

Юно Юсуфов

и млад. Он был деликатным и образованным человеком, пользовался в городе большим авторитетом.

Вопрос «кем быть?» не мучил Юно Юсуфова, подобно его сверстникам. Он точно знал, что посвятит себя служению Б-гу. Его учеба продолжилась в Москве, в единственной тогда на территории СССР легальной ешиве (ешиботе) при хоральной синагоге, которой тогда руководил рав Иехуда Лейб Левин. Незаметно пролетели четыре года учебы. И вот уже молодого раввина посылают в родной Дагестан.

Хотя у рава Юно был солидный багаж знаний в области иудаизма, его учеба продолжалась. Рядом с ним в синагоге Махачкалы работали такие авторитетные люди, как рав Боби Ашуров, у которого можно было многому научиться как у человека поистине энциклопедических знаний.

Синагоги и в Махачкале, и в Дербенте, и в Буйнакске всегда были не только молитвенными домами, но и центрами общения. В последние годы не было уже тех преследований, которыми отличались времена воинствующего атеизма. В синагогах проходили и хупа — церемония венчания, и похоронные ритуалы, и, конечно же, общинные собрания. И во всех этих мероприятиях рав Юно Юсуфов принимал самое активное участие.

Но наступили девяностые годы. Перестал существовать Советский Союз, пришла эпоха репатриации евреев на историческую родину. Коснулась она и раби Юно. Наверно, он мог бы и не уезжать: еще и по сей день там, Махачкале и в Дербенте, да и в маленьком Буйнакске, где он когда-то работал главным раввином, живут соплеменники — горские евреи. Но он ощущал, что идет не просто репатриация, а исход. Для раби Юно это было еще и воплощением мечты — ведь он не раз торжественно говорил на разных мероприятиях: «В следующем году — в Иерусалиме».

По воле обстоятельств он обосновался в небольшой Хедере, чем-то напоминающей Дербент. И снова окунулся головой в кипучую раввинскую жизнь, познав при этом

все житейские трудности и пройдя через многие испытания. Тогда в Хедере не было кавказской синагоги.

Особенно тяжело ему приходилось в пятницу. Он проводил, как и положено, раввинскую службу. Наступал вечер субботы, а он не мог возвращаться домой: нельзя в этот святой день пользоваться транспортом. И в синагоге ночевать нельзя. Раби Юно спал на лавочке рядом с синагогой.

Не день, не месяц и даже не год, и зимой, и летом. Никому и никогда не говорил об этом, считая, что могут воспринять его слова как жалобу. А это было не в его привычке, как и у его уважаемого деда Ханука, который еще со времен нэпа имел в Москве комиссионный магазин. Дед был по-кавказски гостеприимен. Редко кто из земляков, приезжавших в столицу по своим делам, не останавливался в доме Ханука и не пользовался его хлебосольством...

Да и вообще с Москвой у раби Юно связано много. Это не только воспоминания — еще и дорогие могилы близких ему людей: того же деда Ханука, бабушки Яхти. Здесь же покоятся и два его дяди. Благородство и милосердие отличало каждого из них. Эти же качества свойственны и раби Юно.

Упоминалось уже о его дипломатических способностях, про которые на Северном Кавказе ходят легенды. Бывало много случаев, когда надо было не просто мирить, но и спасти людей. Тогда он брал на себя богоугодную миссию парламентаря. Был случай, когда под колеса автомобиля, за рулем которого сидел горский еврей, угодила молодая горянка. Озлобленные родственники собирались устроить виновнику самосуд. Следовало срочно вмешаться, иначе трагедии было не избежать. И ребе Юно пошел на переговоры, подключив к ним и представителя мусульманского духовенства. Они сумели убедить тех людей, что лишняя кровь ни к чему хорошему не приведет. В жизни всякое бывает: сегодня несчастье случается с одним, завтра — с другим. Благодаря его убедительным доводам все кончилось благопо-

лучно. Таких успешных парламентарских миссий в его жизни было много. Это не ограничивалось только одной Махачкалой, где он жил — его знали повсюду. И при каждом экстренном случае обязательно обращались за помощью.

Из-за особого магнетизма, которым он буквально лучится, рав Юно кажется вечно юным, хотя трудно прожитые годы дают о себе знать. Не так давно он перенес инсульт, но крепкий организм кавказца выдержал и это испытание на прочность. Сегодня он опять в строю, и, как в прежние времена, стремится помогать соплеменникам.

О таких одержимых людях, как рав Юно, говорят: покой им только снится. Долгое время в городе была закрыта одна из старых кавказских синагог. Старики-прихожане ушли в мир иной, а вскоре по разным обстоятельствам и другие забыли сюда дорогу. Недавно о пустующей синагоге узнал ребе Юно. А, узнав, загорелся горячим желанием возродить былую славу бейт-кнессета. Помещение долгое время оставалось без ухода, что сказалось на его состоянии. Надо было навести надлежащий порядок. Вскоре ребе нашел себе помощников, подключил к работе совсем молодых ребят. Сегодня некогда забытая синагога обрела вторую жизнь: по вечерам здесь уже проводятся молитвы. Это — очередная «мицва» кавказского раввина. Рав Юно свою духовную деятельность удачно совмещает с неотложными житейскими делами, изо дня в день посещая неблагополучные семейные очаги. Он старается силой мудрого слова вернуть в них заветный мир. И когда это удастся — нет для него большей награды, чем счастливые улыбки на лицах вновь обретших согласие супругов...

ХАНАН НИВ: СВОЙ ЧЕЛОВЕК В ХИНАНИТЕ, или ПОСЕЛЕНЕЦ СО СТАЖЕМ

Ханан Нив в прошлой жизни — Ханан Нувахов. Он был еще безусым юнцом, когда приехал на новую родину. То ли по интуиции, то ли вполне осмысленно, он много лет назад выбрал местом для жизни не вечно шумный и суетливый Тель-Авив, не знающий отдыха ни днем, ни ночью и даже не олимовскую Хадеру, чем-то так похожую на его родной Дербент — землю его исхода, а ничем не примечательный Хинанит, поселение, которое в то время только что обустроивалось. И это решение, все-таки, не было случайным: он не раз слышал, что поселенцы — это особые люди, а главное, большие патриоты. Да, он мог, конечно, выбрать для жизни место куда безопаснее, чем Хинанит, который и по сей день еще находится в окружении арабских деревень. Но человек из приличного и уважаемого рода, члены которого во всех поколениях придерживались хороших еврейских обычаев и традиций, не мог поступить иначе: поступил, как велела совесть.

Хинанит в переводе с иврита означает «ромашка», И это неспроста: этот цветок здесь на горных склонах можно встретить в изобилии. А, что было на этом месте ровно 30 лет назад? Ровным счетом ничего. Был обыкновенный горный массив. А еще море цветов и свежего воздуха... Так вышло, что волей судьбы здесь, среди первопроходцев-репатриантов оказалось много земля-

ков — выходцев с Кавказа. Поначалу не было даже элементарных условий. Но люди общины готовы были при любых условиях освоить эти необжитые места. И хотя среди них Ханан значился самым молодым, он достойно нес свою рабочую вахту в этой олимовской стихии.. Прошли годы. Сегодня эти места не узнать. Не узнать и самого Хананита, который превратился в благоустроенное и уютное поселение. Появились новые жилые дома, детские сады, спортивные комплексы и промышленные зоны.

Благоустраивался и рос Хинанит, а с годами мужал и все крепче становился на ноги Ханан из старинного рода Нуваховых.

К удивлению многих, он быстро овладел ивритом, закончил несколько престижных курсов и сделал приличную карьеру: до недавнего времени числился вторым человеком в Совете поселений Иудеи и Северной Самарии. Это восхождение продолжается и по сей день: сегодня он советник председателя регионального совета. Его работоспособности можно по-хорошему позавидовать: много лет параллельно с основной работой он руководит центром поселенческого Сохнута, ежегодно выезжая в регион Северного Кавказа и не только туда, для отбора новых репатриантов. На этом поприще возникало, да и сегодня возникает немало проблем. Случались непредвиденные ситуации, связанные с человеческим фактором. Сегодня в Хинаните живет немало людей, так или иначе обязанных Ханану своей спокойной и устроенной жизнью, благополучием. Прошло без малого 30 лет. Много изменилось в жизни с той давней поры. Изменился и облик поселения. Не изменился один лишь Ханан, который всегда верен себе: остался патриотом. В его жизни были радости. И были минуты и дни самого настоящего отчаяния. Ханан очень любил и по сей день любит Шарона — боевого генерала и еврейского полководца, но он категорически не мог принять его план размежевания. И поэтому считал и продолжает считать это большой и трагической ошибкой. Он говорил об этом во весь голос.

Ханан Нив

Нет, не говорил, а кричал, потому что ему было больно. Как можно изгонять человека из родного дома? Пока я помню — я живу. Так пелось в одной популярной песне советских времен. В его жизни было все — и радости, и потери, и боль за ближнего. По-особому памятна ему и вторая ливанская. Маленький Хинанит принял много беженцев с Севера страны. Людей надо было обустроить и окружить вниманием и заботой. Все эти вопросы, наряду с другими ответственными лицами, решал и Ханан. Он и по сей день продолжает получать благодарственные письма от совсем незнакомых людей. Это приятно, ибо это есть первый признак признательности высоких человеческих качеств.

У каждого человека в жизни есть мечта. Есть она и у Ханана тоже. Хинанит считается первым поселением горских евреев. А раз так, то грешно было бы здесь не открыть музей общины. Но на все нужны деньги, которых пока, к сожалению, нет. И несмотря на это, сбор экспонатов уже идет. Еще на родине исхода, в среде горских евреев было немало людей, которыми гордились не только в Дагестане, но и на всем Северном Кавказе. Одна «золотая» женщина — Герой Социалистического труда Гюльбоор Давыдова чего стоила! Она была не только великой труженицей, но и сильной и мужественной женщиной: в годы Великой Отечественной она потеряла двух своих дорогих сыновей, но не сломалась, а продолжала неистово работать, чтоб приблизить великую победу. И Ханан верит, что музей Славы горских евреев, обязательно распахнет свои двери.

Он пользуется завидным уважением не только среди своих — выходцев с Кавказа. Таким же уважением Ханан пользуется и среди представителей других общин. Израиль — особая страна, где нет границы между чисто житейскими делами и политикой: людям есть дело до всего. До всего есть дело и Ханану Нив. И в жизни, и в политике, у него есть свои кумиры. Поселенец номер один — Авигдор Либерман — один из них. А почему сам Ханан объясняет так: этот человек первый в истории Из-

раиля лидер, который с такой любовью и уважением относится к горской общине, и, который так много внимания уделяет ее проблемам.

Авигдору Либерману, — говорит Ханан, — можно аплодировать только за то, что он, как человек слова и дела, близко к сердцу принимает не очень радужную ситуацию в кавказской общине. Ведь по последним аналитическим данным весьма уважаемых социологических служб, заслуживающих доверия, выявлявших рейтинг различных общин, выходцы с Кавказа занимают не самую высокую планку. Учитывая это, Авигдор Либерман и его партия «Наш дом — Израиль», пошли навстречу и взвалили на свои плечи тяжелый груз, решив помочь горской общине. Подняться «с колен». Честь и хвала ему, — продолжает Ханан, — за эту благородную миссию. Что нужно сегодня «кавказцам»? В первую очередь, без всякого промедления отбросить местечковую «болезнь» и оставить все условности и предрассудки. Нужно не противостояние, а единство. Лед как-будто тронулся. Впервые за 30 лет в кнессете появился депутат из горских. Это радует и это приятно: наш человек из стольного Дербента — Роберт Тивьяев. Не скрою, что и мне самому очень часто задают один трудный вопрос: почему я сам не иду в кнессет? Как говорят, всему свое время. И плох тот солдат, который не мечтает стать генералом. Что сказать? Ответ один: поживем — увидим. Еще не вечер.

Алик Давыдов

КНЕССЕТ НА КАНИКУЛАХ: ВСЕ «У АЛИКА», или «ПЛАНЕТА», КОТОРУЮ ОТКРЫЛ ЮРА ШТЕРН

Она стала своего рода местом для «паломничества» людей искусства и политики.

Да, Юра был первооткрывателем. Во всем. Он не был экстрассенсом в таком понятии и в таком смысле, как мы все привыкли воспринимать это слово. Но у него была особая интуиция и особое чутье. На все и на всех. Он умел открывать новое, ибо отлично знал, что такое «хорошо» и, что такое «плохо». У Юры было много встреч с разными людьми. Очень много. Он объездил «необъятный» Израиль вдоль и поперек. И всюду у него были друзья и соратники. И на Севере, и на Юге. Были места, где он особенно любил бывать. И, может, так получалось по той простой причине, что он чувствовал себя там, как дома. И весь секрет был в той приятной домашней ауре. Одним из таких излюбленных мест Юра считал кавказский Дом радости. «У Алика». Он был настоящим интернационалистом и большим патриотом по своей натуре: с приличными и деловыми ребятами из горской общины Юра сдружился еще там, на родине исхода. Как теперь принято говорить, еще в той жизни. А в Израиле эта дружба продолжилась. И Алик Давыдов, как гостеприимный хозяин этого Дома радости, как бы олицетворял эту самую взаимную дружбу: трудолюбивый, деловой, энергичный. И

**Алик Давыдов и председатель кавказской общины Хайфы
С.Данилова**

в то же время, необыкновенный самородок — редкий и талантливый знаток восточной музыки и кавказской кухни. Эти казалось бы несовместимые вещи жили в нем, как одно целое, без которых не могло обходиться ни одно торжество и ни один праздник. Именно здесь, Юра частенько проводил свои незабываемые встречи со своими друзьями и соратниками из кавказской общины по партии «Наш дом — Израиль». Он умел не только красиво работать, но и красиво отдыхать, хотя у него на это совсем не оставалось времени. Но в редкие часы досуга, которые он проводил в кавказском Доме радости, Юра весь преображался, подключался к певцам и музыкантам, поднимал настрой всей аудитории. Добрая молва об этом гостеприимном Доме давно летит по всему Израилю. Но лучше и надежней срабатывает «цыганская» почта: из уст в уста. Здесь любят проводить свои семейные торжества не только земляки

Алик Давыдов — душа коллектива

из Крайот, но частенько даже люди из центра страны, хотя там всевозможных ресторанов и уламов уйма. Но, понимающие толк в культуре сервиса и хорошо знающие, что такое кавказское гостеприимство и кавказские ни с чем несравнимые блюда, стремятся сюда. Здесь, у Алика, особая аура. И поэтому он, Алик Давыдов, давний друг ныне покойного Юры Штерна, выступает в этом гостеприимном Доме в самых разных ипостасях. Он — и радушный хозяин, каких только поискать, и он же незаурядный спец по шашлыкам, а еще и великолепный певец. А еще что-то вроде мецената. Алик — страстный поклонник хорошей восточной музыки и песни. В Израиле, как таковой, нет кавказской филармонии, хотя одаренных ребят хватает. И не случайно, что они по средам «слетаются» к Алику: по вечерам здесь властвует музыка. Выступают все, кто пожелает, начиная от известного маэстро, и, кончая теми, кто

вышел на сцену впервые. Кавказский Дом радости «У Алика» стал сегодня не только местом проведения семейных торжеств, но и местом, где молодые таланты во всем блеске могут демонстрировать свое артистическое искусство. Открытые вечера получили здесь надежную прописку. Они уже стали традицией, как бы опровергая крылатое изречение: когда стреляют пушки, Музы молчат. Музыка и песни не переставали звучать здесь даже в самые трудные дни второй ливанской войны. «Звезды» — понятие емкое. Дорожка, проторенная Юрием Штерном, не заросла. Напротив, растет число поклонников кавказского Дома. Правда, не все поют, но все именитые. Ну, чем не «звезда» Анатолий Кашпировский. Можно сказать, легендарная личность. В свой очередной приезд, соединил приятное с полезным: провел пару сеансов с посетителями кавказского Дома. Побывали «У Алика» Ирина Воробей и очень известный певец из Баку, а ныне гражданин Америки Бока. Побывала здесь и очень популярная актриса Елена Яковлева, знакомая миллионам телезрителей по фильму «Каменская». Если говорить о политиках, отметился здесь и Авигдор Либерман. И, как знать, может так стать, что кавказский Дом станет филиалом МИДа Израиля на Севере страны.

Алик Давыдов, вроде, давно живет в Израиле. Но остается истинным кавказцем, не изменившим лучшим горским традициям. И он видит свое счастье не в деньгах. Скажем более ясно, не только в деньгах, хотя бы потому, что он романтик чистой воды и даже филантроп, который продолжает дарить людям радость и вдохновение, оптимизм и солнечный настрой души, которые ни за какие деньги купить нельзя.

В гостях, как дома

Кавказский Дом радости «У Алика» стал местом па-ломничества израильских и российских «звезд».

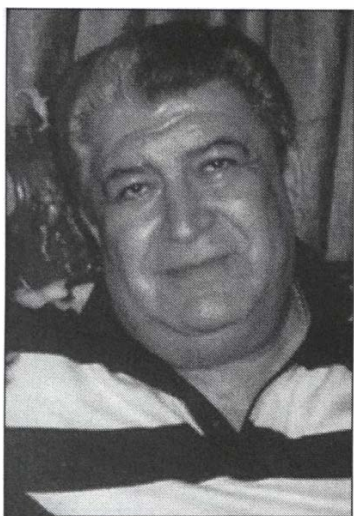

Коллектив «У Алика»

Это не преувеличение. Действительно, с первого дня своего первого появления на арене израильской жизни и по сегодняшний день, он сразу же пришелся по вкусу и простым обывателям, и любителям-гурманам, и людям, чьи имена на слуху у всех: среди них и полпреды большого искусства и даже именитые политики и общественные деятели. В Израиле немало заведений, где можно вкусно поесть, отдохнуть и провести свой досуг в компании друзей. Кажется Платон говорил, что страстно любит людей, которые ищут дорогу к истине, но страшно боится, когда эту дорогу находят. Скажем так: у тех, кто когда-то открыл заветную дорогу к кавказскому Дому радости «У Алика» и у тех, кто открыл эту дорогу только сегодня, этого страха нет и в помине. Есть только одно: чувство наслаждения и чувство благодарности. Как и в любом деле, видимо, и здесь тоже есть свой секрет, с которым и поделился в своей беседе гостеприимный хозяин Алик Давыдов.

— Алик, вряд ли в «наших Палестинах» найдется аналогичное заведение, гостями которого являются столько именитых людей. На самом деле, чем их привлекает ваш Дом радости? Это первое. И как бы в догонку вопрос второй: кто из элитных людей проложил тропу к теперь уже известному кавказскому Дому?

— Мудрецы древности говорили, что за одним мудрым словом можно пройти три моря. Не берусь оспа-

Певец Бока

ривать. Наверно, это так. И я думаю, что так обстоит дело не только с поиском мудрых слов. Так обстоит дело и со всем тем, что касается мест, где человеку комфортно, уютно и по-домашнему тепло. «Цыганская» почта справедливо разнесла о нас добрую молву. О неповторимом кавказском гостеприимстве не слышал, наверно, только ленивый. Вот это самое чудесное гостеприимство и притягивает к нам простых тружеников

и элитных людей, о которых знают далеко за пределами одной отдельно взятой страны. Теперь, что касается «первооткрывателя». Такой человек есть. Точнее был. Это безвременно ушедший Юра Штерн. Он любил бывать у нас. Ему нравилась наша семейная аура. По своей натуре он был исследователем. Находил у нас много познавательного, советовал.

— У Юры Штерна, как принято говорить в таких случаях, нога оказалась «легкой». Сегодня кавказский Дом радости, где горская община отмечает свои семейные торжества, стала родным и для многих-многих израильских и российских знаменитостей. Алик, если не секрет, перечислите несколько имен...

— Никакого секрета нет. Не так давно у нас побывали и весьма охотно общались с нашими постоянными посетителями писатель сатирического жанра Леон Измайлов, известный всем нам по многим популярным телепередачам России. Побывала у нас известная киноактриса Елена Яковлева, снявшаяся в телевизионном фильме «Каменская». Порадовал нас своим посещением популярный певец и музыкант Бока — уроже-

нец Баку ныне живущий в Штатах. Грешно было бы умолчать о таком легендарном экстросенсе, как Анатолий Кашпировский, которого хорошо знают и помнят выходцы из бывшего СССР. Можно перечислить еще очень много людей точнее знаменитостей, которые сочли долгом посетить кавказский Дом радости на правах старых друзей. В этом списке и министр иностранных дел Авигдор Либерман. В этом же списке Карен Аванесян — артист из «Кривого зеркала» российского телевидения. И, конечно же! Вы правильно отгадали: Иосиф Кобзон.

Актриса Елена Яковлева

— Алик, в любом приличном месте, тем более, в кавказском Доме, гостей, видимо, привлекают отменные блюда горских евреев. Еще бы! Кавказская кухня славится во всем мире.

— Да, это правда. Им нравится все из этого арсенала. Но больше всех, конечно, шашлык. Это наше фирменное. Отведать его к нам жалуют не только «русские» люди, но коренные израильтяне тоже.

— Острословы порою утверждают, что стол богат не тем, какие кушанья лежат на нем, а теми, кто сидит за ним. А по сути, богатство праздничного стола — это, конечно, изумительные кавказские блюда, в том числе и шашлык. Спросить же хотелось только об одном: кто их у вас готовит, и, кому ваши посетители обязаны кулинарному наслаждению?

— Эти блюда готовит моя супруга Аня, которая приехала в страну в годовалом возрасте. Говорят, что горские евреи раньше учатся танцевать, чем ходить. Точно

также и кулинарное мастерство передается у нас, как по эстафете, из поколения в поколение

— Все течет, все меняется. Без новизны любое хорошее дело со временем теряет свою ценность. О каком новшестве, внедренном в последнее время вы можете сказать? Маленькая поправка: это не касается только кулинарных праздников...

— Я в этом плане — романтик: больше думаю об удобстве и комфорте людей, чем порою о зарботке. Знаю, что это в израильских условиях, может привести даже к банкротству. Говорят, что риск — благородное дело. И я рискую. А теперь о том самом новшестве. Каждую среду в нашем Доме радости проходят Открытые вечера: каждый мало-мальски талантливый человек может демонстрировать свое искусство, то есть выдавать «на гора» свое умение. Мы в какой-то мере становимся причастными к открытию новых талантов. О привлекает в наш ом большее число людей, невольно превращая, помимо всего прочего, еще и в центр искусства и культуры горской общины.

— Алик, а вы участвуете в этом?

— Да. Участвую. Исполняю кавказские зажигательные танцы, а по просьбе гостей нашего Дома, случается, что и пою. Как говорится, с кем поведешься: ведь мое окружение талантливые люди.

ЗАИР АЗГУР — КАВКАЗЕЦ, КОТОРЫЙ «ЛЕПИЛ» ВОЖДЕЙ

В бывшем СССР этот человек значился одним из знаменитостей, хотя те, кто знал его и общался с ним, всегда говорили о его необыкновенной простоте. Он был очень талантлив. Кто из старшего поколения новых репатриантов не помнит и не видел величественные монументы бывших вождей Ленина, Сталина, Маркса и других исторических личностей на центральных площадях Москвы и Минска, Ташкента и Махачкалы, да и в десятках других городов бывшей державы? Конечно, помнят и конечно видели. А все это были работами одного человека, имя которому Заир Азгур — народный художник СССР и легендарная личность,

Дагестан или, как его еще именуют, Страна гор, дала миру много талантливых людей. Это было и в очень отдаленные времена, и, скажем так, не в очень отдаленные, уже в наши дни, когда многие и многие из людей нашего советского поколения, были свидетелями больших и малых событий, так или иначе влиявших на судьбу мира. По независящим от них обстоятельствам, крутая жизнь разбрасывала их в разные концы не только великой державы, на земле которой они родились, но даже на чужие берега, где они находили вторую родину. Таких людей было много.

Заир Азгур — кавказец еврейских кровей, предки которого в поисках счастья когда-то «поплыли» к чужим берегам и навсегда осели там. В этих «чужих» местах и родился будущий знаменитый скульптор. И фамилию

его предки взяли по названию того местечка, в котором когда-то жили. Это было еврейское поселение Азгури, давшее предкам известного скульптора семейную фамилию. Жизнь молодого Азгура складывалась нелегко. Ни в семье и ни в роду Азгуров, никогда и никто не значился художником, а тем более, скульптором. Он с детства любил играть с глиной, любил лепить разные фигур-

Заир Азгур за работой

ки. Это нехитрое увлечение с годами увлекло его с головой. И уже к 16 годам он понял, что скульптура и есть дело его жизни.

Семнадцатилетним юношей без чьей-либо помощи Заир попадает в элитный ленинградский художественный институт. Уже в этот год он полон новых планов и задумок. Но случается непредвиденное ни им, ни окружающими: молодой человек впадает в депрессию. Долгое время до этого жил впроголодь: не всегда мог купить даже хлеб. Это сказалось на молодом организме. У него обозначился нервный срыв. И преподаватели института обратились за помощью к известному психиатру Бехтереву, который и спас будущую знаменитость. Лечение было кратковременным. А, когда Заир вышел из состояния депрессии, знаменитый психиатр дал ему доброе напутствие, сказав, что самое надежное лекарство — это работа, работа и еще раз работа. Это пожелание Бехтерева, и стало девизом всей его жизни.

С тех пор утекло много воды, Азгур стал Азгуром — скульптором от Бога. Лично я «познакомился» с ним через вожда мирового пролетариата Владимира Ильича Ленина, чью громадную скульптуру устанавливали на центральной площади столицы Дагестана — в Махачкале. Когда памятник был установлен и прошло грандиозное торжество по этому случаю, я пошел осматривать монумент. И тогда впервые я прочел на нем четыре заветных слова — автор — скульптор Заир Азгур. На торжество по случаю открытия памятника, сам скульптор, к сожалению, тогда не приехал. В те годы такие монументы устанавливались чуть ли не повсеместно. И вполне понятно, что Заир Исакович просто физически не мог быть повсюду, где их устанавливали, хотя я думаю, что он, наверно, очень желал побывать хоть раз на своей «исторической» родине.

О Заире Исаковиче еще при жизни ходило много баек. Были, конечно, и правдоподобные. Среди этих рассказов бытовал и такой. Однажды к очередному юбилею вождя, скульптор решил сделать свой необычный подарок. Вы-

ставлять очередной монумент Иосифа Виссарионовича в позе впередсмотрящего ему не хотелось. И он, видимо, решил придать образу вождя некую приземленность. Ведь в конце концов, вождь тоже человек. И он придумал: сотворил собственными руками большое кресло, в которое и усадил вождя, А поскольку злых завистников и недоброжелателей у него было много, то они и воспользовались этим очень подходящим для них случаем: написали донос в компетентные органы. — Мол, смотрите, этот, так называемый скульптор, усадил вождя на трон, как какого-то Наполеона. Письмо пришло по назначению. Оно, как и хотели того авторы пасквиля, попало в руки самого секретаря Сталина. А тот, как и положено, вручил послание с фотографиями лично адресату, то есть Сталину. Вождь внимательно все просмотрел, а просмотрев, дал свое «добро»: ему скульптура понравилась. У недоброжелателей ничего не вышло: вместо отсидки за решеткой Азгур получил за свою работу двойное вознаграждение.

Заир Азгур был очень простым и обаятельным человеком, А еще и очень деликатным. Он никогда не мог обидеть человека. Не обижал и коллег тоже. Ведь не все скульпторы были мастерами такого класса, как он, У некоторых получалось не совсем удачно. Но он никогда не обижал человека и не говорил ему, что работа плохая. Для выражения подобных чувств у него было в запасе эти коротенькие слова: «Да,.. Вот это чудно!»

Заир Исакович знал не только радостные дни, хотя, по большому счету, и был счастливым человеком, Он знал и горе. Еще в год Великой Отечественной похоронил жену Маргариту, которая была известной актрисой. Он много работал, и, естественно, зарабатывал. А заработанное, как и все люди, ставил на книжку, как принято говорить, на «черный» день. Где-то в середине восьмидесятых «разыгралась» девальвация и его деньги, как и у тысяч других людей, «сгорели» на сберкнижке. Он очень тяжело переносил это. И все равно, по старой привычке, продолжал помогать сбившимся с пути лю-

дям, которые по воле судьбы, осели на «дно» жизни. Он очень жалел их, и говорил, что человек должен быть сильным всегда, несмотря ни на какие невзгоды.

Заир Исакович был элитным мастером, имя которого было у всех на слуху. Но он никогда не зазнавался. Да, он любил свои творения, но при этом, частенько подвергал себя критике, говоря, что из всех его

пятисот работ, может быть, пять или шесть чего-то стоят, Это была, конечно, шутка, его творения были образцом настоящего искусства, радующего миллионы людей. Он прожил жизнь, как и положено настоящему кавказцу: построил дом, посадил дерево в лице своих многих талантливых учеников, вырастил замечательного сына с таким же именем, какое носил он сам, а главное остался в памяти легендарным Зодчим и Человеком.

**Азгур усадил Сталина на трон.
Это пришлось, видимо, по душе
вождю**

ШЕНДЕ БАБИЕВ: ТОРГОВЫЙ СПЕЦ СССР, А ЕЩЕ И «ОТЕЦ» ВСЕХ БЕДНЫХ

Это правда: секса в бывшем СССР не было. Полагаю, что не было и бедных тоже. Откуда им быть, — взволнованно говорил мой собеседник. Даже простая уборщица получала 45 «руббликов» в месяц. А это же 30 кг изумительной брынзы по тем временам! — И, все-таки, сказал он, — одного такого я знавал: это был «отец» всех бедных. Его звали Шенде Бабиев. (Из частной беседы на шутливой «волне»)

В бой шли одни «старики»

22 июня 1941 года, ему шел семнадцатый год. Как и всегда, в этот теплый летний вечер Шенде вышел погулять вместе с соседскими ребятами по улочкам родного Дербента. На подходе к центральной площади они увидели множество людей, которые собравшись у старого уличного репродуктора внимательно и настороженно слушали, словно боясь пропустить хотя бы одно слово. А в нем звучало страшное: началась война.

Уже на второй день после ее объявления, Шенде примчался на всех парусах к аппаратам военного комиссариата. Он долго ждал своей очереди. Преодолевая волнение, протянул заявление — Сынок, потерпи чуток, — сказал ему седовласый полковник. Моя отцовская благодарность тебе за любовь к родине. Обязательно позовем. А пока иди домой.

**Шенде Бабиев (справа) рядом с балетмейстером ансамбля
«Лезгинка» Махам Исраиловым**

Но Шенде был настойчив: через несколько дней он пришел снова. И опять получил вежливый отказ. Пришел в третий раз. Видя настойчивость юноши, ему пошли навстречу. Его отправили на фронт, но до этого была короткая учеба — осваивал «азы» солдатской науки. На Северном Кавказе шли ожесточенные бои. Враг в двух шагах от родного дома. Шенде по крупному повезло: он попадает в соединение прославленного генерала Исы Плиева. Имя прославленного кавказца было у всех на устах.

9 мая 1945 года все праздновали Победу. Для Шенде Бабиева война продолжилась: с одной войны он был отправлен на другую. Теперь он воевал на Дальнем Востоке. С двух войн он вернулся по всей форме: с ранениями и боевыми наградами. Его ратный подвиг был отмечен орденами Отечественной войны и Красной звезды, многими другими наградами.

Отличник советской торговли и советник министра

Вот и закончились две войны. Ему, Шенде всего двадцать. С чего-то надо начать жизнь. Суровое солдатское бытие научила его многому. Профессию долго выбирать не пришлось: в роду были люди, которые трудились в сфере торгового сервиса. И он решил не изменять семейной традиции. Он пришел в магазин, где проработал ровно 40 лет. Такое бывает редко. Друзья-острословы однажды окрестили его коротким прозвищем: «Шенде-магазин». Оно осталось за ним на всю жизнь. «Шенде-магазин» из обычного прозвища стало визитной карточкой Дербента, скажем, как крепость Нарын-Кала или «золотая» женщина — Герой Труда Гюльбоор Давыдова. Шенде очень любил дружеское застолье и добрую шутку. Но свое прозвище он носил с гордостью, как боевой орден. Это было не просто прозвище. Это была оценка человеку — его способности и его таланту. И в ту пору в магазинах недостатка не было. Только прилавки были пусты. А вот в магазине у Шенде можно было найти порою то, что иной раз не найти и в Москве. У него был изумительный талант: он мог выбивать, что угодно и, где угодно. Порою родное министерство затруднялось получить товар по фондам: везде был тотальный дефицит. Но Шенде был новатором. Он хорошо освоил смысл короткого слова: «бартер», по другому — обмен. Ему здорово помогали дербентские коньяки и вина, которые пользовались спросом на всей территории бывшего СССР. Он помогал и родному городу, и родному министерству. В его магазине можно было найти любой дефицит. И совсем не случайно, что Управление по туризму Дагестана в те, так называемые застойные времена, внесла магазин Шенде в список достопримечательностей Дербента, куда каждый день прибывало тысячи туристов. И они приходили к нему и восторгались его гостеприимством. Говорят, что все хорошее быстро забывается. Может это и

Шенде Бабиев в кругу семьи

так. Но есть вещи, которые ни время и ни обстоятельства не могут изгладить из сердца или из памяти. Магазин Шенде был настоящим местом встреч. К нему приходили знакомые и совсем чужие люди со своими радостями, а больше со своими просьбами. Приходили, потому что знали, что для этого человека нет чужой радости и чужого горя. Он обязательно поможет. Рассказывали о многих таких случаях и в числе их и об этом тоже. Однажды пришел земляк — отец большого семейства. — Шенде, дорогой, выручай. Через месяц свадьба у сына-первенца. Дома шаром покати. Сам знаешь кавказские обычаи: нужны дорогие подарки. Да и вообще, много чего нужно. А мне даже музыкантам заплатить не из чего. Помогите. В ответ на это, Шенде сказал просителю: «Не беспокойся и не расстривайся. Помогу. У меня есть кое-что про запас, кой-какие сбережения на неприлвиденный случай. Посчитай сколько надо и приходи завтра же».

Шенде не был богачом, как сегодняшние бизнесмены. Каждую копейку он зарабатывал потом и кровью, ценой своего здоровья. Зарабатывал честным трудом и коммерческим талантом, не обманывая никого.

Скажи мне кто твой друг...

Шенде Бабиев был очень коммуникабельным и общительным человеком. И хотя у него не было высшего образования, он был «профессором» в своем ремесле. И его всегда окружали очень именитые и интеллектуальные люди.

Одним из близких людей, с кем он поддерживал теплые дружеские отношения был поэт Расул Гамзатов, который принимал участие во всех семейных торжествах. Но кроме Расула в списке его друзей значился и первый и последний народный артист СССР балейтмейстер и главный человек всемирно-известного ансамбля «Лезгинка» Танхо Израилов. Кстати, он приходился ему и родственником. В этом же списке друзей значился и экс-министр торговли Дагестана Багаутдин Гаджиев, чья жизнь впоследствии оборвалась трагически.

50 лет носил Шенде в своем теле осколок от вражеской пули. Но умер он не от ран и не от старости, хотя и был уже в приличном возрасте аксакала. Однажды ему потребовалась операция, которую могли сделать только за границей. Дети предложили Израиль, который Шенде очень любил. Он никуда не поехал, сказав, что хочет умереть там, где родился — в родном Дербенте. Несколько лет назад он ушел из жизни. Сегодня упорно ходят слухи о том, что горско-еврейская община Дербента ходатайствует перед властями о присвоении одной из улиц древнего города имени Шенде Бабиева.

«ПРИНЦ» С МУЖСКОЙ ПРОФЕССИЕЙ, КОТОРОГО ЛЮБИЛИ ЗНАМЕНИТОСТИ

Лекарство должно быть пищей, а пища тем же лекарством, — говорили древние эскулапы. Такого мнения придерживаются и современные врачеватели. Но сама по себе, не каждая пища может быть вкусной и одновременно полезной. Таковой ее делают умелые руки мастеров кухни. А лучше сказать, волшебников. Вот Рафик Инатаев как раз и есть человек из такой плеяды — из плеяды волшебников.

Что правда, то правда: он немножечко опоздал со своим рождением. И по этой самой причине, выпала маленькая неувязочка: он не успел совершить ни одного ратного подвига — ни в той памятной Великой Отечественной, ни на войне с афганскими маджахедами. Поэтому его имя и не значится ни среди Героев и его именем не названа ни одна из улиц его родной Махачкалы...

И тем не менее, Рафик Инатаев, был человеком заметным в той прошлой дорепатриантской жизни. Он не

Рафик Инатаев

был прославленным капитаном дальнего плавания или прорабом перестройки. Но это и не важно: Рафик был и остался на всю отмеренную Б-ом жизнь человеком с настоящей мужской профессией: «принцем» поварской гильдии. Кулинарное дело стало его призванием. А его первые «азы», он овладевал параллельно с солдатской наукой. Казалось бы, что солдатская кухня мало приспособлена для экспериментов и выдумок. — Щи, да каша — вот и вся та радость наша, — шутя говаривали новобранцы. Устав не велит. Но, несмотря на все запреты, молодой горец умудрялся творить, выдумывать, пробовать. Правда, потом за свое усердие получал «взбучки» от начальства. И все равно, наказывая уважали. Даже в увольнительную отпускали чаще, чем других. Жизнь на гражданке началась с работы «на колесах». Рафик хотел проверить себя на трудном участке, как бы устраивая экзамен самому себе. Вагон-ресторан фирменного поезда «Дагестан» был сродни мартеновскому цеху: очень ответственная, жаркая и не знающая перекуров. Работа, которую не каждый выдержит: неделя «на колесах», короткий отдых и снова рабочая вахта. Спасала армейская закалка. Фирменный поезд «Дагестан» считался на Северо-Кавказском отделении самым образцовым. Его неспроста называли уютным домом дальнего следования. И среди пассажиров был и

Рафик Инатаев среди коллег. Снимок из семейного архива

простой «люди», и, конечно, знаменитости: поэт, известный всей стране и лауреат Ленинской премии Расул Гамзатов, очень любивший Дагестан космонавт Андриан Николаев, пятикратный чемпион мира Али Алиев. Всех перечислить просто невозможно. Рафику довелось обслужить на этом поезде и партийную делегацию Дагестана, которая принимала участие в работе 26 съезда ЦК КПСС. Среди делегатов было много известных людей В порядке шутки, они говорили ему: Рафик, как член партии, ты должен нас хорошо обслужить, мы должны выглядеть на все сто! Вот они, эти самые люди, и выражали не раз и не два свой восторг в адрес волшебника — кулинара Рафика Инатаева в Книге отзывов и предложений. Ознакомившись с этими записями, руководство решило, что такой мастер должен порадовать своими блюдами и гостей Республики, и местных гурманов в центральном дорресторане дагестанской столицы, который работал днем и ночью, все 24 часа суток на привокзальной площади. Мастер отличился и здесь. И, конечно, по призванию, а не по партийной обязанности.

И звезда с звездой говорит...

В Махачкале была загородная правительственная резиденция, где проходили приемы официальных лиц — гостей из Москвы и даже и дальнего и ближнего зарубежья. Первый секретарь Обкома партии и член ЦК КПСС Магомед-Салам Умаханов был очень хлебосольным человеком и умел организовывать для своих гостей памятные праздники. А какой праздник без кавказского застолья? И Рафик частенько получал приглашение в числе избранных кулинару: готовил фирменные блюда для участников деловых посиделок. Уж кто-кто а поэт и автор знаменитых «Журавлей» Расул Гамзатов был настоящим гурманом и значился тонким знатоком не только изящной словесности, но и кавказских блюд Не секрет, что знаменитый поэт чтит людей из иудейского племени, И Рафика Инатаева знал тоже немало лет. И может даже, что совсем не случайно, местом для своих встреч с друзьями, которые навещались

к нему чуть ли не со всего Союза, выбирал привокзальный дорреесторан, каждый раз заведомо извещая кудесника блюд о своем визите и каждый раз заранее зная, что тот на рабочей вахте. Расул был человеком с юмором. И порой на шутливой волне с неизменным горским акцентом говорил своим гостям на посиделках: У минэ ест адын сикрет. У минэ ест суавтур. Это Рафык. Бэз его вкусных билюд, я не писал бы хороших стыхов. У Рафика было немало встреч со знаменитостями. В этом списке и прекрасный голкипер, которому в свое время, даже великий Пеле не смог забить «пенальти». Да, все правильно: это Лев Яшин. На одной из встреч в Махачкале в кругу своих поклонников, он тоже в шутку сказал, держа Рафика за руку: если бы мне пришлось делать выбор между Гиппократом и отменным кулинаром, я б, наверно, выбрал бы второго. Ведь хороший кулинар и есть настоящий врачеватель.

Мой дом — моя крепость

О поездке на родину предков Рафик думал давно: еще в далекие семидесятые. Он только начал свою кулинарную деятельность. Но задумке не суждено было сбыться: разные житейские дела отодвинули эту поездку «на потом». А вскоре так получилось, что он втянулся в работу. А еще пришла известность. И все пошло поехало. А, когда наступили бесхозные девяностые, Рафик всерьез задумался об отъезде. А вскоре он стал «оле-хадашем». С той поры прошло много лет. Разные бывают у человека времена. О нем знают и на новой родине. Знают и чтут. Но годы дают знать о себе. Сегодня Рафик «клиент» «Битуах Леуми». Но поэт кухни не забывает о своем ремесле: частенько организует у себя дома дружеские посиделки, на которых экспериментирует новые изумительные блюда кавказской кухни и потчует ими своих друзей и близких. Эти «шабатоты» стали для него уже традицией.

МИША БАБИЕВ — КАВКАЗЕЦ, КОТОРЫЙ ЛЮБИТ ОР-АКИВУ И НЕ ЗАБЫВАЕТ ДЕРБЕНТ

Кажется великий Платон сказал, что уважает тех, кто ищет истину, но очень любит тех, кто ее нашел. Миша Бабиев и есть тот самый настоящий «охотник» за истиной. Еще пять минут назад он чувствовал себя, как резвый конь на больших скачках. Ничто не предвешало беды. Но правду говорят, что никогда и не от чего нельзя зарекаться. Особенно от плохого. Это случилось, что называется, на ровном месте. Все не предусмотреть. В считанные минуты, он из здорового человека превратился в инвалида. Костыли теперь стали его спутниками жизни. Его вины не было: ответственные люди не очень величали технику безопасности. Начались не очень приятные хождения по врачам. Легкому на подъем и очень подвижному человеку, как Миша Бабиев, это стоило нервов и отказа от многих привычных вещей. Но все это, могло выбить из коллеи кого угодно, но только не его. И даже будучи на костылях, он не стал домоседом: продолжал вести активный образ жизни.

В Ор-Акиве, где живут очень много горских, Михаила не знает только ленивый. С первых дней приезда в Израиль, он с головой ушел в общественную работу. Его хорошо знает не только рядовой люд, но и те, кто во власти. Один из них — мэр Ор-Акивы Симха Есипов. И это отнюдь не шапочное знакомство. Ведь и Симха в прошлом гражданин древнего Дербента. Вместе с другими земляками, Михаил много помогал ему во время очеред-

Миша Бабиев

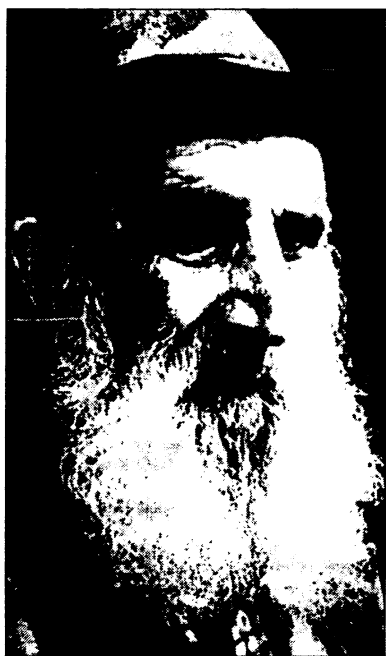
ных выборов: ходил по домам, просил поддержать своего человека, разносил рекламную литературу и даже дежурил на избирательном участке. И речь никогда не шла о какой-то оплате или личной выгоде. Он работал, как волонтер. Да и в сущности, был таковым. Очень хотел, чтобы свой, кавказский человек преуспел на политическом поприще. А главное, чтобы этот пример «заразил» выходцев с Кавказа и прибавил им уверенность в себе и в свои возможности. Земляки знают Михаила и в другом качестве, как религиозного подвижника. Он — не раввин. И никогда им не был. Но сколько себя помнит, любил и любит Тору. Поэтому его одно время назначили даже габаем кавказской синагоги. И он успешно выполнял свои обязанности, даже будучи на костылях.

С первых дней жизни в Израиле Михаил на тяжелой физической работе Род у него большой. И некоторые из близких живут и работают в сфере бизнеса в самой Москве. Еще много лет назад, да еще и сегодня, они очень просят его приехать, чтобы найти себя в бизнесе, и, чего таить, заработать какие-то деньги. Но Михаил деликатно отказывается: ему заработанная копейка дома дороже, чем сотни «зеленых», заработанных на чужбине.

Какой человек из Дербента не любит посиделки в чайхане? Вряд ли такой человек найдется и в Ор-Акиве. И Миша Бабиев в свое свободное время, которого у него не так и много, тоже любит посидеть там в кругу земляков. И получается не просто посиделки, а чуть ли не «новгородское вече» кавказского посла. Круг вопросов широк: это и турецкий скандал, и прошедший чемпионат мира по футболу, и житье-бытье в сегодняшнем Дербенте. И Михаил частенько «дирижирует» на этих дискуссиях. В спорах рождается истина. И то правда, не все, что происходит на новой родине, нравится этому человеку. Но свой выбор он сделал правильно: живет у себя дома на еврейской земле.

БОБИ АШУРОВ — РАВВИН, КОТОРЫЙ ДРУЖИЛ С ЛЕГЕНДАРНЫМ ТРУМПЕЛЬДОРМ

Рав Боби Ашуров

Он прожил долгую и очень интересную жизнь: ему было всего 26 лет, когда его утвердили на должность главного раввина Северного Кавказа. Рав Боби, по праву, может быть вписан в Книгу рекордов Гиннеса по одной простой причине: на своем раввинском посту он остался до конца своих дней, честно прослужив Всевышнему и людям ровно 80 лет. Он много повидал на своем веку и умер в почтенном возрасте: ему было 103 года отроду.

Рав Боби был на редкость простым и скромным человеком. С ребенком он не стеснялся быть ребенком, с мудрым человеком был мудрецом. Он был прост, как пахарь. А еще он был солдатом двух мировых войн, которые потрясли и преобразили мир. Рав Боби впервые надел серую суконную шинель еще в далеком 1914 году,

когда стал солдатом российской империи. Здесь, в сырых и заснеженных окопах, он впервые познал запах пороха и запах крови. Тогда он еще не был раввином: ему было всего двадцать лет. Но уже тогда он говорил со Всевышним: перед каждым боем будущий ребе усердно читал молитвы из Торы, которые он знал наизусть с детских лет. Они помогали. Но пули и снаряды были куда сильнее: погибали такие же молодые, как он солдаты. И Боби Ашуров вместе с другими сослуживцами, хоронил их и читал «кадиш», независимо от того, кем были погибшие: русскими, евреями или кем-то еще. Именно здесь, в этом крошечном аду, где жизнь человека ничего не стоила, и, могла оборваться в любую минуту, Боби Ашуров раз и навсегда решил, что он посвятит себя служению Всевышнему. Казалось бы, видя весь этот ужас, его сердце должно было бы ожесточиться и он должен был возненавидеть все и вся, но, нет. Его сердце и все его существо наполнилось какой-то необъяснимой любовью ко всему живому и большой ненавистью ко всему, что несет зло и смерть.

Мой друг Трумпельдор

С той памятной поры прошло очень много лет. Но та война и те солдатские траншеи и окопы, гибель и похороны однополчан — все это осталось в его памяти на всю жизнь. Война сближает людей. На этой войне, именуемой Первой Мировой, судьбе было угодно сделать молодому кавказцу чудесный подарок: здесь он познакомился, а потом и подружился с легендар-

Иосиф Трумпельдор

ным человеком — со своим единоверцем и земляком с Кавказа, кавалером всех четырех Георгиевских крестов и Георгиевских медалей — Иосифом Трумпельдором. Вот, что писал о нем его близкий друг Д.Белоцерковский: «Вот он, как живой, стоит передо мной — рыцарь без страха

и упрёка, высокий, стройный, с открытым, красивым и приветливым лицом, обаятельный и простой с орлиными и пронизательными глазами, внушающими уважение к себе и приводившими в трепет, на кого он сердился».

В этот период Трумпельдор был направлен в Палестину для оказания помощи русским подданным, к которым оттоманские власти стали относиться крайне враждебно. Известно, что этот человек — символ храбрости и беззаветного солдатского долга. Но раввин Боби Ашуров и знать не мог, что его друг — бесстрашный Иосиф — погиб в той же Палестине в одной из кровавых стычек с многочисленными арабскими бандитами.

Солдат Великой Отечественной

В его долгой жизни было всякое: были и радости, и много тревожных дней. На его веку были и две войны. И он — раввин Боби Ашуров, был солдатом обеих. Он видел салюты Победы. Кто-то, а он хорошо знал, какой ценой она досталась. Но в его жизни была и другая война и другой фронт. Это сейчас, можно исповедывать любую религию. В этом плане никаких запретов ни в одной стране мира нет. А раввин Боби помнил и другие времена, когда религия была не в столь высокой чести. И надо было проявлять максимум мудрости и терпимости, чтобы как-то сохранить даже маленькую возможность еврейской жизни. У раввина, тем более, главного, много обязанностей. Это не только чтение молитв и проведение торжественных и траурных ритуалов. Он еще и дипломат и общественный деятель. И раввин Боби Ашуров, действительно, был таковым. Он был очень коммуникабельным человеком. И, как таковой по роду своих обязанностей, да и просто, как человек, много общался с различными деятелями культа всех конфессий — с мусульманскими и православными. И не только. С ними, а еще и с властью имущими. Северный Кавказ, да и сам Дагестан — это множество народностей. Не надо объяснять, что находились люди, которые не очень уважительно относились

к евреям. Но не зря говорят, что и один в поле — воин. Главный раввин мог делать «погоду» в обществе. От его умения правильно и умно общаться со своими коллегами по религии, зависело многое. Его уважали и очень часто приглашали на свои мероприятия. Это укрепляло общину, вносило теплоту в общении между людьми из других вероисповеданий. Наконец, это давало уважение.

Раввин Боби Ашуров ушел из жизни уже много лет назад. Но о нем помнят. Помнят и в Дагестане и даже здесь, в Израиле, где сегодня живут почти все его потомки — дети и внуки, и, где живут многие и многие земляки из Махачкалы и Дербента, Маджалиса и Буйнакска. О нем помнят и, как о большом раввине и праведнике. О нем помнят, и, как о солдате двух мировых войн. Помнят, как о храбром фронтовике и кавалере высоких правительственных наград. Орден Великой Отечественной — один из многих наград, достойно украшавших его грудь.

Все его ученики

Раввина Боби Ашурова можно было видеть во многих городах Северного Кавказа, где он был почетным гостем в во всех горских общинах. В какой-то семье надо было провести свадебную купу, в другой, наоборот, провести кого-то в последний путь. Но у него была еще одна столь же приятная, сколь и ответственная миссия: он мирил людей-супругов, которые прожив долгие годы, вдруг оказывались совсем чужими людьми. Мирил и непримиримых врагов, которых долгие годы сопровождала ненависть. Сегодня все эти люди благодарны покойному раввину с добрым отеческим сердцем — Боби Ашурову. Но у этого человека и у этого учителя по вере и по жизни, были еще и ученики, которых он любил, и которых учил, как быть евреем, и, как быть честным перед собой и самим Всевышним.

ВИКТОР РАБАЕВ: ПОЕДИНОК С «ГИННЕССОМ»

Виктор Рабаев семь раз вписан в Книгу рекордов Гиннеса

Концертный зал Орота (пригород Ор-Акивы) «Эш-коль ха-Пайс» видел на своем веку многих именитых и элитных людей. Но на этот раз здесь, как говорят, яблоку негде было упасть: людей собралось великое множество. А «виновником» такого «нашествия» стал известный каратист Израиля и обладатель «черного» пояса 7-й ДАН, уроженец древнего Дербента Виктор Рабаев, который на этот раз впервые бросил вызов его величеству Гиннесу, как факир. Далеко не все желающие смогли попасть в тот вечер на это уникальное зрелище.

Посмотреть этот феноменальный показ пришли не только любители и поклонники острых ощущений, или по-другому, любители экстрема. Оценить это «шоу» пришли министры и депутаты, известные общественные деятели, деловые люди, представители муниципалитетов. И среди них главный болельщик — мэр Ор-Акивы Симха Есипов, который и сам в прошлом был неплохим спортсменом, а сегодня оказывает своему земляку и соотечественнику всяческую посильную помощь.

Но это было не только «шоу». Это был еще и первый официальный экзамен Виктора по факирству, который он должен был сдать членам международной Лиги из Книги рекордов Гиннеса. Они и должны были признать

На вручении диплома

номера израильского факира достойными для внесения в эту самую заветную Книгу. Забегая вперед скажем: никто из присутствующих не обманулся в своих ожиданиях — ни строгие судьи, ни поклонники. Виктор не разочаровал никого. В программе Виктора было несколько шокирующих номеров, один покруче другого. Вот, например, такой. Он ложится на большую грудку разбитых стекол. Дальше больше. Участвующие в этом «показе» ассистенты, ставят ему на грудь до 500 килограммов увесистых камней. А затем начинается самое любопытное: они начинают прямо на груди смелого факира разбивать их внушительной кувалдой. Следующий трюк Виктора был не менее впечатляющим и отнюдь не предназначенным для людей со слабыми нервами. В качестве эксперимента он выбрал легковые машины. В первом эпизоде факир лежит на помосте, а через него проезжает одна из довольно тяжеловесных легковушек. Другой человек навряд ли после этого поднялся бы вообще. А Виктор встал

и, как ни в чем не бывало, продолжил показ своих номеров дальше. Номер во втором эпизоде был не менее экцентричным. Факир находится между двумя машинами. Желание водителей состыковать их и сблизиться вплотную, ни к чему не приводит: колеса машин начали буксовать. Факир Рабаев превзошел лошадиную силу. Зал был в восторге, а экзаменаторы... в шоке. Они просто сдались на милость победителя. Так, впервые после этого памятного выступления, Виктор по-справедливости и достоинству вписался в Книгу рекордов Гиннесса. А уже спустя какое-то время он еще пять раз кряду удивлял публику и строгих экзаменаторов, став таким образом первым из факиров, удостоившихся чести быть вписанным в мировую Книгу шесть раз!!! Сегодня Виктору Рабаеву 46. Казалось бы, человек достиг высоких титулов в большом спорте, а теперь и в другом амплуа — факирстве. Даже очень известные кумиры давно уже в этом приличном возрасте просто болельщики. Но не таков Виктор. Он не успоаивается на достигнутом: хочет еще и еще раз покорить новые высоты. А, если говорить более конкретно, хочет еще раз удивить Гиннесс. И совсем неспроста, что сегодня к его персоне приковано внимание отечественных и зарубежных телеканалов.

А новая программа факира более сложная и более захватывающая. Можно сказать даже экстремальная. Этот номер с самурайскими саблями и топорами. Другими словами, метание их в живую цель, то есть в человека, ничем и ни от чего не защищенного и не подстрахованного. Единственная подстраховка — это твердая уверенность в мастерстве и в филигранности факира по имени Виктор Рабаев, который по-своему прославляет свою новую еврейскую родину Израиль.

Наверно, и этот прошедший 2010 год, выдался для Израиля самым жарким за последние несколько лет... Речь, конечно, не о погоде, как таковой, а о неординарных событиях, которые развернулись почти на всей территории страны: идет война. Но несмотря на это, жизнь в наших Палестинах продолжает идти своим чередом: рождаются дети, пишутся книги, ставятся рекорды. И лучшей иллюстрацией этому, новые факирские показы многократного чемпиона Израиля по каратэ и обладателя «черного» пояса 7-й ДАН Виктора Рабаева, который сделал головокружительную попытку быть записанным в Книгу рекордов Гиннеса в очередной раз!

30 лет назад, юный репатриант из древнего Дербента по имени Виктор Рабаев сделал первый шаг в большой

спорт. Этот дебют оказался удачным и счастливым. Сегодня Виктор Рабаев продолжает начатое дело, но уже в несколько другом амплуа. Он освоил в совершенстве еще одну науку — науку факирства, доведя это ремесло до степени искусства.

Он много разъезжает по стране, выступает перед большими аудиториями — любителями «острого» и необычного. Эти «показы» всегда собирают не только множество людей, но всегда вызывают восторг и восхищение публики. Факир, чье имя уже много раз внесено в Книгу Рекордов Гиннеса, не успокаивается на достигнутом: готовится «атаковать» «Гиннесс» еще и еще.

Этот израильтянин кавказского происхождения, о котором идет речь, и которого зовут Виктор Рабаев, на языке факиров разговаривает уже давно. Он известный каратист, но в последнее время факирство стало основным делом его жизни. Его удивительные показы привлекли внимание не только любителей спорта и экзотики, но и многочисленные телевизионные каналы Израиля и зарубежья. В «показах» Виктора всех привлекают одно и тоже: сила, риск, мастерство, феноменальное умение управлять своим телом.

Особенно запомнился его прошлый «показ», его профессиональный экзамен, который он сдавал членам специальной комиссии Книги рекордов Гиннеса. Эти экзаменаторы и должны были вынести свой последний вердикт: есть рекорд, или его нет. Но Виктор, к счастью, не оставил своим оппонентам из представительства никаких шансов на какие-то колебания и сомнения. Все было выполнено четко, грамотно, а главное, профессионально.

Факир — особая работа

Сегодня Виктор Рабаев — первый израильтянин кавказского происхождения, который удостоился быть занесенным в эту почетную Книгу Славы. О том, что это был особый показ говорило то, что на просмотр пришли

министры, депутаты кнессета, видные общественные деятели. Публика видела многих факиров: кто-то из них проглатывал пламя, другой усыплял внушительного размера питона, третьего «заживо» распиливали.

Трюки Виктора Рабаева совершенно другого рода: они уникальны и в природе до сих пор не существовали. В этом плане зрителей приводит в некий «шок» его эксклюзивный номер, с которым он и вошел в эту самую Книгу рекордов. Он лежит на большой грудке разбитых стекол. На груди у него 500 килограмм разномастных камней. Но это не самое главное. Самый впечатляющий момент номера: один из ассистентов отбойным молотком весом в 10 кг разбивает эти камни прямо на груди Виктора. Вся «соль» номера в том, что в нем нет никакого обмана. Настоящие камни. Настоящая кувалда И, конечно, самые что ни есть настоящие разбитые стекла. Как в шутку говорят его многочисленные друзья, Виктор не работает «под фонограмму».

Но лежание на разбитых стеклах с полтонной камней на груди, далеко не единственный номер, который вызывает у его зрителей особое волнение. Его арсенал богат и разнообразен. И это всегда трюки, связанные с определенным риском и шекотанием нервов, а еще и сложностью исполнения. Когда какой-то факир «проглатывает» ножи, мы понимаем, что это иммитация.

Но когда Виктор лежит на грудке разбитых стекол, когда через него проезжает машина, никто уже не сомневается в правдивости номера. Это настоящая работа. Работа нервов, опыт, самовнушение, умение управлять своим телом. Это натренированность тела и головы вместе взятых.. Это Виктор Рабаев.

РОЗА, КОТОРУЮ ЛЮБЯТ ВСЕ

Уж так повелось издавна: когда речь идет о женщине, по особой деликатности, не принято говорить о ее возрасте. Но говорить о женщине, которая в свои шестьдесят плюс излучает редкий свет добра и мудрости, а еще выглядят на зависть другим, просто красавицей, это, наверно, достойно уважения.

Роза бат Цион Увайдова, если говорить одной строкой — это визитная карточка бухарской общины

Называй меня ласточкой...

Она родилась в Душанбе. Перед той самой войной, которая унесла миллионы людских жизней. Роза войну не помнит. А вот тяжелое послевоенное детство врезалось в память на всю жизнь. Родительская семья была многодетной: надо было всех одеть, обусть, накормить. Чего скрывать, достатка в семье не было. Но зато была настоящая забота и любовь: родители души не чаяли в каждом своем чаде. Природа одарила Розу многими достоинствами. С детских лет она была необычайно красива, а еще всевышний одарил ее многими талантами: она пела и танцевала, как самая настоящая заправская актриса. Только местом для выступления была не роскошная сцена, а маленький, но очень уютный дворик, куда посмотреть на юное дарование не без удовольствия приходили и многие из соседей. Да, Роза мечтала стать известной актрисой, но своим еще дет-

ским умом понимала, что это сейчас просто фантазия. Надо помочь родительской семье, а там будет видно. Как говорят, утро вечера мудренее. Сказано — сделано. Она не сразу сообщила родителям о своем решении. Боялась, что не получит родительское «добро». И в один день все-таки сказала им о своем решении. Конечно, сильно растроились. Но потом все обошлось. А Роза — девочка-подросток стала... швеей. Она стала работать в одном из артелей Сталинабада, переименованного затем в Душанбе. Работа была не из легких. Ей бы в ближайшем садике резвиться с подружками, а вот час, другой, третий надо строчить, сидеть за швейной машиной. Но все равно, талант прорывался наружу: в короткий обеденный перерыв Роза не отказывала себе в удовольствии услаждать своим пением слух тех, кто

Роза Увайдова в гостях у Льва Леваева

работал с ней рядом. А рядом работали и очень взрослые женщины, которые годились ей в матери, и такие же подростки, как она сама. Но творческая «жилка» не давала Розе покоя: она решила раз и навсегда заняться делом, которое было бы ей по душе.

Иду... в прошлое

Это неотвратимое желание привело ее вначале в издательство, которое занималось выпуском учебной литературы, а чуть позже в Центральный архив Республики. Роза сразу окунулась в свою стихию. Работа в Архиве была интересной и даже захватывающей. Архив располагал хорошей библиотекой. Сюда приходили уважаемые доктора наук, студенты и будущие соискатели ученых степеней, которые здесь искали нужную и полезную для их работ информацию. Они давали свои заявки на необходимые источники. Надо было перевернуть много бумаг, чтобы найти одно нужное. И этими поисками занималась Роза. Она уходила в прошлое: в дела столетней и даже тысячелетней давности, уточняла даты и события, а еще многое другое. Работая здесь, она поняла, что архив — это особая наука. Она поняла, что это кладовая прошлого, бесценная летопись, откуда можно черпать неизвестные дотоле факты. И не случайно поэтому, сюда приезжали не только ученые «мужи» со всего бывшего СССР, но и аспиранты чуть ли не со всего мира. Роза была в своей стихии. Ей очень нравилась работа. И она решила посвятить ей всю свою жизнь. А решив, поступила на заочное обучение в очень престижный даже и сегодня всесоюзный историко-архивный институт. И она его закончила. И кто знает, как бы обернулась ее судьба, если бы не произошли чрезвычайные события, которые потрясли Союз Советских Республик. Роза бы, наверняка, сама бы защитила диссертацию на соискание ученой степени... Но, увы! Началась новая эпоха — эпоха большой алии. Она коснулась всех. И розы бат Цион тоже.

На встрече с Шимоном Пересом

О той святой земле она слышала давно. И тайно грезила ею, но никак не могла предугадать, что исход близок.

Жизнь на земле предков

1979 год стал для Розы знаменательным. Она стала репатрианткой. А это слово очень объемное и очень многозначительное: что-то наподобие фронта. Это не преувеличение. Так и есть. Фронт. Многие по приезду растерялись: сразу бросились зарабатывать. Шли на любую «черную» работу, начисто забыв о прежней престижной работе инженера, педагога, артиста. Надо выжить. Роза так не считала, хотя очень нуждалась. Она пошла учиться по-новому. Закончила курсы при Тель-Авивском университете. Подтвердила свой диплом специалиста архивного дела. А вот продолжения не получилось. Ее пригласили на работу в «Кол Израэль» — в бухарское радиовещание на израильском Радио. И Роза стала работать на ниве журналистики. Была на Радио и

Роза Увайдова

диктором, и директором вещания. Роза осталась верна себе и здесь: отдавала работе всю себя без остатка. Поэтому и передачи получались на редкость интересными. Их слушали не только в Израиле, но и в других странах, где есть бухарская диаспора. Она оживила эфир острыми политическими передачами, проводила интервью с известными людьми общины — с деятелями искусства и культуры, учеными, религиозными авторитетами. И несмотря на то, что все это отнимало у нее много времени, Роза все-таки находила и находит еще время для того, чтобы во всей полноте проявить и свое данное всевышним артистическое дарование. Она постоянно участвует в самых различных театральных спектаклях, а также Декадах, посвященных фольклорному искусству бухарских евреев. Из спектаклей с ее участием можно отметить «Царь Соломон». Роль матери одной из героинь, стала заметной вехой в ее театральной деятельности. Роза принимала участие и в Декаде фольклорного искусства бухарских евреев, которая проходила в Париже. Была она и в гастрольных поездках в Америке. И везде успех, и везде блистательные отзывы благодарных зрителей и поклонников театрального и певческого искусства.

Очень трудно поверить, что этой очаровательной женщине... столько хороших лет. Но, как писал автор «Журавлей» поэт Расул Гамзатов, мои года — мое богатство. А мы все — ее земляки и дважды соотечественники, богаты такими людьми, как Роза Увайдова.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Роман Бадалов.....	5
Еврейские праздники.....	7
13 основ нашей веры	15
История про Берешит — про то, как ХаШем сотворил мир.....	18
История про Авраама, Сару и про Авимэлоха, царя Герара.....	20
История про то, как евреи вышли из Египта.....	23
История про то, как родился Моше	26
История про то, как фараон решил уничтожить евреев	29
Кашрут.....	32
Цари и пророки.....	35
Изгнание.....	55
Рафаэль Хискияев — «чигардуст», который остается жить.....	68
Фатима Борухова: певица, которой аплодировал Сталин	87
Яков и Люба Якубовы: жизнь во имя милосердия.....	93
«Юсеф-ча» — памятник при жизни Юсефу Рубинову, для которого милосердие — это долг и традиция	99
Горские евреи: хазарская загадка Семендера	111
Юно Авшалумов: вся жизнь в музыке.....	114
Тот самый Менашер, о котором знал Нострдамус.....	119
За мудрым словом.....	125
Аарон Авшалумов — «китаец» кавказских кровей, давший миру потрясающую музыку.....	131
Рав Юно — человек, который говорит со Всевышним	136
Ханан Нив: свой человек в Хинаните, или Поселенец со стажем.....	141
Кнессет на каникулах: все «У Алика», или «Планета», которую открыл Юра Штерн.....	147
Заир Азгур — кавказец, который «лепил» вождей	155
Шенде Бабиев: торговый спец СССР, а еще и «отец» всех бедных.....	160
«Принц» с мужской профессией, которого любили знаменитости.....	165
Миша Бабиев — кавказец, который любит Ор-Акиву и не забывает Дербент.....	169
Боби Ашуров — раввин, который дружил с легендарным Трумпельдором	172
Виктор Рабаев: поединок с «Гиннессом»	176
Роза, которую любят все.....	182

Роман Баданов, или, как его еще называют, доктор Бадалов, — известный поэт, прозаик и журналист. Его творчество давно известно и российскому, и израильскому читателю. Он — автор ряда интересных книг прозы и поэзии, среди которых наиболее известны: «Иду на огонь», «Живу на войне», «Кавказские тосты», «Похищение Семендера», «Анджи-наме». В свое время две книги писателя были представлены на соискание государственных премий. Здесь, в Израиле, это «Живу на войне», а на родине исхода, это «Иду на огонь». На литературном поприще Роман Бадалов дебютировал, как поэт. Он был самым юным делегатом на Первом съезде молодых писателей Дагестана.

До приезда в Израиль, Роман Бадалов работал собственным корреспондентом ряда центральных газет по региону Северного Кавказа, параллельно активно сотрудничая с центральными художественными и общественно — политическими журналами: «Москва», «Нева» «Знамя», «Звезда», «Молодая гвардия» и «Звезда Востока».

С 1995 года живет в Израиле, активно работая и как писатель, и как журналист. Регулярно печатается на страницах «Новости недели», «Вести», «Секрет», «Менора».

Его имя занесено в Краткую еврейскую Энциклопедию.

«Встретимся в Иерусалиме» — последняя работа писателя.